

*100-летию ВЛКСМ
посвящается*

Ветераны МИД — воспитанники ВЛКСМ.
Празднование 95-летия Комсомола, Москва, октябрь 2013 г.

МОЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ

Воспоминания ветеранов дипслужбы

Том 28

МОСКВА
«Вест-Консалтинг»
2018

В работе над сборником принимали участие:
В. И. Морозов, А. О. Семенов, Ю. А. Спирин,
А. Г. Чернов (главный редактор).
Координатор проекта И. П. Старовойтов,
помощник координатора А. Б. Устинова.

Моя комсомольская юность. Воспоминания ветеранов дипслужбы.
Том 28 — М.: «Вест-Консалтинг», 2018 — 260 с., илл.

ISBN 978-5-91865-526-9

В сборнике «Моя комсомольская юность» ветераны дипломатической службы вспоминают годы, связанные с ВЛКСМ.

Книга посвящена столетию Комсомола. Рассчитана на широкую читательскую аудиторию.

Совет ветеранов МИД России выражает глубокую признательность Фонду ветеранов дипломатической службы, Историко-документальному департаменту Министерства и всем тем, кто сделал возможным публикацию этого сборника.

Книга издана при поддержке Российского фонда мира.

В оформлении обложки книги использованы материалы сайта бесплатных изображений pixabay.com

© Совет ветеранов МИД России, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© «Вест-Консалтинг», оформление, 2018

Слово к читателям

Дорогие друзья,

Перед вами сборник статей сотрудников внешнеполитического ведомства – воспитанников Комсомола, публикуемый в серии «Дипломаты вспоминают» в связи с празднованием 100-летия создания ВЛКСМ.

До перехода на дипломатическую работу его авторы трудились в различных отраслях народного хозяйства страны, поэтому тематика сборника весьма разнообразна. Они делятся воспоминаниями о комсомольской юности, об участии в сферах общественной дипломатии и культурно-гуманитарного сотрудничества.

«Комсомольскую школу» прошли миллионы юношей и девушек, ощущавших и доказавших делом свою сопричастность к судьбе Родины. Многими из них по праву гордится наша страна: они стали новаторами производства и сельского хозяйства, видными государственными и общественными деятелями, крупными учеными и военачальниками, мастерами литературы и искусства, известными спортсменами.

Комсомольцы героически сражались на полях Великой Отечественной войны, принимали активное участие в создании могучей промышленности, освоении природных богатств Сибири и Дальнего Востока, подъеме целины, покорении космоса, государственном и военном строительстве.

Об этом и многом другом с гордостью пишут авторы сборника. Проработав десятки лет в центральном аппарате Министерства и загранучреждениях, они заслуженно утвердились в качестве настоящих профессионалов своего дела, внесли большой вклад в укрепление позиций и авторитета нашей Родины на международной арене.

Убежден, что книга будет востребована широкой общественностью, всеми, кто хочет глубже быть в курсе славной истории Отечества.

*Министр иностранных дел
Российской Федерации*

С.ЛАВРОВ

Тяжельников Евгений Михайлович
Чрезвычайный и Полномочный Посол
в отставке

75 ЛЕТ В КОМСОМОЛЬСКОМ СТРОЮ

Мое поколение комсомольцев вышло из «шинели Н. А. Михайлова», лидера ВЛКСМ в 1938–1952 гг. Мы опалены войной. Это наложило отпечаток на всю нашу жизнь, на мировоззрение и жизненную позицию. 13-летним подростком каждое военное лето (июнь–сентябрь) по 12–14 часов был в поле. Приходилось тяжело, но получил хорошую трудовую закалку, научился косить, пахать, сеять и убирать. Был помощником тракториста. Горжусь государственной наградой — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и званием «Ветеран Великой Отечественной войны».

В комсомол я вступил в 1943 г., в дни прорыва блокады Ленинграда и разгрома фашистских полчищ в Сталинградской битве. Вскоре был избран секретарем комитета комсомола школы. Будучи студентом Челябинского пединститута, избирался комсоргом курса и факультета, штатным замсекретаря комитета вузовского комсомола. Получал стипендию ЦК ВЛКСМ. В 1948 г. награжден

Почетной грамотой Центрального Комитета. В 1950-м избран секретарем комитета комсомола ЧГПИ, членом горкома и обкома комсомола.

Будучи на вузовском совещании в Москве, был принят первым секретарем ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайловым. Николай Александрович дал немало советов по совершенствованию идейно-воспитательной, научно-исследовательской, культурно-массовой и спортивной работы. 7 ноября 1951 г. в колонне ЦК ВЛКСМ участвовал в мощной демонстрации в честь Великого Октября. С трибуны Мавзолея москвичей и гостей столицы приветствовали И. В. Сталин, его соратники и прославленные полководцы.

Советы и рекомендации Михайлова, постоянное внимание к нашей организации первого секретаря Челябинского обкома комсомола П. И. Колобанова, недавнего заведом студентской молодежи ЦК ВЛКСМ, заметно оживили нашу комсомольскую жизнь. Успех работы определяли факультетские организации, которые возглавляли талантливые вожаки студенчества: Константин Варламов (исторический факультет), будущий доктор наук, профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС, первый замначальника Академии МВД; Сергей Шулепов (физико-математический), будущий доктор наук, профессор, многолетний ректор родного вуза; Владимир Караковский (литературный), будущий доктор наук, чл.-корр. Академии педагогических наук СССР, один из первых Народных учителей СССР, делегат XXVIII съезда КПСС, лауреат премии Ленинского комсомола; Юрий Чернецкий (физвоспитания), будущий доктор наук, профессор, завкафедрой Южно-Уральского университета...

...В декабре 1952 г. участвовал в совещании секретарей ЦК ЛКСМ республик, крайкомов и обкомов, обсуждавшем

итоги XIX съезда КПСС. А. Н. Шелепин, избранный 16 октября членом ЦК партии, а 30 октября — первым секретарем ЦК ВЛКСМ, кратко, ярко и четко сформулировал практические задачи комсомола по выполнению решений съезда партии, дальнейшего совершенствования воспитания молодежи.

...22 февраля 1954 г. стало началом грандиозной целинной эпопеи. В Кремле состоялось собрание добровольцев Москвы, Украины и Белоруссии, откликнувшихся на призыв ЦК КПСС. А 26 февраля эшелон с посланцами Украины сделал остановку в Челябинске. Мне поручили их сопровождать. Побывали на ЧТЗ, встретились с труженниками, увидели могучие тракторы, на которых предстояло поднимать целину. Друзья участвовали в собрании челябинских добровольцев. Иван Рудской, лучший бригадир МТС киевщины, сказал: «В дни, когда Советская Украина отмечает радостный праздник — 300-летие воссоединения Украины с Россией, десятки тысяч наших комсомольцев и молодежи решили поехать на целину, чтобы вместе со своими братьями — русскими, казахами и другими освоить десятки миллионов га новых земель».

...20–21 января 1956 г. был на Всесоюзном совещании молодых целинников в Кремле. А. И. Шелепин, отдавая должное сделанному в 1954–1955 гг., — поистине героическому, подверг острейшей критике недостатки в работе не только комсомольских комитетов, но и министерств и ведомств.

Целина заморозила меня, а трудовой подвиг комсомольцев и молодежи стал темой моей кандидатской диссертации, которую защитил в Ученом совете МГУ.

...Будучи секретарем парткома, а с 1961 г. — ректором ЧГПИ, опирался на комсомол, энергично поддерживал

его созидательные инициативы. В целинном совхозе им. Горького Чесменского района создали лагерь «СЛАВА ТРУДУ!», великолепную школу которого прошли тысячи студентов, многие из которых были отмечены государственными и комсомольскими наградами. Медалью «За освоение целины» и Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ был награжден и я.

В институте были созданы первые в СССР Научное общество учащихся, которое действует и сегодня; школа рабочей молодежи, директором и учителями которой были студенты-отличники; построены великолепные спортивный зал и лагерь «Чайка» на озере Чебаркуль; создана агробиологическая станция... Отлично работали факультет общественных профессий, студенческий театр и спортивный клуб; создано отделение пионерской работы, организована педагогическая практика в «Артеке» и «Орленке»...

15 мая 1964 г. меня избрали секретарем Челябинского обкома КПСС по идеологии. Естественно, я повседневно взаимодействовал с обкомом ВЛКСМ, который с 1965 года возглавлял Виктор Поляничко. Он прошел трудовую школу на «Ростсельмаше», армейскую закалку в Советской Армии, был начальником штаба Всесоюзной ударной комсомольской стройки в Гае, первым секретарем Орского горкома ВЛКСМ, ответственным Центральное Комитета комсомола, окончил факультет журналистики МГУ.

Областной совет ветеранов партии и комсомола играл важнейшую роль в патриотическом и трудовом воспитании юношества. Провели слет первостроителей Магнитки, возвели памятники «Первая палатка», «Комсомольцы — первостроители Магнитки», «Тыл — фронту»,

«Челябинская добровольческая танковая бригада», «Сказ об Урале»... С активнейшим участием комсомольцев и молодежи построили за 9 месяцев (!) прекрасный ледовый Дворец спорта «ЮНОСТЬ». Мощное развитие получило комсомольское шефство над системой профтехобразования. Все 250 ПТУ готовили молодых тружеников со средним образованием.

...В марте 1968 года я был включен в группу лекторов ЦК КПСС для поездки в Болгарию. В Москве, как обычно, побывал в отделах оргпартрabоты и пропаганды, у секретарей ЦК Капитонова И. В., Демичева П. Н. и члена Политбюро Кириленко А. П. (Андрей Павлович, в прошлом первый секретарь Свердловского обкома партии, никогда не упускал возможности встретиться с уральцами). По его совету я пошел к кандидату в члены Политбюро, секретарю ЦК КПСС Устинову. Дмитрий Фёдорович 18–22 февраля 1968 г. побывал на предприятиях Челябинска, Златоуста, Миасса, в закрытых городах, участвовал в работе XVII областной партконференции. «Воспользовавшись случаем», он поинтересовался ходом выполнения решений партконференции, работой ВПК, делами научно-технической молодежи. Сообщил о мерах, принятых ЦК и Правительством, по выполнению предложений, высказанных делегатами конференции в адрес Центра.

Утром 19 марта меня принял член Политбюро, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Подгорный. Николай Викторович, по его словам, обратил внимание на мои статьи, опубликованные в «Известиях» и «Комсомольской правде». Красной нитью через них проходила мысль о необходимости дальнейшего повышения роли и ответственности Советов и народных

избранников за дела в стране. В то время в СССР было более двух миллионов депутатов разных уровней. Если бы КАЖДЫЙ ДЕПУТАТ, писал я, стал инициатором и организатором хотя бы одного конкретного дела, помог региону, избирателям, насколько возрос бы авторитет Советов, улучшилась наша жизнь.

Поддержав эти соображения, Николай Викторович интересовался работой советских, партийных и комсомольских организаций с молодежью, системой правового, трудового, эстетического, физического и нравственного воспитания детей и юношества. Спрашивал о жизни студенчества, о моей работе секретарем комитета ВЛКСМ и парткома, ректором пединститута. Он в 1921–1923 гг. был секретарем Карловского райкома комсомола Полтавской области, а в 1942–1944 гг. — директором Московского технологического института пищевой промышленности.

Подгорный просил зайти к Косыгину. Алексей Николаевич был в нашей области 5–8 января 1967 года. Посетил многие предприятия, осмотрел выставку товаров народного потребления. Выступил на собраниях партийного актива Челябинска и Магнитогорска с докладом «Об итогах декабрьского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС». Особое внимание уделил реформе — переводу предприятий на новую систему планирования и экономического стимулирования. Горячо поддержал инициативу челябинцев — выпустить сверх плана к 50-летию Октября тысячу мощных тракторов ЧТЗ и согласился оставить половину из них в области.

А. Н. Косыгин сообщил, что Правительство подготовило пакет постановлений по реконструкции ЧТЗ, Магнитогорского металлургического комбината, других

промышленных гигантов области. Подчеркнул важность коренного улучшения подготовки кадров в вузах, техникумах и ПТУ, способных эффективно трудиться в условиях экономической реформы и научно-технической революции. Тепло говорил о роли рабфаков, возрожденных по инициативе Челябинского обкома КПСС, которые открывали путь в вузы, науку тысячам передовиков производства, воинов, уволенных в запас. Мое поколение руководителей, министров, выдающихся ученых, конструкторов и инженеров, с волнением заметил он, вечно будет благодарно рабфакам двадцатых-тридцатых годов.

Затем меня принял кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС Демичев. Пётр Нилович интересовался состоянием идеологической работы, науки, культуры, ходом выполнения постановления пленума обкома партии (июнь 1967 г.), на котором я выступал с докладом, опытом работы партийных и комсомольских организаций с различными группами молодежи.

Побывал я и у секретарей ЦК КПСС К. Ф. Катусева и Б. Н. Пономарёва, рассказавших о Болгарии, деятельности БКП, советско-болгарских отношениях, о предстоящем IX Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии.

21 марта меня вновь пригласил И. В. Капитонов. Спросил о состоявшихся встречах, вопросах членов Политбюро и секретарей ЦК. Затем сообщил: нас ждет Генеральный секретарь ЦК КПСС. Вот тут я всерьез заволновался. Заметив это, Иван Васильевич порекомендовал вести себя свободно, естественно. Легко сказать... Конечно, будучи делегатом XXIII съезда партии, слушал доклад Л. И. Брежнева. Видел, как он общался со своими соратниками,

руководителями братских партий, делегатами во время перерывов, в том числе и уральцами.

Леонид Ильич встретил меня очень приветливо. Восторженно говорил об Урале, где начинал трудовую биографию, где 9 октября 1929 г. Бисертским райкомом партии был принят кандидатом в члены ВКП(б). Тепло вспоминал первых секретарей Челябинского обкома партии Н. С. Патоличева, А. Б. Аристова, Н. В. Лаптева, М. Т. Ефремова, Н. Н. Родионова, которых знал многие годы. Очень высоко оценил «великолепные результаты промышленности, строительства и сельского хозяйства области в последние годы».

Л. И. Брежнев сказал: «Члены Политбюро, секретари ЦК КПСС информировали меня о состоявшихся беседах». Тем не менее, подробно интересовался моим видением путей дальнейшего повышения качества и эффективности идеологической работы, особенно среди молодежи. Я был приятно удивлен, что Генеральный секретарь оперировал данными исследования проблем юношества, проведенного в 1967 г. Институтом социологии Челябинского обкома КПСС — первого в стране, которым я руководил.

Леонид Ильич подчеркнул: «Без боевого, инициативного комсомола, без молодежи мы не решим стоящие перед страной задачи» Взволновано рассказал о своей комсомольской юности. Да и вообще, заметил, вся моя жизнь связана с комсомолом и молодежью: предвоенные пятилетки и индустриализация страны, Великая Отечественная, восстановление порушенных фашистами Украины и Молдавии, освоение целины, покорение космоса...

Леонида Ильича соединили с Н. Н. Родионовым. Поговорив о делах области, поинтересовался его мнением обо мне. Затем сказал: «ЦК, возможно, направит Евгения

в одну из центральных областей либо подумает об ответственном поручении в Москве». Мне же сообщил: поездка в Болгарию переносится, можно возвращаться домой». Прощаясь, Леонид Ильич пожелал успехов области, просил в повседневной работе уделять еще больше внимания партийному руководству комсомолом, воспитанию детей и молодежи.

Генеральный секретарь произвел самое благоприятное впечатление: красивый мужчина, спортивного телосложения, с обаятельной улыбкой. Говорил живо, логично и интересно, легко ориентировался в самых сложных проблемах. Весьма энергичный, искренний и очень добрый. Состоявшиеся встречи и беседы меня обогатили, дали четкие ориентиры. Я, естественно, понимал: это были «смотрящие». Но для чего? Обуреваемый этим вопросом, я покидал Москву.

Вернувшись в Челябинск, доложил первому секретарю обкома КПСС об итогах поездки, поручениях и рекомендациях, и взялся за дела, а их было много, важных и ответственных.

...И вдруг получил указание: быть в ЦК КПСС, снова... с лекцией для поездки в Болгарию. Приезжаю в аэропорт, через несколько минут прибывает Н. Н. Родионов проводить меня. Сердце учащенно забилось: такого не бывало. Тем более, что первый секретарь вручил мне макет знаменитого золотистого цвета. Но быстро успокоился: Николай Николаевич нередко делал неординарные шаги.

В 15 часов меня принял Генеральный секретарь. Леонид Ильич тепло поздоровался, поинтересовался настроением, делами в области. Затем сказал: «Предстоит избрать первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Я и мои ближайшие

соратники намерены предложить Политбюро и Пленуму ЦК комсомола Вашу кандидатуру. Как Вы к этому относитесь? Согласие Н. Н. Родионова получено». Я никак не ожидал такого крутого поворота, поэтому был немало смущен. Поблагодарив за высокое доверие, высказал свои серьезные сомнения: давно вне комсомола, не работал в Центре. Смущал и объем дел в масштабах страны, международного молодежного движения.

На это Леонид Ильич заметил: «Мы учитывали эти обстоятельства. Формально Вы вне комсомола, но все время с молодежью — секретарь комитета комсомола и парткома, ректор Челябинского пединститута, а теперь секретарь обкома КПСС по идеологии. Да и Ваша кандидатская диссертация посвящена трудовому подвигу комсомольцев и молодежи на целине. Работа, несомненно, предстоит огромная, сложная и чрезвычайно ответственная. Но ЦК КПСС умножит свое внимание комсомолу, как и спрос за существенное улучшение воспитания детей и молодежи.

Мы намерены энергично поддерживать ВЛКСМ в связи с предстоящим его 50-летием и IX Всемирным фестивалем молодежи и студентов. Но будем ждать и от ЦК ВЛКСМ крупных, неординарных инициатив и новых важных, конкретных дел. Мое предложение будет рассмотрено на Секретариате ЦК КПСС и, в случае его одобрения, на Политбюро». Я еще раз сердечно поблагодарил Леонида Ильича и заверил, что, в случае избрания, приложу все силы, чтобы оправдать оказанное доверие.

11 июня был у М. А. Сулова. Он вспоминал, как участвовал в создании одной из первых комсомольских организаций в Ульяновской области, как учился на рабфаке, в Институте красной профессуры и одновременно

преподавал политэкономия в вузе. Довольно обстоятельно и четко проанализировал работу ЦК ВЛКСМ, ее плюсы и минусы. Но больше всего его интересовало, как я понимаю роль комсомола в современных условиях, каковы наиболее важные, острые молодежные проблемы и пути их решения.

В полдень состоялся Секретариат ЦК КПСС, который рекомендовал меня первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Вместе с И. В. Капитоновым выехали в Кремль на заседание Политбюро. Л. И. Брежнев сообщил о переходе С. П. Павлова на новую работу. Поэтому Секретариат ЦК рекомендует первым секретарем ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова. Я, продолжал Леонид Ильич, дважды встречался с Евгением, обстоятельно изложил ему мнение Политбюро по проблемам молодежи, возрастающей роли ВЛКСМ — помощника и резерва партии. С ним беседовали большинство членов Политбюро, секретарей ЦК. Поэтому вношу предложение: рекомендовать Пленуму ЦК ВЛКСМ избрать Е. М. Тяжельникова первым секретарем. Решение было единодушно принято.

Утром 12 июня М. А. Суслов, И. В. Капитонов и я пошли в ЦК ВЛКСМ. Обращаясь к членам ЦК, Михаил Андреевич сказал: «Товарищи, как вы знаете, С. П. Павлов избран председателем ЦС спортивных обществ и организаций СССР. Он много и плодотворно трудился в нашем славном Ленинском комсомоле, более 8 лет возглавлял ЦК ВЛКСМ. ЦК партии уверен, что и на новом государственном посту т. Павлов со свойственной ему энергией многое сделает для развития физкультуры и спорта в нашей стране. Учитывая новое назначение т. Павлова, видимо, будет правильным освободить его от обязанностей первого секретаря ЦК ВЛКСМ». Других

предложений не последовало. Единогласно было принято решение об освобождении С. П. Павлова от обязанностей первого секретаря и члена Бюро ЦК ВЛКСМ. За большой вклад в коммунистическое воспитание молодежи Сергей Павлович был избран Почетным членом ВЛКСМ, награжден Почетным Знаком ВЛКСМ и занесен в Книгу Почета ЦК ВЛКСМ.

Затем Суслов сказал: «Центральный Комитет партии очень внимательно обсудил возможные предложения по первому секретарю ЦК ВЛКСМ. Было просмотрено много кандидатур из числа комсомольского актива, а также партийных работников, которые в прошлом находились в рядах комсомола. Центральный Комитет учитывал, что Ленинский комсомол за последние годы значительно вырос. В его рядах сейчас почти 24 миллиона комсомольцев. Возросла роль комсомола в жизни Советского общества. Усложнились задачи комсомола, повысилась его ответственность за воспитание подрастающего поколения. Поэтому хотелось бы, чтобы у первого секретаря ЦК ВЛКСМ опыт работы в комсомоле сочетался с опытом партийной, в первую очередь идеологической, работы. Исходя из этого, было сочтено целесообразным остановиться на кандидатуре Тяжельникова Евгения Михайловича. Он кандидат исторических наук, доцент. Работал секретарем комитета комсомола и парткома пединститута, заместителем заведующего отделом Челябинского обкома ВЛКСМ, был ректором педагогического института. С 1964 г. является секретарем Челябинского обкома партии по идеологии, где показал себя эрудированным, квалифицированным работником и хорошим организатором. Много внимания уделяет воспитанию молодежи. Он хорошо знает студенчество, работу с научной, творческой

молодежью и в то же время имеет большой опыт идеологической работы, которая является важнейшей частью деятельности комсомола. По нашему мнению, ЦК ВЛКСМ будет еще успешнее справляться с возложенными на него ответственными задачами».

Пленум единогласно ввел меня в состав Центрального Комитета, избрал первым секретарем и членом Бюро ЦК ВЛКСМ. Я искренне поблагодарил ЦК КПСС, Политбюро, членов Центрального Комитета за оказанное доверие. Сознывая громадную ответственность нового поручения, заверил, что отдам свои силы, знания и опыт делу воспитания молодежи, чтобы вместе с членами ЦК, под руководством партии и дальше совершенствовать работу Ленинского комсомола, повышать его роль в жизни общества.

Вот так, совершенно неожиданно, я вернулся на комсомольскую работу. Началась моя вторая молодость, новая деятельность и новая жизнь.

Сразу после пленума ЦК ВЛКСМ Л. И. Брежнев горячо поздравил с избранием, пожелал успехов и дружной работы. Просил через 3–4 дня представить конкретные предложения по совершенствованию деятельности Ленинского комсомола. Вскоре меня тепло поздравили Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин. Алексей Николаевич выразил надежду, что ВЛКСМ еще активнее будет заниматься ударным строительством, повышением профессионального мастерства, производительности труда и качества работы молодежи, усилит взаимодействие с министерствами и ведомствами.

14 июня 1968 г. впервые участвовал в заседании Секретариата ЦК КПСС. М. А. Суслов представил меня и попросил занимать на Секретариатах место рядом

с секретарями Центрального Комитета. Было принято постановление «О подготовке к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина», в котором большое внимание уделялось воспитанию юношества.

17 июня позвонил Л.И. Брежневу и сообщил о готовности доложить предложения ЦК ВЛКСМ по совершенствованию деятельности комсомола. При этом просил принять меня вместе с секретарями и членами Бюро ЦК.

Встреча состоялась на следующий день. Леонид Ильич очень внимательно выслушал нас, неоднократно подчеркивал важность и необходимость существенного повышения роли и ответственности комсомола на всех уровнях. Заметил, что предстоящее 29 октября 50-летие ВЛКСМ должно быть отмечено на государственном уровне. Поручил И.В. Капитонову и зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС В.И. Степакову подготовить проект соответствующего постановления.

3 октября 1968 г. было принято постановление ЦК КПСС «О 50-летию ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи», которое стало программой деятельности партии и комсомола.

В палатах Верховного Совета СССР, в Верховных Советах союзных и автономных республик и местных Советах, а также в ВЦСПС и профсоюзах всех уровней, в творческих Союзах и научно-технических обществах создали комиссии по делам молодежи. На базе ЦКШ была создана Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ. Регулярными стали месячные курсы секретарей ЦК ЛКСМ республик, крайкомов, обкомов и крупнейших горкомов комсомола в АОН и ВПШ при ЦК КПСС.

В канун юбилея в стране прошло Всесоюзное комсомольское собрание с участием ветеранов и несоюзной

молодежи. А 25 октября 1968 г. в Кремлёвском Дворце съездов состоялся торжественный пленум ЦК ВЛКСМ.

С большой речью выступил Л. И. Брежнев. Он сказал: «Пятьдесят лет исполнилось Ленинскому комсомолу. Это большой праздник советского народа. Все мы, люди разных поколений, чувствуем себя сегодня молодыми, ибо юность наша начиналась в комсомольских рядах. Полвека — срок не малый. Но не стареет наш комсомол». Сформулировал его задачи во всех сферах деятельности.

Н. В. Подгорный прикрепил к Знамени ВЛКСМ шестой орден — Октябрьской Революции. Были награждены 39 комсомольских организаций, в их числе: орденами Ленина — Магнитогорская и Новокузнецкая; Красногосударственного Знамени — Краснодарская и Шепетовская городские; Отечественной войны 1 степени — Первомайская и Любанская районные Николаевской и Минской областей; Трудового Красного Знамени — Альметьевская, Березниковская, Воскресенская, Дивногорская, Дзержинская, Новокуйбышевская, Находкинская, Рубцовская, Салаватская городские, а также комсомольские организации ЗИЛа и Кировского завода.

После доклада первого секретаря ЦК ВЛКСМ выступили представители всех комсомольских поколений: секретарь ЦК РКСМ, профессор ВПШ при ЦК КПСС В. Ф. Васютин и член ЦК РКСМ, поэт А. И. Безыменский; один из запевал стахановского движения, Герой Соцтруда П. Ф. Кривонос; легендарный Герой Советского Союза А. П. Маресьев и бригадир строителей Москвы, Герой Соцтруда Г. В. Масленников; комсомольцы: сталевар Магнитки Владимир Шахтарин, бригадир животноводов Белоруссии Нина Холопик, майор Владимир Краев, а также юные пионеры и учащиеся ПТУ.

От имени зарубежных делегаций выступил Ву Куанг, лидер молодежи Вьетнама.

Рассказать о многогранной и многолетней работе Ленинского комсомола в одной статье, конечно, невозможно. Назову лишь некоторые конкретные дела.

Комитеты комсомола большое внимание уделяли качеству знаний школьников и студентов, повышению общеобразовательного уровня рабочей и сельской молодежи. Были учреждены Знаки ЦК ВЛКСМ «За отличную учебу». Одобрена инициатива комсомола Уралмаша «Каждому рабочему — среднее образование». Развернулось движение «Комсомол — сельской школе».

В 1972 г. в Кремле состоялся Всесоюзный слет студентов-отличников. Все его участники были награждены государственной медалью к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Академия наук СССР учредила 5 премий студентам за успехи в научно-исследовательской работе, которые вручались на ее ежегодных общих собраниях.

Дальнейшее развитие получило ударное комсомольское строительство: создание уникального Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, возведение крупнейших гидро- и атомных станций, КамАЗа и города Набережные Челны, Атоммаша. Золотой страницей в истории ВЛКСМ стало сооружение БАМа. Первый Всесоюзный комсомольский отряд отправился на магистраль века из Кремля 27 апреля 1974 года с заключительного заседания XVII съезда ВЛКСМ. После крушения СССР нашлись журналисты, назвавшие БАМ «дорогой в никуда». Жизнь посмеялась над этими злопыхателями. Современная Россия не только использует возможности БАМа, но и принимает меры для дальнейшего наращивания его мощи.

Важным делом стало движение наставников молодежи, развернувшееся по инициативе С. С. Витченко, полковника в отставке. Степан Степанович стал рабочим ленинградского завода «Электросила», возглавил бригаду из «трудных» подростков и вывел ее в число передовых. Комсорг бригады Владимир Целуев избирался членом Бюро ЦК ВЛКСМ.

Инициативу одобрили ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС. Тысячи прославленных тружеников-новаторов пришли в ПТУ мастерами, возглавили молодежные бригады на предприятиях и на селе. По предложению ЦК ВЛКСМ С. С. Витченко, О. П. Вахмяниной (Подмосковье), П. Н. Печёнкину (Алтай) и А. Л. Шатилину (Магнитка) в дни работы XVII съезда комсомола было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Всесоюзный студенческий строительный отряд вырос со 170 до 750 тысяч и осваивал за «трудовой семестр» свыше миллиарда рублей — больше крупнейших строительных министерств. Рукотворным памятником первому космонавту планеты стал город Гагарин, построенный интернациональным ССО при финансовой поддержке всех отрядов, ежегодно проводивших Дни ударного труда в фонд города. Ежегодно 500 командиров, комиссаров и бойцов ССО награждались орденами и медалями.

Усилилось внимание комсомола к военно-патриотическому воспитанию детей и юношества, к развитию физкультуры и спорта. Всесоюзный «ПОХОД молодежи» стал проводиться не только по местам революционной, боевой, но и трудовой славы советского народа.

15 января 1974 г. Пленум ЦК ВЛКСМ постановил развернуть соревнование комсомольцев и молодежи за почетное право по итогам работы, учебы и воинской

службы в 1974 г. быть сфотографированным у Знамени Победы. Решение вызвало энергичную поддержку Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, А. М. Василевско-го, И. Х. Баграмяна и В. И. Чуйкова, президента АН СССР, трижды Героя Социалистического Труда А. П. Александрова, трижды Героев Советского Союза А. И. Покрышкина и И. Н. Кожедуба, партизанки, Героя Советского Союза Н. В. Троян, космонавта, дважды Героя Советского Союза Г. Т. Берегового, писателей-фронтовиков М. А. Шолохова, К. М. Симонова и Б. Н. Полевого, композитора Д. Д. Шостаковича...

В опубликованном в «Комсомольской правде» 13 марта 1974 г. их обращении говорилось: «В Знамени Победы слились воедино знамена всех частей и соединений Армии и Флота, партизанских отрядов. Оно вобрало в себя беспримерный героизм, доблесть и мужество бойцов и командиров, сохранило теплоту рук фронтовых бригад, миллионов людей, которые самоотверженно трудились в тылу — приближали 9 мая 1945 года. В нем частица души и сердца каждого советского патриота — воина и труженика. Сфотографироваться у Знамени Победы — это очень почетное право. Ведь каждый, кто его заслужит, на какое-то мгновение в год 30-летия Великой Победы станет на пост у священного Знамени нашей Родины».

Соревнование вызвало небывалый трудовой и творческий энтузиазм комсомольцев и молодежи. У бессмертного Знамени Победы были сфотографированы более 45 тыс. молодых гвардейцев пятилетки, отличников учебы и воинской службы, прославленных ученых, мастеров культуры и спорта вместе с легендарными Героями войны и труда.

По инициативе ЦК ВЛКСМ был возрожден комплекс ГТО. По нему стали проводиться Всесоюзные соревнования. Чемпионам СССР присваивалось звание Мастер спорта. Популярной стала юношеская военно-спортивная игра «Орленок». В детских клубах «Кожаный мяч» и «Золотая шайба» занимались по 3–4 млн. детей. Регулярными стали Всесоюзные шахматные соревнования.

Прекрасно выступили советские спортсмены (а большинство из них были комсомольцы) на XI, XII зимних и на XX, XXI летних Олимпийских играх. Многократные олимпийские чемпионы Николай Андрианов, Людмила Турищева, Владислав Третьяк, Сергей Макаров, а также легендарный шахматист Анатолий Карпов избирались членами ЦК ВЛКСМ, а Ирина Роднина, Вячеслав Старшинов — делегатами съездов комсомола. Олимпийский чемпион Владимир Васин заведовал Отделом спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ.

Весьма активной была международная деятельность комсомола. ЦК ВЛКСМ и КМО СССР поддерживали отношения со всеми братскими и демократическими молодежными Союзами молодежи. В работе XVI съезда ВЛКСМ участвовало 108, а XVII — 135 зарубежных делегаций. Регулярными были двусторонние фестивали, совещания лидеров Союзов молодежи соцстран. В ноябре 1976 г. с ними встретился Л. И. Брежнев. В СССР были проведены Международные встречи трудящейся молодежи, а также девушек.

Важную роль в интернациональном воспитании юношества играло Бюро молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ. Только за 1970–1973 гг. СССР посетило более 700 иностранных молодежных делегаций. За рубеж в эти годы выезжали 800 тыс. советских юношей и девушек.

Миллионы комсомольцев, молодежи и пионеров приняли участия в акции «Детям Вьетнама».

В ходе Международного совещания коммунистических и рабочих партий в Москве (5–17 июня 1969 г.) я познакомился практически со всеми их лидерами. Имел счастливую возможность нередко с ними встречаться, участвовать в съездах комсомола социалистических и капиталистических стран. Незабываемы беседы с Хо Ши Мином, Фиделем и Раулем Кастро, Луисом Корваланом, Сальвадором Альенде, Роднеем Арисменде, Гэсом Холлом ... С гениальными поэтом Пабло Нерудой, художником Альфаро Сикейросом, композитором Микисом Теодоракисом...

Был участником VI и XII Всемирных фестивалей молодежи и студентов в Москве, возглавлял советские делегации на IX в Софии и X в Берлине, а также на многих молодежных форумах, заседаниях ВФДМ и МСС.

Выступал с отчетными докладами ЦК ВЛКСМ на XVI и XVII съезда комсомола, а также на XXIV и XXV съездах КПСС, на XV и XVI съездах Советских профсоюзов. Избирался делегатом XXIII–XXVII съездов и XIX Всесоюзной конференции КПСС. Был членом ЦК партии в 1971–1990 гг., депутатом Верховного Совета СССР 7–10 созывов.

За работу в комсомоле награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции, а также орденами «Народная Республика Болгария» и Красного Знамени МНР. Второй орденом Ленина «за заслуги в дипломатической службе» мне вручил в 1988 году А. А. Громыко, Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Автор книг «ПОКОРИТЕЛИ ЦЕЛИНЫ», «СОЮЗ МОЛОДЫХ ЛЕНИНЦЕВ» (два издания), «ОНИ БЫЛИ

ПЕРВЫМИ». (Лидеры Ленинского комсомола 1918–1968 годы); руководитель авторского коллектива монографии «СЛАВНЫЙ ПУТЬ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА» (в двух томах), многочисленных журнальных и газетных статей.

...27 мая 1977 г. был освобожден от обязанностей первого секретаря и члена Бюро ЦК ВЛКСМ в связи с утверждением зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС. Избран Почетным членом ВЛКСМ, награжден Почетным Знаком ВЛКСМ, занесен в Книгу ПОЧЕТА ЦК ВЛКСМ. Избирался членом президиума XVIII и XIX съездов комсомола.

...После разрушения Советского Союза в 1991 году многим казалось: ВЛКСМ канул в лету. Однако 27 декабря 1997 г. встретились Владимир Семичастный, Николай Месяцев, Борис Пастухов, Виктор Мишин, Любовь Балясная, Людмила Швецова, Юрий Торсуев, Николай Трошкин, Игорь Ильинский, Михаил Шмойлов, Владимир Васин, Валентин Юркин, Геннадий Месяц, автор этих строк, чтобы обсудить, как отметить 80-летие комсомола. После острой дискуссии решили создать оргкомитет «КОМСОМОЛУ – 80» и обратиться в Государственную Думу с просьбой принять соответствующее постановление. Нас услышали. Дума приняла: постановление «О 80-летию ВЛКСМ», и обращения: к Президенту России Б. Н. Ельцину, Председателю Правительства С. В. Кириенко и «К молодежи Российской Федерации».

Принятые документы послужили мощным стимулом для возвращения в «комсомольский строй» миллионов, прошедших школу ВЛКСМ. Широко, по-деловому было отмечено 80-летие ВЛКСМ во всех регионах России, в большинстве стран СНГ и Балтии. К участникам торжественного вечера в Москве обратились президент

Беларуси А. Г. Лукашенко и президент России Б. Н. Ельцин. К ветеранам комсомола по случаю его 85-летия и 95-летия обращался Президент РФ В. В. Путин, а в связи с 90-летием — Президент РФ Д. А. Медведев.

Все эти 20 лет являюсь сопредседателем Международных Оргкомитетов вместе с В. Мишиным, Б. Пастуховым, И. Кобзоном (а ранее и с Л. Швецовою). За прошедшие годы немало сделано для укрепления исторической памяти и преемственности поколений. В. В. Путин подчеркивал важность творческого использования созидательного опыта комсомола. И уже немало делается: возрождены студенческие стройотряды, конкурсы профессионального мастерства, юнармейское движение, наставничество, ГТО...

Весьма активно и плодотворно действуют Оргкомитеты большинства регионов России. Изданы великолепные книги, обновлены государственные и общественные музеи, установлены мемориальные доски на многих ударных комсомольских стройках. Проводятся научные конференции, конкурсы на лучший очерк, школьное сочинение о комсомоле, о комсомольском братстве.

Жизнь миллионов доказала, как важно вовремя в комсомол вступить и никогда из него не выходить.

ДИПЛОМАТЫ КОМСОМОЛЬСКОГО ПЛЕМЕНИ

Школу комсомола в советское время прошли 200 млн. юношей и девушек. Для большинства из них он был школой патриотического, трудового, эстетического, физического и интернационального воспитания. И великолепной кузницей подготовки новаторов производства, государственных и политических деятелей, хозяйственных руководителей, выдающихся ученых, мастеров культуры, военачальников, героев спорта.

В рядах Ленинского комсомола начинали свой яркий путь и многие советские дипломаты. Андрей Андреевич Громько писал: «В январе 1924 года на страну обрушилось горе — умер Ленин. Стояла суровая зима. Мы шли, с трудом пробираясь через огромные сугробы, к школе — там состоялось траурное собрание. Выступали учителя, а мы слушали их и думали, как много этот человек, которого никто из нас никогда не видел, сделал для нас, сидящих в этой школе, за этими столами, на этих лавках, для всех рабочих и крестьян России.

Односельчане только и говорили, что о смерти Владимира Ильича. Задавали много вопросов. Главный из них:

— Что же теперь будет?

Обращались и ко мне. Считали, если я комсомольский секретарь в ячейке (выделено мною — *Е. Т.*), то обязан объяснить все.

— Ты — комсомол, — говорили мне. — Расскажи, как же мы жить-то будем без Ленина?

Что я мог им ответить? Я и сам хотел, чтобы мне кто-нибудь это толком рассказал. Но вспомнил все же тогда фразу, которую услышал о Ленине еще в первые дни Великого Октября: «Революцию сделали Ленин и его помощники». И придумал отвечать так:

— Ленин умер, но его помощники — партия — живы. Вот с ней и будем жить»¹.

Андрей Андреевич продолжал: «Вступил я в партию в 1931 году еще в Борисове (где учился в техникуме — *Е. Т.*). Стать коммунистом мечтал с тех пор, как услышал, что есть такая партия, которая выражает и отстаивает интересы народа, а это было в те годы, когда начал понимать разницу между бедняком и помещиком, между рабочим и капиталистом. Получил я партийный билет незадолго до отчетного собрания. А на нем меня, молодого коммуниста, сразу же избрали секретарем партийной ячейки.

Партийная работа захватила меня. Как и в ранней молодости, когда вступил в комсомол, так и сейчас приходилось работать с людьми, заниматься некоторыми проблемами того времени, находиться постоянно в гуще событий. Только работал уже не с молодежью, а с людьми

¹ А. А. Громько. ПАМЯТНОЕ. Книга ПЕРВАЯ. М. ПОЛИТИЗДАТ. 1988. С. 44-45.

взрослыми, разбиравшимися в жизни, в политике партии — коммунистами...

С энтузиазмом мы брались за любое дело, на которое нас посылали. И никогда не гнушались никакой работой, не стеснялись ее. Партия, комсомол понимали трудности и поддерживали огонь коммунистической убежденности в молодых сердцах преданных делу Ленина, делу народа»¹.

А. А. Громыко, министр иностранных дел СССР, член Политбюро ЦК КПСС, энергично поддерживал комсомол. Был делегатом и членом президиума XVII, XVIII и XIX съездов ВЛКСМ.

22 апреля 1970 г. участников совместного торжественного заседания ЦК КПСС, Верховных Советов СССР и РСФСР, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, приветствовали юные пионеры и октябрята:

- Я рабочим быть хочу,
Мастерство я изучу.
- Сказал мне папа, что для нас
Важнее всех рабочий класс!
- Люблю большой простор полей
Под солнышком лучистым...
- Вот подрасти бы поскорей
И стать бы трактористом!
- Хочу я быть врачом,
Лечить людей в больнице!
- А я бы космонавтом стать хотел!
- Я пограничником отважным на границе!
- А я — министром иностранных дел!

Последние слова потонули в громе оваций. Активнее всех аплодировал А. А. Громыко. На другой день Андрей

¹ Там же. С. 46.

Андреевич прислал мальчику отличный фотоаппарат с пожеланием осуществить мечту.

Вскоре после избрания меня 12 июня 1968 г. первым секретарем ЦК ВЛКСМ А. А. Громыко энергично поддержал наше предложение — ввести в штат советских посольств в соцстранах и крупных государств Запада дипломатов, занимающихся проблемами молодежи. Это заметно усилило возможности ЦК ВЛКСМ и КМО СССР в сплочении и повышении активности братских и демократических Союзов молодежи.

Он активно содействовал успешному проведению Всемирных фестивалей молодежи и студентов, других международных форумов юношества планеты.

Министрами иностранных дел СССР также были:

Шеварднадзе Э. А. — первый секретарь ЦК ЛКСМ Грузии, член Бюро ЦК ВЛКСМ, лидер Компартии Республики, Герой Социалистического Труда, член Политбюро ЦК КПСС, президент Грузии.

Бессмертных А. А. — комсорг школы, комсомольский активист МГИМО, замминистра, первый замминистра (1988–1990 гг.), посол в США.

Панкин Б. Д. — главный редактор «Комсомольской правды», член Бюро ЦК ВЛКСМ, посол в Швеции и ЧССР. Завершил дипломатическую службу послом в Лондоне.

Нынешний Министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров был секретарем комитета ВЛКСМ МГИМО и МИД СССР, членом Киевского райкома комсомола столицы.

Ректор МГИМО, член Коллегии МИД академик А. В. Торкунов также возглавлял комсомольскую организацию родного вуза.

Таковы они — дипломаты комсомольского племени.

Дзасохов Александр Сергеевич
Чрезвычайный и Полномочный Посол
в отставке

«САМАЯ ВАЖНАЯ ЧАСТЬ МОЕЙ ЖИЗНИ»

Прошло много десятилетий со времени моей комсомольской молодости, и сегодня, с высоты своего возраста могу сказать, что это была самая важная часть моей жизни с точки зрения получения жизненного опыта, глубокого понимания своего долга перед Отечеством.

Моя комсомольская биография началась в 1955 году, когда мне был 21 год и меня, студента третьего курса Северо-Кавказского горно-металлургического института, избрали секретарем комсомольской организации вуза. Организация была большая — более трех тысяч человек. Сам вуз был многонациональным, здесь учились люди со всего Советского Союза. Одни уже отслужили в армии, другие пришли со школьной скамьи. Для нас главным было получить качественное образование и готовиться к большим делам послевоенного созидания.

Институт был, как сегодня сказали бы, элитарным — студенты носили форменную одежду, получали повышенную стипендию. Вместе с тем, комсомольская

организация должна была реагировать на общественно значимые события.

На долю комсомола выпадали задачи особой государственной важности и общественной значимости. Надо было реагировать на события и вызовы, которые сопутствовали тому времени. После XX съезда партии, связанного с вопросами культа личности И. В. Сталина, в общественной и особенно в молодежной среде была бурная реакция и острые публичные дискуссии. В ряде мест, например, в Грузии, в Тбилиси, на митинги выходили тысячи студентов. ЦК ВЛКСМ счел необходимым созвать срочное совещание секретарей вузовских комсомольских организаций всего Кавказа от Ростова до южных закавказских республик. Собрались в Тбилиси. Старшим по должности и опыту был Н. Н. Месяцев, секретарь ЦК ВЛКСМ, фронтовик, человек сильной политической воли, прекрасный оратор и полемист. Он выступил перед многочисленными аудиториями студенческой молодежи, дал обстоятельные разъяснения и советы всем участникам совещания. По сути дела, он переломил протестную ситуацию и сумел создать атмосферу единства среди молодежи и тем самым оставил огромное впечатление как настоящий лидер комсомола и советской молодежи. Впоследствии Месяцев возглавлял советское Гостелерадио.

На работу в Москву в аппарат ЦК ВЛКСМ я попал совершенно неожиданно. В конце февраля 1958 года меня вызвали в столицу, предварительно дав понять, что речь может пойти о переходе на работу в ЦК ВЛКСМ. В Москве после серии собеседований Евгений Соколов, заведующий организационным отделом ЦК ВЛКСМ, представил меня первому секретарю ЦК ВЛКСМ, легендарному

Александр Николаевичу Шелепину, лидеру московской молодежи в годы Великой Отечественной войны, пользовавшемуся огромным авторитетом у советской молодежи. Встреча с Шелепиным и его добрые советы и теперь в моей памяти. Несмотря на свое высокое положение он интересовался делами на моей родине — в Осетии, на Кавказе в целом.

Особенно запомнились командировки в военные округа. В ЦК ВЛКСМ тогда работал Алексей Михайлович Королев, заведующий военно-оборонным и спортивным отделом. Он часто приглашал меня в поездки по военным частям, в Ленинградский военный округ, Кронштадт, Калининград. Помню, мы в течение почти двух недель объезжали и облетали места базирования Тихоокеанского флота. Несколько раз с нами был командующий флотом адмирал Фокин. Когда мы подходили к кораблю, представитель командования докладывал ему о построении личного состава, а он говорил: «Отставить. Докладывайте представителю ЦК комсомола». Фокин понимал, что мы еще молодые люди, мало что сделали для страны по сравнению с ним. Но своим поведением давал понять и нам, и морякам, сколь большая надежда возлагается на молодое поколение.

Вспомню еще одну интересную историю. В 1961 году в связи с кончиной председателя Госсовета Германской Демократической республики Отто Гроттоволя. Верховный Совет СССР объявил двухдневный траур по всей стране. Такой была форма скорби с союзником нашей страны. Но в этот же день первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов срочно направил секретаря ЦК комсомола Лена Карпинского и меня в командировку в Магнитогорск — флагман металлургов Советского Союза. Так получилось,

что на день всесоюзного траура в парке Магнитогорска был заранее назначен вечер танцев. Молодежь ожидала этого события. А тут танцы отменили. Местные ребята решили по-своему: танцам быть! И произошло столкновение молодых рабочих с милицией. Мы с Леном Карпинским целую неделю разъясняли, убеждали, отвечали на вопросы и предъявляемые претензии. Конечно, оставались на стороне молодежи.

Подчас комсомольцев того времени представляют такими «роботами», слепо выполнявшими партийную волю. Это ошибочное представление. Наша молодость сглаживала многие бюрократические штампы. Жизнь была яркая, с приключениями, богатая на выдумки, всякие хохмы.

Тем временем страна переживала период, получивший название политической оттепели. Расширились международные контакты СССР, в том числе по линии общественных и молодежных организаций. Естественно, в нашей среде рос интерес к этой сфере деятельности, тем более что комсомол активно наращивал свои международные связи. Несколько работников ЦК комсомола начали дополнительно изучать иностранные языки. Я учил английский, и, возможно, это стало одной из причин, по которой секретариат ЦК ВЛКСМ направил меня на работу в Комитет молодежных организаций СССР, который был своеобразным «министерством иностранных дел» комсомола. В 1962 году я стал его ответственным секретарем, а затем заместителем председателя КМО СССР.

Работа в Комитете международных организаций была интересной, давала возможность получить новые знания, обретать качества политика и дипломата.

С благодарным чувством вспоминаю Сергея Калистратовича Романовского, первого председателя созданного в 1956 году Комитета молодежных организаций СССР. В шинели фронтовика, с боевыми наградами Романовский поступил в институт международных отношений в Москве. Позже незаурядные личные качества вывели его на переднюю линию политической и дипломатической деятельности.

Знакомство и совместная работа с Романовским позже переросли в дружбу. Много лет спустя я уже в качестве члена Политбюро ЦК КПСС и председателя Комитета по международным делам Верховного Совета СССР приезжал в Мадрид на съезд правящей социалистической партии. Там находился и Романовский — в те годы он был очень успешным послом нашей страны в Испании.

Сменил Романовского в Комитете молодежных организаций Петр Николаевич Решетов. Человек уральской крепости духа, волевой, с неиссякаемой способностью вникать в суть вопросов, уважающий чужое мнение, лишенный чиновничьих привычек. Порядочный и надежный во всем.

Назову еще несколько очень способных парней из молодежного движения моего времени. Это Владимир Яровой, Саша Лебедев, Валерий Кузнецов, Юрий Данилов, Владимир Ломейко, Виталий Миляев. Всех и не перечислишь.

Молодежи свойствен свободный, свежий взгляд на политические вопросы. И это помогало нам, работая на международной арене, многое делать для объединения молодежных движений самых разных взглядов. Не только левых и социал-демократических. С нами в разных формах сотрудничали крупные молодежные движения стран Запада, причем уже в то время, когда там обострялась

конфронтация с СССР. Международные молодежные форумы против ядерной угрозы, конгрессы, посвященные борьбе за сохранение мира, были серьезным дополнением к общим усилиям нашего государства на международной арене.

В моих записных книжках и фотоархивах много материалов 60-х годов. Постараюсь их сохранить и передать в архив истории советской молодежи, создание которого было бы полезным делом.

1960–70-е годы были наполнены жестким противостоянием двух мировых систем. Молодежное антивоенное движение было зеркалом разделения мира: с одной стороны СССР и его союзники, с другой — США и страны НАТО. Но во второй половине 60-х годов произошла потрясающая вещь: молодежные движения социалистических и западных стран находили все большее взаимопонимание. Все были против роста ядерных вооружений, расширения военных баз, военных интервенций, как это было во Вьетнаме и т. д. Многие бывшие лидеры тогдашних молодежных организаций, в том числе и из другого политического лагеря, стали руководителями своих государств и политических партий. Это Герхард Шредер, который долгое время был лидером молодых социалистов ФРГ. Жозе Мануэл Баррозу, который в молодые годы возглавлял «Союз студентов-маоистов Португалии», а спустя некоторое время в течение десяти лет был председателем Еврокомиссии (2004–2014 гг.) Известный польский политик, экс-президент Польши Александр Квасьневский в молодости был президентом Союза польских студентов. Фейсал Микдад, ныне первый заместитель министра иностранных дел Сирии, был секретарем Международного союза студентов, очень влиятельной по тем временам

молодежной организации. Можно назвать имена десятков других политиков, известных и авторитетных, которые прошли школу становления в различных молодежных организациях.

За годы работы в комсомоле и КМО СССР у меня была счастливая возможность иметь встречи и беседы с Фиделем Кастро, Эрнесто Че Геварой, президентом Алжира Ахмедом бен Белла, президентом Египта Гамалем Абдель Насером, архиепископом и первым президентом Кипра Макариусом, с великими чилийцами Сальвадором Альенде и Пабло Нерудой и многими другими.

В июле 1963 года мне предложили возглавить группу из трехсот молодых, но имеющих опыт советских специалистов, направленных в длительную командировку на Кубу. Мы должны были помочь кубинскому руководству провести административно-территориальную реформу, предоставить консультации по широкому кругу вопросов — от экономического планирования и внешнеэкономической деятельности до размещения трудовых ресурсов и проектирования дорог.

Добирались мы в Гавану из Ленинградского порта более 15 суток через Атлантику. Прошло немногим более шести месяцев после Карибского кризиса. Советско-кубинские отношения на какое-то время ухудшились. Кубинские руководители считали, что, выведя ракеты с Кубы, СССР едва ли не предал кубинскую революцию. Но кубинский народ выбрал социалистический путь развития, поэтому советский опыт был для него крайне важен. И нам предстояло в рамках наших возможностей закрепить солидарные отношения, помочь возвращению советско-кубинских отношений в дружеское русло.

Я имел важное официальное поручение ЦК ВЛКСМ установить доверительные и добрые отношения с представителями руководства авторитетной и очень влиятельной общекубинской молодежной организации «Хувентуд Ребельде», в частности, с третьим человеком в политической иерархии Кубы Джулио Эглесиасом.

На Кубе со мной работала отличная команда специалистов. Все с честью выполнили свою задачу. С большой симпатией вспоминаю Владимира Бондарчука, блестящего организатора, позже работавшего торгпредом СССР на Кубе. Иван Ушачев стал академиком и вице-президентом ВАСХНИЛ, Василий Громов — советским послом в латиноамериканских странах, Геннадий Глоба — руководителем торгового представительства СССР в Японии. Этот список можно продолжить.

В следующий раз я попал на Кубу только в 1967 году. Тогда я был первым заместителем председателя Комитета молодежных организаций СССР. В Гаване открывалась конференция Организации солидарности народов Латинской Америки. Сначала в Москве решили, что советскую делегацию в Гаване возглавит первый секретарь Компартии Белоруссии Петр Машеров. Потом вместо него предложили кандидатуру первого секретаря Компартии Узбекистана Шарафа Рашидова. Но в конце концов в Гавану вместо кандидатов в члены Политбюро было решено направить Дзасохова как заместителя председателя Комитета молодежных организаций СССР.

Кубинской поездке на конференцию Организации солидарности народов Латинской Америки предшествовала командировка в Каир. В июне 1967 г., в ходе т. н. шестидневной арабо-израильской войны Египет потерпел поражение. Обстановка в Каире была накалена. В стране

царила антисоветская истерия. На непрекращающихся митингах говорили о ненадлежащей якобы подготовке к войне по вине советских офицеров-советников. Именно в эти дни в Москве было принято решение отправить делегацию в Каир. Было понятно, что впереди очень нелегкие выступления, острые дискуссии. Состав делегации был сильным, ее возглавлял депутат Верховного совета СССР, секретарь ЦК Компартии Узбекистана Рафик Нишанов.

Помню, как недалеко от Каира, в Сахара-Сити собралось около трех с половиной египетских военнослужащих — в запальчивом настроении, раздосадованные поражением. Мне, как представителю комсомола, предстояло подняться на трибуну и защищать позицию моей страны, находить верные аргументы. И это получилось.

Похожих примеров в годы работы в Комитете молодежных организаций (своеобразном министерстве иностранных дел ЦК ВЛКСМ) было много. Поэтому обзревая свой жизненный путь я прихожу к убеждению, что именно в то интересное время мы обретали ценные качества, а именно: не рядиться в образ «холодного чиновника», брать на себя ответственность в сложной ситуации, умение вести диалог.

В конце 1980-х годов по решению политического руководства страны я был направлен послом СССР в Сирию. Воспринял новое назначение прежде всего как высокое доверие. С Сирией у нас были особые отношения. Дамаск был ключевым союзником и партнером СССР в решении актуальных геополитических проблем, вопросов ближневосточного урегулирования. Именно в Дамаске размещались штаб-квартиры и руководство многих национально-патриотических партий и организаций региона, в том

числе и палестинских. В Сирии в эти годы находилось более 8 тысяч специалистов из СССР, среди которых были военные советники, серьезные инженерные кадры. Одна за другой сюда прибывали высокие делегации из Москвы. Словом, ритм работы был активным.

Спустя много лет Дамаск занимает особое место в моей памяти и в моем сердце. Политики моего поколения очень беспокоились в 1990-е годы, сразу после распада СССР, из-за того, что связям с Дамаском в то время в Москве не уделяли должного внимания. И мы, старшее поколение политиков и дипломатов, высоко ценим то, что высокое руководство России и Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров не только восстановили масштабы отношений между Россией и Сирией, но и придали им новое стратегическое измерение в интересах мира и стабильности на Ближнем Востоке.

Я теперь в возрасте, когда надо подводить итоги. За плечами много политических и государственных должностей, научных и дипломатических званий, награды советские, современной России и зарубежных государств. Обозревая прошлое, скажу, что именно годы работы в комсомоле задали нужную жизненную траекторию.

Надеюсь, что 100-летний юбилей ВЛКСМ, оставаясь важной исторической вехой, даст одновременно возможность взять молодежи современной России лучшее из опыта комсомола. Подразумеваю не идеологические догмы, а способность обретать глубокие знания, почитать нравственные ценности, ценить дружбу между народами, образующими наше Отечество, свято хранить преемственность поколений разных эпох.

Арутюнян Сурен Гургенович
Чрезвычайный и Полномочный Посол
в отставке

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Меня воспитала и вырастила великая и уникальная страна — Советский Союз, страна, которой был беззаветно предан и без остатка отдавал ей все свои силы и способности. Я был очевидцем колоссальных событий моего времени: Победы Великой Отечественной войне, восстановления народного хозяйства, освоения сибирских недр и целины, прорыва в космос, созидания сверхдержавы и достижения стратегического паритета с США, расцвета национальной культуры и утверждения оптимизма и доверия в стране. В тот период мы и не подозревали, что переживаем время, кем-то названное «застоем».

Был я причастен и к победам, и к разочарованиям, взлетам и падениям своего времени. Но оставался верен себе и своим убеждениям. И это придавало мне силы и уверенность на всем моем жизненном пути. Очень благодарен комсомолу, школе, всей системе советского воспитания и образования за то, что меня воспитали таким, какой я есть.

Позади десятилетия, но из памяти не изгладились годы, пережитые в комсомоле, энтузиазм и самоотверженность, с которой мы отдавались работе. Столетие Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи — выдающееся событие для миллионов воспитанников комсомола. Молодежь творчески и активно участвовала в созидании экономического, оборонного потенциала страны, покорения космоса, развитии энергетического и нефтегазового комплекса.

С 1962 по 1977 гг. моя жизнь была тесно связана с деятельностью комсомола. В свое время был приглашен в Москву в ЦК ВЛКСМ на работу. Избирался руководителем комсомола Армении.

В 1970 г. на XVI съезде ВЛКСМ меня избрали секретарем ЦК ВЛКСМ. Моя кандидатура была рассмотрена и рекомендована на Политбюро ЦК КПСС. Перед избранием состоялась беседа с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым. А вскоре меня тепло поздравил А.И. Микоян: «Знай, Сурен, что ты единственный армянин, которого избрали на такую высокую должность в истории комсомола».

За годы работы в комсомоле я объездил всю страну, не раз бывал во всех союзных республиках, посетил большинство областей России. Часто выезжал за границу, но всегда считал: такого букета, такого разноцветья и многообразия красоты, как у нас в стране, нет нигде. Не могу забыть бескрайние степи Казахстана и целину, неповторимую красоту Украины, хлопковые поля Узбекистана, пустыню Кара-Кум в Туркменистане, суровую прелесть Байкала, Братскую ГЭС и Усть-Илим, Тюмень и Сургут, БАМ, Амур, Брест, Беловежскую пущу,

Закарпатье, Прибалтику, Холмогоры, Ровно и Волынь, Северный Кавказ. Не говоря уже о России, о Закавказье, Армении — моей малой Родине. Более интересных мест, кажется, в мире нет.

Запомнилась поездка на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку — Байкало-Амурскую магистраль (декабрь 1974 г.). Поездка на БАМ была довольно напряженная, так как приходилось постоянно выступать перед строителями, партийным и комсомольским активом, проходили изнурительнее встречи с обсуждением хода строительства, а проблем было более чем достаточно.

Строительство БАМА поражало своей грандиозностью и энтузиазмом комсомольцев и молодежи, приехавших из всех республик Советского Союза. Да, не все делалось так, как хотелось бы в организации труда и быта. Однако комсомольцы проявляли примеры настоящего героизма. А ведь все то, что мы имеем, вернее, еще сохранили и чем гордимся, создавалось в значительной степени на энтузиазме людей, самоотверженным трудом комсомольцев и молодежи.

По характеру своей работы, будучи секретарем Центрального Комитета ВЛКСМ, я занимался вопросами оборонно-массовой работы, курировал комсомол Вооруженных Сил СССР, МВД, КГБ, спортивное движение молодежи. Я активно общался с Г.К. Жуковым, С.М. Буденным, И.С. Коневым, А.М. Василевским, И.Х. Баграмяном, В.И. Чуйковым, А.Х. Бабаджаняном, А.Л. Гетманом, К.П. Казаковым, И.И. Федюнинским, Н.М. Хлебниковым и др.

Товарищеские отношения связывали меня с трижды Героями Советского Союза А.И. Покрышкиным и И.Н. Кожедубом, летчиками-космонавтами дважды

Героями Советского Союза Г. Т. Береговым, П. И. Климучком, А. А. Леоновым, П. Р. Поповичем и др.

Судьба подарила мне возможность тесно общаться и сотрудничать с космонавтами, со спортсменами, советскими олимпийцами. Я непосредственно принимал участие в подготовке сборных команд СССР к Олимпийским играм в Мюнхене (1972 г.), в Монреале (1976 г.), в Москве (1980 г.).

На протяжении многих лет прославленные маршалы нашей страны И. С. Конев и И. Х. Баграмян возглавляли Центральный штаб Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Я был у них заместителем. Их часто называли «комсомольскими маршалами». Говорили, они командуют самой многочисленной в мире многомиллионной армией советских юношей и девушек. Эта многомиллионная армия была участником Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам славы советского народа. Это было массовое движение, воспитывающее у молодежи чувство патриотизма, готовность с оружием в руках встать на защиту своей родины, как это делали их отцы и деды. В масштабах страны эту важную работу вели многие выдающиеся полководцы, генералы и адмиралы, тысячи ветеранов войны и труда. Они были ядром, душой и сердцем этого всесоюзного похода комсомольцев и молодежи. В те годы в СССР было создано 70 тысяч памятников и обелисков, открыты 150 тыс. музеев и комнат боевой и трудовой славы. Следопыты вернули родным и близким десятки тысяч имен пропавших без вести воинов.

В 1977 году был переведен на работу в аппарат ЦК КПСС на должность консультанта. Секретарь ЦК

КПСС М. В. Зимянин во время беседы спросил меня: «Знаете, что такое консультант ЦК КПСС?» Я ответил, что пока представляю это смутно. «Так вот знайте, — сказал он, — консультанты придают интеллектуальный блеск аппарату ЦК КПСС».

В 1980 году защитил в Москве в Военно-политической академии имени В. И. Ленина диссертацию. После защиты и утверждения в ВАК стал кандидатом философских наук. В 1982 году меня утвердили заведующим сектором массово-политической работы ЦК КПСС. Работа оказалась интересной и многообразной, в компетенцию этого сектора входили и вопросы религии.

За время моей работы в аппарате ЦК КПСС (1977–1986 гг.) я проработал с четырьмя генсеками: Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, К. У. Черненко, М. С. Горбачев.

Армения — моя малая Родина, которая сочетает черты суровости и нежности. Это страна гор, солнца и потухших вулканов. Суровы ее зной и зимняя стужа, бурные реки и бездонные ущелья. Белорусский поэт Леонид Дранько-Майсюк в своей поэме «Характер Армении» писал: «Армения — это страна, которая если и воевала, то защищалась, а не нападала, кровью платила за то, чтобы читать Евангелие; народ, который изобрел свой алфавит, потому что чужие буквы царапали небо; в землетрясениях лишался исторических столиц, но не терял память; в войнах утрачивал земли и море, однако не терял душу. Армения — это Европа с чертами Азии. Корни у нее восточные, а корона — западная».

Хочу напомнить слова известного американского художника и писателя Рокуэлла Кента, посетившего однажды Советскую Армению. Он писал: «Поневоле поражаешься, что в таком небольшом уголке мира можно

встретить такие памятники и таких людей, которые могут явиться украшением и гордостью всего мира. Трижды будь прославлена земля армянская, колыбель талантов, колыбель великих свершений».

После 16 лет работы в Москве меня пригласили на заседание Секретариата ЦК КПСС и предложили вернуться в Ереван и занять пост первого заместителя Председателя Совета Министров республики с одновременным членством в бюро ЦК КП Армении. Вернуться в Армению мечтали мои повзрослевшие дети, и я с супругой. После переезда в Армению полностью окунулся в дела, приходилось решать массу вопросов. Мне доверили курировать внешнеэкономические связи, производство товаров народного потребления, легкую промышленность, торговлю, потребкооперацию. Серьезного опыта работы в этих сферах я не имел, но приобретенный опыт мне очень пригодился позднее при исполнении обязанностей первого секретаря ЦК КП Армении.

Я стал руководителем Армении (1988–1990 гг.), когда она переживала острейший внутривнутриполитический кризис из-за проблемы Нагорного Карабаха, испытывала глубокие социально-экономические потрясения после разрушительного землетрясения, когда республика фактически находилась в экономической блокаде, когда менялся политический ландшафт СССР. При этом многое из того, что имело место в республике, было беспрецедентным для Советского Союза. Мы, как говорят, на ходу должны были принимать решения по вопросам, не имевшим прецедентов в СССР.

В те годы первый секретарь ЦК КП Армении осуществлял фактически как стратегическое, так и оперативное руководство республикой. Всю полноту ответственности

за положение дел нес, прежде всего, первый секретарь ЦК. Он был главным стратегом в вопросах социально-политического развития, а также в кадровой политике. В мае 1988 г. на партийном пленуме я был избран первым секретарем ЦК КП Армении.

От ЦК КПСС впервые на пленум ЦК компартии республики приехали два члена Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев и кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС В. И. Долгих.

Начало работы в Армении на этой должности было непростое. Республика в буквальном смысле этого слова бурлила, была охвачена забастовками, голодовками и митинговой стихией. Через неделю пришлось выступить на очередном митинге, где участвовали 800 тыс. человек из всех районов Еревана и республики.

Волею судьбы Армения стала первой республикой, где перестройка обрела свое истинное содержание. Впервые в стране именно в Армении прошла волна массовых митингов, демонстраций и забастовок. Разумеется, и антидемократические шаги были впервые предприняты здесь: комендантский час, репрессии, попрание прав карабахского армянства на самоопределение. Хотя и так называемое демократическое половодье в республике зачастую носило антидемократический силовой характер. Достаточно вспомнить пикетирование и блокирование правительственных учреждений, сессий Верховного Совета, насилие, которое совершались над депутатами Верховного Совета, гражданами Армении. Все это было. Во избежание столкновений с нежелательными последствиями власти республики не прибегали к силовым акциям, хотя Центр и многие из руководства республики подталкивали меня к этому. Нам удалось избежать

серьезных беспорядков и жертв во время многотысячных массовых митингов в Ереване.

Невиданным испытанием вошел в историю армянского народа день 7 декабря 1988 года. Вся страна, весь мир были потрясены масштабами спитакского землетрясения. В зоне бедствия оказалось 21 город и район. Погибло 25 тысяч жителей. Без крова остались 514 тыс. человек. Армении постигла трагедия планетарного масштаба. Небывалое горе опустилось на армянскую землю.

В эти суровые дни мы по-настоящему ощутили созидательную силу дружбы советских народов, наша боль стала болью всех советских людей. Огромную помощь оказали нам все союзные республики, союзные министерства и ведомства, воины Советской Армии, иностранные государства и отдельные граждане.

Землетрясение в Армении преподало наглядный урок того, насколько тогда были прочны и нерушимы интернациональные корни в советских людях, как сильны в них были чувства братства и взаимовыручки. В районах бедствий работали сотни отрядов из всех регионов нашей великой державы, работали самоотверженно, воспринимая тревоги и надежды армянского народа как свои собственные.

Ситуация в зоне бедствия была очень тяжелой. ЦК КПСС вынужден был принять постановление о создании Комиссии Политбюро ЦК КПСС по ликвидации последствий землетрясения, которую возглавил глава правительства СССР Н. И. Рыжков.

Карабахскую проблему в руководстве страны видели по-разному. Можно сказать, что «карабахский дипломатический экспресс» двигался по труднопрогнозируемому маршруту и за минувшие годы мы реально

и не приблизились к мирному решению карабахского конфликта. Нагорно-карабахская проблема так и осталась неразрешимой для тогдашнего высшего советского руководства; оно было просто неспособно выйти за рамки сложившихся стереотипов. А здесь требовались неординарные подходы. В политике существуют неписанные законы. Наступил момент, когда я убедился в тщетности своих усилий разрешить карабахскую проблему, не принимал те процессы, которые шли по всему пространству СССР, в действительности не мог остановить разрушительный процесс СССР. Все это были главные побудительные мотивы моей отставки. Считаю, что поступил честно и порядочно. Менять своих убеждений я не собирался. Уверен, что в тех условиях, когда КПСС катилась вниз, мой уход был неизбежен. Уважаю политических деятелей, не меняющих своих убеждений в угоду конъюнктуры. Да и ситуация в республике была такова, что я испытывал в своей работе давление как центра, так и уличной «демократии». И мой добровольный уход с должности первого секретаря ЦК КП Армении я до сих пор не считаю ошибкой. Мною были взвешены все обстоятельства, и я руководствовался интересами страны. Уходя в отставку, я вспомнил слова римских консулов: «Я сделал все, что мог. Если можете, сделайте больше».

После отставки меня направили в распоряжение МИД СССР. Надо сказать, что моя комсомольская, политическая и дипломатическая деятельность захватила и «застойный» период, как его незаслуженно называют, и перестройку, и распад СССР, современную Россию и независимость Армении.

На протяжении 17 лет я находился на дипломатической службе трех государств: СССР, России и Армении.

Возглавлял заграничное учреждение СССР, а затем Российской Федерации в Марокко. Это был интересный и значительный период в моей жизни. До отъезда в Марокко я прошел основательную подготовку на курсах руководящих дипломатических кадров при Дипломатической академии МИД СССР и стажировку в Египте.

Работая Генеральным консулом в Касабланке, я не ограничивался сугубо консульскими делами, а занимался широким кругом вопросов развития советско-марокканских отношений в сфере политики, экономики, торговли, культуры. Большое значение имело и то обстоятельство, что важнейшие политические, торгово-экономические события в Марокко «варились» в Касабланке, которая по существу являлась столицей и политической, и экономической, и культурной жизни страны.

Проработал я в течение ряда лет в МИД РФ в качестве главного советника. Указами Президента СССР М. С. Горбачева (от 1 ноября 1990 г.), а затем Президента РФ Б. Н. Ельцина имею высокие ранги Чрезвычайного и Полномочного Посланника первого класса СССР, Чрезвычайного и Полномочного Посланника первого класса Российской Федерации.

В апреле 1999 г. я был назначен послом Армении в Республике Беларусь, одновременно был назначен Постоянным Полномочным представителем Армении в органах Содружества Независимых Государств. В том же году (1999 г.) мне был присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Завершил свою дипломатическую деятельность в Белоруссии в июне 2006 г., то есть проработал в этой стране полных семь лет.

Кстати, хочу особо отметить, что за все годы моей дипломатической миссии в Республике Беларусь не могу

припомнить ни одного вопроса, по которому бы не получал понимания и поддержки со стороны А. Г. Лукашенко. Он стал одним из первых крупных политических деятелей на постсоветском пространстве, кто открыто говорил о трагедии разрушения СССР.

Мне приятно отметить, что именно в годы моей работы в качестве посла в Республике Беларусь было построено прочное здание армяно-белорусских отношений, которое наполнилось реальным содержанием. Ереван в те годы стал единственной закавказской столицей, в которой впервые открылось белорусское посольство, интенсивными и регулярными стали контакты между президентами, премьер-министрами, руководителями министерств и ведомств, парламентариями. Была создана прочная договорно-правовая база наших отношений, разработаны и осуществлялись совместные программы сотрудничества между двумя странами. В 2001 году в ходе первого официального визита А. Г. Лукашенко в Армению был подписан широкомасштабный Договор о дружбе и сотрудничестве.

В настоящее время занимаюсь общественной, публицистической и научной деятельностью.

Дурдыев Тяхир Бяшимович
Чрезвычайный и Полномочный Посол
в отставке

ОТ МАРΟΣЕЙКИ ДО СМОЛЕНКИ

В сентябре 1962 года, будучи журналистом, был избран первым секретарем Ашхабадского горкома комсомола. А через несколько недель, в разгар Карибского кризиса, вместе с городским спорткомитетом провели акцию солидарности с Островом Свободы — эстафету «Ашхабад-Гавана», участники которой на протяжении 15 тысяч метров, символизирующих 15 тысяч километров от столицы Туркменистана до столицы Кубы, несли и поэтапно передавали друг другу кубинский флаг. Как и все советские люди, мы восхищались кубинской революцией, Фиделем, Раулем, Че Геварой. Мог ли представить тогда, что через 12 лет окажусь в Гаване сотрудником Посольства СССР.

В январе 1964 года на съезде республиканского комсомола был избран первым секретарем ЦК ЛКСМ Туркменистана. Мне было 27 лет. «Как молоды мы были, как крепко мы дружили, как верили в себя». Перед этим состоялось обсуждение моей кандидатуры на Президиуме ЦК Компартии республики, в Москве — собеседования

у первого секретаря ЦК ВЛКСМ С. П. Павлова и в оргпар-
тотделе ЦК КПСС. На этом посту проработал более 7 лет,
в течение которых наша организация выросла до 250 ты-
сяч человек. Действовали 40 районных, 7 городских, 5 об-
ластных комитетов.

В ЦК ЛКСМТ было 28 ответственных и технических
сотрудников. Комсомол республики, как и ВЛКСМ в це-
лом, не получал никаких дотаций ни от партии, ни от го-
сударства. Запущенный же и раскрученный в конце вось-
мидесятых годов уничижительный жупел «аппаратчик»
не имел ничего общего с партийным и комсомольским
аппаратом, и сегодня является синонимом разбухшей чи-
новничьей бюрократии, паразитирующей на обществен-
но-народном организме.

Важными вехами было участие во Всекомсомоль-
ском движении под девизом «IX пятилетке — ударный
труд, мастерство и поиск молодых», работа студенче-
ских стройотрядов на сооружении самого протяжен-
ного в мире Каракумского канала, объявленного Всесо-
юзной ударной комсомольской стройкой, на освоении
богатейшего газового месторождения Шатлык на восто-
ке республики, где депутатом Верховного Совета СССР
избирался Б. Н. Пастухов. Комсомольская организация
города Небит-Дага была награждена Орденом Трудового
Красного Знамени за вклад в создание центра нефтя-
ной промышленности республики. По итогам пятилетки
15 комсомольских работников удостоились государ-
ственных наград. ЛКСМТ занесен в «Летопись комсо-
мольской славы» ЦК ВЛКСМ. У монумента В. И. Ленина
в Ашхабаде принимались рапорты трудовых сверше-
ний к 40-летию республики и Компартии Туркмениста-
на, XXIII, XXIV съездам КПСС. Передовики сельских

комсомольско-молодежных бригад участвовали в созданном ЦК ВЛКСМ всесоюзном слете молодых хлопководов в Ташкенте. Сотни девушек стали механиками-водителями хлопкоуборочных машин.

Практиковалось наставничество над молодыми работниками, «Комсомольские прожекторы» способствовали устранению недостатков на предприятиях, занимались производственной эстетикой. К привлекаемым на уборку хлопка студентам выезжали члены бюро горкомов райкомов для приема в комсомол отличившихся ребят. К чабанам на отгонные пастбища направлялись молодежные культбригады. В новых совхозах в зоне канала молодые целинники делали площадки для спорта, показа фильмов.

Комитеты комсомола в приграничных с Ираном и Афганистаном районах шефствовали над погранзаставами. Серахскому погранотряду вручили Знамя ЦК ВЛКСМ за образцовую боевую и политическую подготовку воинов.

В Туркмении, с ее протяженным побережьем на Каспии, никогда не было морских офицеров местной национальности. По договоренности с командованием Каспийской флотилией приняли решение по нашим рекомендациям направлять ребят в Бакинское военно-морское училище. Военно-патриотические «Походы дорогами боевой славы отцов», «Зарница» сопровождалась встречами молодежи с ветеранами войны, борьбы с басмачеством. В республиканском слете этих движений принял участие Герой Советского Союза, маршал артиллерии В. И. Казаков. Традиционными были Вахты памяти 26 Бакинских комиссаров у обелиска на месте их расстрела в Закаспии (нынешний Туркменистан).

Руководители республиканских, областных комсомольских организаций вместе с работниками других ведомств ежегодно обсуждали у командующего Туркестанским военным округом подготовку молодежи к армии.

Лучшие спортсменки участвовали в проведенной ЦК ВЛКСМ Спартакиаде девушек Средней Азии и Казахстана в Душанбе. Наши спортсмены стали призерами Олимпийских игр в стрельбе, гимнастике, гребле.

Комсомол содействовал созданию Театра юного зрителя. В Ашхабаде плодотворно прошли встречи молодых русских и туркменских писателей, руководителей среднеазиатских Советов молодых ученых. Были названы первые лауреаты премии Комсомола Туркменистана, наши исполнители объявлены дипломантами Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Софии. В дни рождения комсомола проходили смотры студенческой и школьной самодеятельности, по телевидению показывались фильмы о комсомолии и молодежи. По знаменательным датам чествовали старых большевиков, героев войны и труда, знатных женщин.

Взаимодействовали с министерством просвещения, Госпрофобром, Каракумстроем, Спорткомитетом, республиканским ДОСААФ, Советом ветеранов войны, в составе которого были 26 Героев Советского Союза — туркменистанцев; 17 из них ушли на фронт комсомольцами и коммунистами.

Лучшие активисты школьной комсомолии и пионерии премировались путевками в «Артек», «Орленок». Студенты педагогических и медицинских учебных заведений шефствовали над интернатами.

Многие полезные дела сегодняшней молодежи являются продолжением традиций комсомола.

Широко отмечалось 40-летие комсомола Туркменистана, особую значимость чему придало присутствие почетного гостя — Героя Советского Союза, космонавта П. Р. Поповича. В съездах ЛКСМТ участвовали секретари ЦК ВЛКСМ Г. И. Елисеев, М. И. Журавлева, председатель КМО СССР П. Н. Решетов. Под руководством секретаря ЦК ВЛКСМ Т. А. Куценко в Ашхабаде обменялись опытом работы со школьной молодежью секретари республиканских и областных комитетов Средней Азии. С жизнью сельской молодежизнакомился секретарь ЦК ВЛКСМ В. Ф. Дувакин, с деятельностью «проектористов» — секретарь ЦК ВЛКСМ Ю. Н. Торсуев. У нас бывал зав. сектором среднеазиатских комсомольских организаций ЦК ВЛКСМ Б. К. Пуго. Делегатом XVII съезда ВЛКСМ от ЛКСМТ был избран председатель КМО Г. И. Янаев.

В бюро ЦК, обкомов, горкомов, райкомов избирались ударники комтруда. Секретари ЦК ЛКСМТ входили в состав ЦК Компартии Туркменистана, Президиума и комиссии по делам молодежи Верховного Совета республики, Комитета народного контроля, президиума Туркменсовпрофа, коллегии Минпроса. Более 70 человек закончили Высшую комсомольскую школу. Немало комсомольских работников выдвигалось в руководство партийных, советских, общественных органов, в аппарат ЦК ВЛКСМ.

Для молодежи характерными были патриотизм, интернационализм, приверженность дружбе народов, непримиримость к малейшим проявлениям национализма. Обычным явлением были межнациональные браки.

Вместе с тем, ЦК ВЛКСМ обращал внимание на упущения в работе с девушками-туркменками, а ЦК КПТ указывал на необходимость активнее содействовать преодолению у молодежи пережитков — в частности, в силу принадлежности туркмен к разным этническим группам. Это относилось, впрочем, не только к молодым людям.

Видные представители молодой технической, научной, творческой, гуманитарной интеллигенции формировались в центральных вузах страны, в которых республике выделялось до 500 мест для внеконкурсного поступления. К примеру, в МГИМО и УДН документы подавались с рекомендацией ЦК ЛКСМТ. Молодежь местной национальности в основном знала русский язык, чему способствовало и то, что в городах и райцентрах многие школы и дошкольные учреждения были русскоязычными, куда родители стремились отдавать своих детей. Это помогло учиться в институтах и техникумах, где преподавание было на русском языке. В таком безусловно положительном явлении имелись и издержки: некоторые молодые туркмены с высшим образованием, среди которых встречались, также способные и продвинутые комсомольские работники, недостаточно хорошо владели родным языком. Это был недостаток также и нашей работы, на который, однако, обращалось мало внимания.

ЦК ВЛКСМ и КМО СССР, а также БММТ «Спутник», вовлекали ЛКСМТ в свои международные связи. По их линии мы принимали представителей молодежных организаций Польши, Франции, Аргентины, Японии, Камбоджи, Пакистана, Кении, Бангладеш. А мне самому довелось в составе делегаций быть в ГДР, Египте, Ливане, Судане. В Танзании, Гвинее, Мали нас принимали президенты

Дж. Ньерере, А. Секу Туре, М. Кейта, в МНР, НРБ — Ю. Цеденбал, Т. Живков. Поездки за рубеж стимулировали интерес к внешней политике.

В 1971 году поступил в ВДШ МИД СССР, по окончании которой в 1974 году пришел на дипломатическую работу. Это был набор из представителей всех союзных республик к 50-летию образования СССР.

10 лет был на Кубе — первым секретарем, советником, а в последующем советником-посланником посольства, в том числе под началом таких авторитетных руководителей, как В. И. Воротников и К. Ф. Катушев. Тогда же здесь работали выходцы из комсомольских структур В. М. Гончаренко, Е. Г. Глек, Р. Н. Логовеев, А. Е. Рыбальченко, Ф. М. Потапов, В. А. Завьялов, В. Н. Шевченко, В. И. Киселев, В. И. Топоров, П. Т. Кондрашов, В. В. Шабрин, М. П. Торшин. Многие из нас работали также и при после А. С. Капто, возглавлявшим в 60-е годы Комсомол Украины. Этот был самый «комсомольский» состав советских дипломатов в Латинской Америке и на Карибах.

Оставаясь временным поверенным, не раз бывал у Ф. Кастро и Р. Кастро.

Особо запоминающимися остались встречи в Гаване с Е. М. Тяжельниковым, Б. Н. Пастуховым, В. И. Мироненко, секретарями ЦК ВЛКСМ С. Г. Арутюняном, Л. И. Шведовой — председателем Центрального совета Всесоюзной пионерской организации, известными в прошлом комсомольскими руководителями — В. А. Саюшевым, П. К. Лучинским, Ю. Н. Ельченко, Д. И. Патиашвили — товарищами по моей работе в комсомоле.

С завершением второй командировки на Кубу в июне 1987 года был назначен Послом СССР в Боливию. Перед

этим состоялись беседы у Э. А. Шеварднадзе и заведующего Отделом заграничных кадров ЦК КПСС С. В. Червоненко. Накануне выезда в Ла-Пас был принят Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громько.

Боливийская общественность симпатизировала гласности, перестройке, М. С. Горбачеву. Министр иностранных дел Г. Бедрегаль пригласил совпосла выступить на организованной в МИД встрече с местными и иностранными дипломатами по случаю 70-й годовщины Октябрьской Революции. Правда, подобное мероприятие было приурочено и к 200-летию образования США. Советский и американский послы рассказали о внешней политике своих стран преподавателям и слушателям местной дипакадемии.

Наиболее трудным был поиск возможностей для оживления находившихся в инертном состоянии экономических отношений с Боливией. Но мы не прекращали усилий. Прошло первое заседание межправительственной торгово-экономической комиссии, была создана бизнес-ассоциация «Vol-URSS», проведены встречи деловых людей двух стран. Достигли с партнерами договоренности о реструктуризации боливийского долга. Самой востребованной иномаркой стала наша высокопроходимая и относительно недорогая «Нива». Важным шагом было назначение почетного консула СССР в экономическом центре городе Санта-Крус. Развитие связей шло и по другим направлениям. Состоялись межмидовские консультации, поддерживались парламентские обмены, контакты по линии Советского комитета сотрудничества с Латинской Америкой, Комитета советских женщин, Союза писателей, ВАСХНИЛ. Организовывались дни советских фильмов,

книжные- и фотовыставки, выступления наших артистов. Активно работал при поддержке ССОД Центр культурных связей им. Л. Н. Толстого, действовали курсы русского языка, московские офтальмологи делали операции, консультировали местных врачей. В высокогорной Тарихе обосновалась советская астрономическая обсерватория. В качестве гуманитарной помощи в страну направлялись медикаменты, спортивный инвентарь. В большой колонии русских староверов работали наши учителя. Бюро АПН распространяло информацию и литературу об СССР. Популярными становились турпоездки в нашу страну.

Боливийцы часто спрашивали, в чем заключается помощь СССР их стране. Отвечал: в самом необходимом — подготовке квалифицированных специалистов. В Боливии тогда было более 500 выпускников советских вузов, объединенных в созданную ими ассоциацию. Ежегодно предоставлялись десятки стипендий, по которым в наши учебные заведения принимались в основном выходцы из малообеспеченных семей.

С исчезновением Советского Союза эти наработки начали слабеть, но зато рос интерес к Боливии со стороны коммерческих структур, в частности, Газпрома.

На заключительном этапе четырехлетней работы в Ла-Пасе вместе с парагвайским послом инициировал контакты на предмет возможности налаживания отношений с его страной после падения многолетней диктатуры А. Стресснера. Состоявшиеся затем консультации в Асунсьоне, Буэнос-Айресе завершились аккредитацией нашего посла в Аргентине послом по совместительству в Парагвае.

В конце смутного для российской дипломатии козыревско-коведяевско-кунадзевского периода в сентябре 1995 года с должности зам. начальника латиноамериканского управления выехал Послом РФ в Гайану и по совместительству в Тринидаде и Тобаго. Довольно оживленные советско-гайанские отношения шли на спад. Ржавели оставшиеся без обслуживания советские вертолеты и другая техника, уехали специалисты. Заметно росло влияние КНР, тем более, что у власти была и остается Народно-прогрессивная (с марксистскими корнями) партия.

Но наши дипломы имели тогда около 200 гайанцев. Среди них Б. Джакдео — нынешний президент Гайаны. Соглашение о межмидовских консультациях с гайанской стороны подписал тогдашний министр иностранных дел К. Рохи, также обучавшийся в Москве. Однако с 1992 года наших стипендий не стало, в основном гайанцев обучают теперь в США, Канаде, Великобритании, многие там и оседают. Посольство поддерживало контакты со штаб-квартирой КАРИКОМ в Джорджтауне. РФ получила статус наблюдателя в Ассоциации карибских государств с секретариатом в столице республики Тринидада и Тобаго, Порт-оф-Спейне. Однако в целом отношения с этими двумя странами оставались ограниченными. Только потом начались поставки в Россию гайанского риса, тростникового сахара.

По делам выезжал в соседнюю Венесуэлу, где послом являлся Н.М. Елизаров, пришедший в систему МИД из ЦК ВЛКСМ.

Проработав четверть века в советской и российской дипслужбе, в 1999 году вышел в отставку.

...Каждый год, в первых числах октября, в Международный день людей старшего поколения на торжественных собраниях в МИДе присутствуют товарищи по работе в комсомоле, направленные в свое время на дипломатическую службу. И всегда особо волнительными бывают встречи с Е. М. Тяжельниковым и Б. Н. Пастуховым, сделавшим и продолжающим многое делать для того, чтобы и сегодня в обществе оставалось незыблемым признание исторического вклада комсомола и его воспитанников в развитие СССР и России.

Елизаров Николай Михайлович
Чрезвычайный и Полномочный Посол
в отставке

МОИ КОМСОМОЛЬСКИЕ ГОДЫ

Согласно Уставу ВЛКСМ в комсомол принимали с 14 лет. В этом возрасте я был воспитанником Тамбовского суворовского военного училища.

Тогда суворовцы, воспитанные на примерах комсомольцев-героев Великой Отечественной войны, в том числе нашей землячки Зои Космодемьянской, буквально рвались в ряды комсомола. Отбор был строгий — учитывались качество учебы, участие в общественной жизни, показатели строевой и спортивной подготовки.

В мае 1951 г. по рекомендации члена КПСС майора Н. Я. Голубкова первичная организация 4-й роты ТбСВУ приняла меня в комсомол. Это стало началом комсомольского пути.

После ухода «на гражданку» в декабре 1958 г. я неожиданно стал комсомольским работником. Можно сказать, произошел крутой поворот в моей судьбе.

Оказавшись после армейской службы в г. Орехово-Зуево, где проживали мои старшие родственники — бабушка Мария Александровна и тетя Галина Александровна

(родители погибли в годы войны) — мне предстояло начать новую жизнь, зарабатывать на хлеб насущный. В духе того времени я отправился в Орехово-Зуевский горком комсомола с целью получить путевку на одну из комсомольскихстроек. Тогда это было обычным делом — страна выходила из состояния военной разрухи, активно строились ГЭС, заводы, фабрики, новые города и поселки, осваивались Сибирь и целина.

Скажу откровенно, я был удивлен, что меня принял первый секретарь горкома комсомола Александр Камшалов. Между нами состоялась нормальная мужская беседа о жизни, об армейской службе, о родителях, о занятиях спортом. Он спросил, играю ли я в баскетбол, я ответил, что играл за сборную юношескую команду Тамбовской области на первенство РСФСР в 1954 г., когда наша команда заняла 3-е место. Александр по-доброму попросился со мной и сказал: «Приходи через неделю, может быть, что-нибудь придумаем». Он стал моим крестным отцом в комсомоле. Через неделю я был зачислен инструктором горкома комсомола.

Городская комсомольская организация была, на мой взгляд, достаточно сильной и влиятельной в молодежной среде. Ее основу составляли комсомольцы крупных промышленных предприятий: Орехово-Зуевского текстильного комбината, объединяющего более 10 фабрик, Ликинского автобусного завода, завода «Респиратор», выпускающего технически сложную аппаратуру для подводников и летчиков-высотников, химического комбината «Карболит» и других коллективов.

Комитеты комсомола руководили соревнованием молодежных бригад, организовывали летние молодежные лагеря отдыха, оказывали помощь молодоженам,

«пробивая» для них жилье, поддерживали связь с уходившими на армейскую службу молодыми рабочими. Особой заботой комсомольцев было поддержание общественного порядка в городах и поселках, везде действовали дружинники, комсомольские патрули.

В городском парке, где большой популярностью пользовалась танцплощадка (предвестник нынешних дискотек), порядок обеспечивали дружинники под руководством секретарей и сотрудников горкома. Там нужно было вовремя гасить возникающие конфликты.

Достаточно модными были комсомольские свадьбы в день рождения комсомола 29 октября. Для меня эта дата тоже стала знаковой. В 1960 г. в этот день я женился на красивой девушке Зое, секретаре первичной комсомольской организации 2-й ткацкой фабрики, актрисе Орехово-Зуевского народного театра, шефство над которым осуществлял МХАТ. Тогда главные театры страны оказывали творческую помощь возникающим драматическим театрам в провинции.

В Орехово-Зуеве у нас родился первый сын, и мы с Зоей получили свое жилье — комнату в трехкомнатной коммунальной квартире на 1-м этаже. Это была большая радость, мы начали жить своей семьей. И хочу с теплотой и благодарностью вспомнить наших соседей по коммуналке, которые сами предлагали нам помощь, вечерами, когда мы были заняты общественными делами, они, как говорится, сидели с нашим малышом.

В декабре 1961 г. я был избран первым секретарем горкома комсомола, а в октябре 1963 г. меня взяли инструктором в ЦК ВЛКСМ, и мы переехали в Москву. Так завершился орехово-зуевский период моей жизни и комсомольской работы.

Семья временно осталась в Орехово-Зуеве, а я несколько месяцев жил в общежитии вместе с такими же новобранцами. Работа инструктора, а затем ответственного в орготделе ЦК ВЛКСМ предоставила мне возможность познакомиться с деятельностью областных комсомольских организаций Северо-Запада и Поволжья РСФСР, которые я курировал, выезжая в эти края в командировки. Тогда много внимания уделялось стилю работы секретарей и комитетов комсомола всех уровней. Наше общество постепенно стряхивало с себя оковы культа личности Сталина и политической зашоренности, неприкосновенности авторитета партийного и комсомольского руководителя. В жизнь комсомола робко, но все же начала входить критика снизу. Поездки в Саратов, Пензу, Ульяновск и другие областные центры давали интересный материал для обобщения опыта работы комитетов комсомола, их человеческого измерения. Чтобы наблюдения не оставались в ящике рабочего стола, я написал несколько статей для журнала «Молодой коммунист» (№ 6 и № 11, 1965 г.) и газеты «Комсомольская правда» (18 марта и 28 июля 1965 г.). На мартовскую статью «Повышение с понижением» о жестком правлении секретаря Колышлейского района Пензенской области я получил позитивные отклики читателей, которым пришлось самим столкнуться с «комсомольскими начальниками». По случайному совпадению в этом же номере газеты были опубликованы 20 неизвестных писем Николая Островского своему другу Пете — Петру Николаевичу Новикову. В двух из них, датированных 3 и 23 октября 1933 г. и написанных из Сочи тяжелобольным Островским, он пишет: «...Я весь в юбилейных делах.

Загружен статьями к 15-летию ВЖСМ. Отныне я почетный комсомолец Сочинской организации. Ты скажешь, впал в детство, нет, просто я омолодился, сбросил с плеч десяток лет и веду себя как юноша». Я вспомнил Николая Островского, чья жизнь, изложенная в книге «Как закалялась сталь», была примером для нескольких поколений комсомольцев Советского Союза. Думаю, что для молодежи очень важно иметь героев для подражания.

Однако моя жизнь в Москве вскоре была прервана длительной командировкой в Таджикскую ССР. Друзья спрашивали: «За что так далеко отправили?»

Мне доверили, и я согласился. Отъезд в Среднюю Азию состоялся в условиях единой страны — Советского Союза, тогда и комсомол был неделим. Нужно учесть и существовавшую в те времена практику: на должность вторых секретарей ЦК партии и ЦК комсомола, как правило, рекомендовались русские кадры из центра. А было это так.

В конце августа 1965 г. я находился на рабочем месте в орготделе ЦК ВЛКСМ, был прекрасный солнечный день, в сентябре я собирался пойти в отпуск. Одним словом, мое состояние было радостно расслабленным. И вдруг телефонный звонок. Поднимаю трубку и слышу властный голос Сергея Павловича Павлова, руководителя ЦК ВЛКСМ: «Николай, зайди ко мне».

Я поднялся на четвертый этаж углового здания в проезде Серова, где размещалась главная штаб-квартира ЦК комсомола.

Сергей Павлович, в отличие от меня, только что вернулся из отпуска и был в замечательном настроении.

Разговор начинался быстро и решительно:

— Николай, ты знаешь, где находится Таджикистан?

— В общих чертах.

— Не страшно, узнаешь, когда приедешь. И далее: — Через три дня в Душанбе состоится пленум ЦК комсомола республики. Твою кандидатуру на должность второго секретаря я согласовал с Джабаром Расуловичем Расуловым (первый секретарь ЦК компартии Таджикистана) и с секретарем ЦК КПСС И. В. Капитоновым. От имени ЦК ВЖСМ тебя на пленуме представит за-всектором орготдела по комсомольским организациям Средней Азии Борис Карлович Пуго. Полетите в Душанбе с ним вместе. Желаю удачи, у тебя получится, ты на таджика похож.

С таким благословением главного шефа я и отправился в незнакомый Таджикистан. Не могу не сказать добрых слов о Сергее Павловиче Павлове, которого уже нет с нами. Его любили в Комсомоле за открытый характер, блестящий ораторский талант, настойчивость в продвижении ведущей роли комсомола среди советской молодежи.

В Таджикистане я вместе с семьей прожил 4 года, по мидовским меркам, это полноценная заграникомандировка. Можно сказать, что в Таджикистане состоялась моя первая дипломатическая практика. Таджики — женщины и мужчины — красивые и тонкие в человеческом отношении люди. Они умеют вести беседу, обходя острые углы и не обижая собеседника. Главное — нужно понять, что тебе хотели сказать и правильно отреагировать. Я постигал восточную дипломатию высокого класса, тем более что первым секретарем ЦК комсомола была одаренная умом и тактом женщина Гульджихон Бабаевна Бобосадыкова, для друзей — Роза. Мы с ней прекрасно понимали друг друга, что создавало нормальную

рабочую и дружескую атмосферу в ЦК комсомола республики. Ей удавалось, преодолевая традиционные предрассудки, продвигать таджичек на руководящие посты в комсомоле, в системе образования и здравоохранения, поддерживать талантливых девушек в искусстве. Членом ЦК комсомола была выдающаяся балерина Малика Сабирова, которая регулярно выступала на сцене Большого театра в Москве.

В те годы начала строиться Нурекская ГЭС, объявленная всесоюзной ударной стройкой, где мне часто приходилось бывать, решая производственные, жилищные и социальные проблемы, возникающие у молодых строителей. На сельском фронте комсомол организовывал молодежные бригады хлопкоробов. Тонковолокнистый хлопок называли в республике белым золотом.

В 1968 г. в Таджикистане широко и празднично отмечалось 50-летие ВЛКСМ. К этому событию был приурочен в целом по стране обмен комсомольских билетов старого образца на новый. В отдаленных горных районах не оказалось профессиональных фотографов и их пришлось командировать на короткое время из Душанбе или ближайших районных центров. Проблема с фотографами возникла и во многих отдаленных районах РСФСР. Тогда ходил анекдот, очень близкий к правде: когда в одном из райкомов, проводившем обмен билетов чукчам, решили размножить фотографию одного парня и использовать это фото для всех похожих молодых людей, секретарь райкома, вручая новый билет очередному комсомольцу, попросил его проверить, как положено, все ли правильно заполнено. Тот посмотрел и сказал: «Товарищ секретарь, фотография моя, а вот рубашка, однако, чужая». Пришлось заполнять новый бланк документа.

В Таджикистане в те годы нам жилось комфортно. Наш первый сын Коля пошел в первый класс таджикской школы, где изучали русский и таджикский языки, у него появились замечательные друзья — таджикские дети.

Посещая пограничные заставы по периметру границы с Афганистаном, можно было порыбачить, а наши пограничники пили чай с афганцами. Там было спокойно, как и в самом Таджикистане, люди разных национальностей с уважением относились друг к другу. Мы с женой и сыном часто бывали в таджикских семьях, приглашали таджиков к себе домой. Зоя научилась варить вкусный таджикский плов.

Я и сейчас часто вспоминаю о Таджикистане, где я стал, надеюсь, своим человеком — был избран в Чильгазинском округе депутатом Верховного Совета республики, частенько заезжал к своим избирателям в Исфаринский район. Комсомольцы были творческой, деловой, чистой составляющей таджикского общества. И очень надеюсь, что межнациональные отношения восстановятся, войдут в спокойное течение красивой реки Вахш. Мечтаю еще раз побывать в Таджикистане, а с Розой мы поддерживаем добрые отношения, звоним друг другу по телефону, узнаем, как здоровье, как самочувствие родственников — с этого таджики всегда начинают разговор.

В марте 1969 г. я вернулся в Москву, и меня назначили заместителем заведующего отделом ЦК ВЛКСМ по связям с Союдами молодежи социалистических стран. Началась моя новая жизнь, и уроки дипломатии, полученные на Востоке, оченьгодились при организации различных международных молодежных мероприятий: фестивалей, форумов, двусторонних встреч, а также в подготовке визитов и поездок наших и иностранных

делегаций. ЦК ВЛКСМ осуществлял активные связи с молодежными организациями социалистических стран. Мне довелось быть одним из организаторов первого советско-германского фестиваля дружбы (СССР — ГДР), состоявшегося в 1970 г. в Берлине. К подготовке фестиваля внимательно относилось руководство ГДР и лично Вальтер Ульбрихт и его супруга Лотта. Фестиваль способствовал преодолению негативного послевоенного отношения со стороны нашей молодежи к немцам, содействовал укреплению дружеских связей между молодыми людьми двух стран.

Психологически сложной была двусторонняя встреча руководства ЦК ВЛКСМ с активистами молодежных организаций Чехословакии, прошедшая летом 1969 г. в Одессе. После известных событий в Праге в 1968 г., получивших в дальнейшем название «пражской весны», нужно было найти новый подход к дальнейшим шагам по восстановлению дружеских отношений. Сердечная встреча в Одессе на берегу Чёрного моря, теплый прием наших сверстников из Праги, откровенные дискуссии помогли убрать психологические барьеры и наладить контакты с активом молодежных объединений. А ведь после «пражской весны» во время матчей советских и чехословацких хоккейных команд чехи скандировали лозунг: «вы нас — танками, а мы вас — шайбами». Постепенно этот синдром ушел, но, видимо, корешки его остались в теле новой Чехии. Иначе чем объяснить согласие чешского руководства разместить на территории своей страны элементы американской системы противовоздушной обороны.

В мои обязанности входило и сопровождение первого секретаря ЦК ВЛКСМ Евгения Тяжельникова во время

его визитов в соцстраны по приглашению руководства союзов молодежи. В состав делегаций входили космонавты, молодые деятели культуры, передовики производства, руководители республиканских и областных комсомольских организаций.

Это была интересная работа, требовавшая хорошей подготовки по многим международным и региональным проблемам.

Я был увлечен этими делами и через два года по рекомендации руководства ЦК ВЛКСМ стал кандидатом для поступления в Высшую дипломатическую школу, преобразованную вскоре в Дипломатическую академию МИД СССР. Успешно прошел отбор и 1 сентября 1971 г. сел за парту, став слушателем ВДШ. Спасибо за поддержку Евгению Михайловичу Тяжельникову и Борису Николаевичу Пастухову.

Прощай, комсомол. Началась новая дорога в профессиональную дипломатию.

Шли годы, сердцем я оставался и остаюсь молодым комсомольцем.

Казимиров Владимир Николаевич
Чрезвычайный и Полномочный Посол
в отставке

КОМСОМОЛЬЦЫ И ВЕНГЕРСКИЕ СОБЫТИЯ 1956 ГОДА

В ВЛКСМ вступил в школе. Окончив МГИМО (1953), был направлен в Венгрию (1954–1959). Почти год числился секретарем консульства в городе Дебрецен, а проработал там лишь три дня. По звонку советника посольства СССР в ВНР Ю. В. Андропова меня перевели в Будапешт. Был там секретарем консотдела, затем стажером посольства, а в июне 1956 г. стал атташе.

В 1954 г. Андропов был назначен послом в Венгрии. Он иногда доверял важные дела и молодым кадрам. Поручил мне «вести» отношения ВНР со странами народной демократии и Югославией. Подход Белграда к развитию обстановки в Венгрии был важным фактором в канун и в дни событий в Будапеште осенью 1956 г.

В 1955 г. был избран секретарем комсомольской организации нашего коллектива в ВНР. Комитет ВЛКСМ вел обычную работу с молодыми кадрами советских учреждений: собрания, заседания бюро, субботники, прием новых членов. Приняли сына посла — Игоря Андропова, ученика

7 класса. На одном совещании дипсостава по неопытности я (стажер!) покритиковал посла, но ЮВ не позволил себе так или иначе карать меня за это. Весной 1956 г. прошу его дать прочитать доклад Н. С. Хрущёва на XX съезде КПСС, где речь шла и об Югославии. А посол заявляет, что надо вступать в партию! Его слова — полная неожиданность для меня. Даже будучи комсоргом, не считал себя достойным этого. Но, уловив, что могут и принять, подал заявления и был принят сначала в кандидаты, а в 1957 г. в члены КПСС.

Обстановка в Венгрии осложнялась в 1956 г. постепенно, но осенью уже круто. Не буду касаться оценки тех событий — она поныне контрастна, даже полярна. Лучше расскажу, как тогда работали мы, комсомольцы.

23 октября после митинга в Буде демонстранты двинулись в Пешт. Во избежание инцидентов наш посол не велел быть на улицах и подходить к ним. А четырьмя понимавшим по-венгерски сотрудниками (В. А. Крючкову, В. А. Черникову, Л. С. Ягодовскому и мне), поручил следить там за плакатами и лозунгами, докладывать о ходе дел. В толпе небезопасно — могли и опознать. Своих ребят направила в ряды демонстрантов и наша спецслужба. Но выводы были противоположны. Мы сообщали, что демонстрация нарастает, лозунги все круче, а наши коллеги — наоборот, что ряды демонстрантов редуют. Уже после событий шутили, что те и другие докладывали: «демонстранты расходятся», а виноват глагол, допускающий двойное толкование.

Посол давал нам самые разные поручения, а мне, похоже, и как комсоргу. Вначале было больше информационно-аналитических заданий, а потом оперативных, мало совпадавших с общими представлениями о дипслужбе.

Иногда это была, казалось бы, обычная доставка кому-то материалов, но обстановка в Будапеште да и средства доставки были совсем необычными.

В ночь на 24 октября по просьбе венгерского руководства в город вошли советские войска с приказом прикрыть стратегические объекты (мосты, отдельные здания и т. п.), но не открывать огня. После этого пришлось везти один пакет на... танке. Не служил я в армии, не привык влезать и вылезать из него. Ехали от посольства по главной магистрали — проспекту Сталина. Вскоре показалась площадь 7 ноября — перекресток основных магистралей города: Сталин-ут и Ленин-кёрут. На площади огромная толпа — видимо, акция против тогдашней власти, возможно и стихийная, но скорее организованная.

Мой гражданский мозг тотчас требовал торможения во избежание трагедий. А командир танка добавил скорость. Наш грохот стал еще громче. И пикнуть я не успел, как увидел разделение толпы надвое, и мы проскочили ее сходу. Как прав был командир! Тормозить грозило бы серьезной проблемой. Кто-то из толпы мог встать поперек, танк окружили бы и делали бы что угодно. Мы уже знали о нападениях в городе на наши танки и броневики. Их командиры порой были жертвами своей открытости, готовности пообщаться с теми, кто говорил по-русски. А за это время кто-то устраивал взрыв или поджог.

Необычной была и поездка вечером 31 октября в здание парламента (после вывода наших войск из Будапешта). Посол направлял премьер-министру Имре Надю текст Заявления правительства СССР от 30 октября об отношениях с социалистическими государствами. Согласовали, что меня пропустят к кабинету премьера. Вхожу в приемную, но секретарь утверждает, что его нет.

Не исключаю — такова обстановка в стране, да и час уже поздний.

Но вижу кого-то спящего на диване у левой стены. Сразу узнаю в нем как раз Имре Надя. И раньше видел его вблизи. К тому же лицо и длинные усы его так характерны, что трудно ошибиться. Напекаю, что узнал спящего, но секретарь опять твердит, что премьера нет. Напираю тогда на важность дела, передаю ему пакет с этим заявлением, прошу срочно вручить премьеру. Но уезжаю в полном недоумении. Если Надю надо отдохнуть, то почему же в приемной, а не в своем кабинете? Или это его двойник? Докладываю послу об этом, но он не придает значения моим догадкам. Он доволен, что заявление доставлено адресату. Истину не знаю поныне, но вернее вторая догадка.

В городе еще шли бои, когда было поручено ехать на бронетранспортере. Я уже сел в него, но во время подбежали и дали отбой. Было известно, что повстанцы с верхних этажей швыряют внутрь бронетранспортеров гранаты и бутылки с горючей смесью. Этот боевой транспорт был удобен для действий в полевых условиях, но не в городе. Годы спустя наш посол на Кубе горьковчанин К. Ф. Катушев рассказал мне, что автозаводу ГАЗ именно в дни событий в Венгрии поручили укрывать кузов бронетранспортера.

Лихие ситуации возникали в буйной столице нередко. После вывода войск эвакуируем наши семьи. На сборы 2 часа. Мне поручено сопровождать колонну. Еле успел в последний грузовик. В широкой кабине я третий, но те двое поменялись местами: венгерский шофер отдал руль бойцу в обмен на винтовку. Боец, может, и водил в поле тракторы, а тут сбивает «Победу», идущую по главной

улице города (на ее капоте белая простыня с красным крестом — обслуживает повстанцев). Жертв нет, а «Победа» подбита, но на ходу. Однако движение перекрыто, и вокруг сразу толпа венгров. Вмиг отняли винтовку. Тот шофер вопит: «Вы 10 лет эксплуатируете нас!» Возбуждает толпу, требует ехать разбираться в «ревкомитет VI района» — как раз самое место для провокаций.

Предлагаю ему взять в посольстве наш автомобиль на время ремонта «Победы» (а позволит ли посол?). Подъезжает патруль — офицер в хортистской шинели и несколько юнцов. Как атташе имею иммунитет, но удостоверение-то мое еще стажерское! Кто-то из толпы шепнул о неприкосновенности дипломатов. «Здесь революция!» возопил шофер. «Какое еще международное право?!» Офицер, ничего не понимая в этом, уезжает, не забрав и не вызволив нас из толпы. Через полчаса тот шофер согласен временно взять нашу легковушку. Проводим взаимный обыск — нет ли у кого оружия? Грузовик и оба наших бойца остаются в толпе безоружными и безъязыкими заложниками.

Сажусь в «Победу» позади шофера, чтобы тот не проехал мимо посольства в «ревкомитет». И не зря — он норовит пролететь дальше. Тормозит лишь после угрожающего вопля ему в уши. Бегу к послу. Он велит отдать на время нашу машину, сняв дипномера, и записать данные водителя. Вызволяем потом наших заложников и едва догоняем конец колонны. А тот шофер возвращается к «Победе», стоящей у посольства, заводит ее другим ключом и угоняет. Позднее, после событий в Венгрии местная полиция нашла его в городе Сольнок и допросила. Горько и смешно было читать протокол допроса. По его словам, в разъяренной толпе он будто бы просто спас всех нас от линчевания!

У посольства постреливали... В целом стрельба спадала, но в кабинет Ю.В. Андропова влетает пуля. Там б человек, седьмым вошел я. У стола посла сидят трое, а на креслах перед диваном возле окна зампред КГБ генерал С.С. Бельченко и наш советник В.В. Афанасьев. Не помню, как посмел я, атташе посольства, идти в кабинет посла без спроса. Но чрезвычайная ситуация тогда явно потеснила протокол.

Едва подхожу к Афанасьеву, как раздается выстрел. Поняли потом, что пуля пролетела между сидящим генералом и мной, вставшим рядом. От удара в стену она срикошетила. Все попадали. А пуля на полу мечет искры рядом со мной. Мало соображая, чисто интуитивно прижал ее углом ковра и погасил, а потом сунул в карман. Чудом все целы! Удивлен, что посол, генерал и все старшие стерпели мою бесцеремонность. Видно, всем было не до пули. Бельченко хотел было послать бойцов закидать гранатами подвалы в переулке, откуда, возможно, и стреляли. Но его отговорили, опасаясь невинных жертв.

Хранил эту пулю лет 20. Это знал В. А. Крючков, мой друг по Будапешту (по предложению Ю. В. Андропова он ушел с ним в аппарат ЦК КПСС, а потом в КГБ). Перед своим днем рождения ЮВ звонит и предлагает подарить ему ту пулю. Каюсь, из-за огромного уважения к ЮВ проявил слабость и отдал ее в дар ему. Зря — мы могли найти другой подарок. Надо было сбереечь ее как экспонат для музея МИД. Долго искал потом эту пулю у родственников ЮВ, но тщетно.

После событий в Венгрии Ю. В. Андропов перенес инфаркт и был вывезен в Москву. С февраля 1957 г. в ВНР у нас новый посол — Е. И. Громов. В марте он берет меня с собой в Москву и Свердловск на визит Яноша Кадара.

В Кремле на переговорах впервые повидал совсем рядом Н. С. Хрущёва, Н. А. Булганина, К. Е. Ворошилова, Г. М. Маленкова, В. М. Молотова, Г. К. Жукова. (А. И. Микояна и М. А. Суслова видел и раньше). Так впервые попал на мероприятия высшего уровня.

В начале 1957 г. Громов поручил мне заняться молодежным движением в Венгрии. Молодежь играла немалую роль в минувших событиях. Надо было помочь возродить добротную молодежную организацию. К тому же летом в Москве Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Участок работы бойкий. Знакомлюсь и дружу с лидерами молодежи, главой КИС (комсомол ВНР) Золтаном Комочиным. Помню наши футбольные баталии с КИС с его и своим участием. По поручению посла довелось сопровождать делегацию КИС на Всемирный фестиваль и на встречу с С. П. Павловым. Комочин стал затем вторым лицом Венгрии после Кадара. В 1969 г. в Будапеште наш заммининдел В. С. Семёнов, Кадар и Комочин 6 часов анализировали и сравнивали события в Венгрии и Чехословакии (всю ночь диктовал я запись этой беседы, как подчеркнул Семёнов, только для Брежнева и Громыко).

В 1957 г. посольство пополнилось пятью комсомольцами из МГИМО, учившими и венгерский. Все стали достойными профессионалами, а Феликс Богданов послом СССР/России в Буркина-Фасо, Бельгии, Румынии и Венгрии.

В ту пору в ВНР был невероятно популярен футбол. В посольстве контакты с футболистами были на мне. Осенью 1957 г. сыграли там команда делегации ЗИЛ во главе с А. И. Вольским и игроки КИС. Курьёзно, что на поле были оба полузащитника молодежной команды «Торпедо»

образца 1949 г. (мой добрый друг, а позднее главный технолог ЗИЛ Леонид Куверин и я). С командой КИС играли мы иногда и в волейбол — тоже небезуспешно. Тогда же сборная СССР выиграла у Венгрии 2:1.

В целом комсомольцы и весь коллектив советских учреждений достойно выстояли в те трудные времена. В их самоотверженной работе не было буквально никаких сбоев. Своей мобилизованностью мы были обязаны Ю. В. Андропову и Е. И. Громову. Комсомольцы лишь помогали послам. Работа посольства в тот период получила высокую оценку. 23 июля 1957 г. многие были удостоены наград СССР: Ю. В. Андропов — ордена Ленина, В. А. Крючков и секретарь организации ВЛКСМ — Трудового Красного Знамени. Но указ был с оговоркой — «без огласки в прессе».

Михайлов Евгений Николаевич
Чрезвычайный и Полномочный Посол
в отставке

ИЗ КОМСОМОЛИИ В ДИПЛОМАТИЮ — ЧЕРЕЗ АФГАНИСТАН

Мой переход от «зрелой комсомольской работы (Первый секретарь Москворецкого РК ВЛКСМ г. Москвы) к дипломатической деятельности был достаточно гармоничным и не требовал кардинальных изменений к подходам по реализации задач, которые необходимо было решать на новом профессиональном уровне.

В начале лета 1980 года Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б.Н. Пастухов предложил мне, по согласованию со «Старой Площадью», направиться в Афганистан на работу в Посольство СССР вторым секретарем и исполнять обязанности секретаря созданной объединенной комсомольской организации советских коллективов и учреждений в этой стране. Вполне объяснимо, что с учетом той атмосферы, которая существовала в то время вокруг нашего «интернационального долга», это предложение было воспринято, можно сказать, восторженно, и я был горд,

что мне доверяют начать работу за рубежом в этой «горячей и важной точке».

Разумеется, тогда, как и большинство советских граждан, я оценивал ввод в конце 1979 года в Афганистан «ограниченного контингента советских войск» как совершенно правильный и крайне необходимый шаг по поддержке «свободолюбивого афганского народа в его борьбе против сил империализма» и срыву «планов США создать на южных границах СССР плацдарм для антисоветских агрессивных действий». Уже потом, в ходе работы над кандидатской диссертацией, касающейся истории ввода советских войск в Афганистан, у меня стали возникать сомнения относительно официальной трактовки событий конца 1979 года. Особенно эти сомнения окрепли после более тщательного анализа событий вокруг Афганистана в период марта-ноября 1979 года. Напомню в этой связи, что в марте Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин в телефонном разговоре с руководителем Афганистана Н. М. Тараки отказал в просьбе «о вводе на помощь афганскому народу советского вооруженного контингента», но уже 12 ноября Политбюро ЦК КПСС принимает диаметрально противоположное решение.

В своих научных исследованиях я приходил к выводу, что это было решение не «4-х старцев», как трактовались те события 1979 года даже в партийной печати времен перестройки. Это решение стало результатом внешнеполитических ошибок, основанных на заидеологизированных оценках ситуации в треугольнике «СССР — Афганистан — Запад». Понятно, что с такими «антипартийными» выводами моя диссертация не имела будущего, а заявление З. Бжезинского в телефонном разговоре с Дж. Картером

27 декабря 1979 г.: «Мы сделали это», ставшее достоянием гласности много лет позднее, уже не могло повлиять на судьбу моих научных исследований.

Однако летом 1980 года такого рода «грустных» выводов не было, и я с комсомольским энтузиазмом стал готовиться выполнять «свой интернациональный долг» и к новой для себя профессиональной дипломатической деятельности, которая затем более чем на 30 лет стала самым значимым периодом моей жизни.

В начале октября того года я прибыл в Кабул и приступил к работе в дружном коллективе Посольства, начал осваивать азы дипломатии и организовывать функционирование комсомольской организации с учетом специфики и особенностей советского присутствия в Афганистане. В первую очередь, необходимо было обеспечить в соответствии с Уставом ВЛКСМ соответствующую организационную работу первичных организаций и комитета комсомола (проведение собраний, сбор комсомольских взносов, прием в члены ВЛКСМ, рассмотрение текущих, а то и персональных дел и т. д.).

Но главное для меня лично «неудобство» состояло в том, что комсомольская организация в официальных документах называлась «физкультурной» и школьники школы при посольстве принимались в члены физкультурной организации, а комсомольские билеты они получали затем уже в ЦК ВЛКСМ. Было некомфортно на общих собраниях и заседаниях комитета объединенной организации говорить о «задачах физкультурников» по выполнению решений пленумов и съездов ЦК ВЛКСМ, указаний Л.И. Брежнева. Эту сухость и двусмысленность «физкультурной оргработы» актив нашей организации старался «разбавить» проведением различного

рода культурных и спортивных мероприятий, в которых принимали участие и молодые члены профсоюзной (партийной) организации. При этом «старшие» товарищи помогали не только «словом, но и делом», учитывая, что немалая часть «физкультурников», работая переводчиками наших советников в провинциях страны, приезжали в Кабул, как правило, один раз в месяц. Именно во время их пребывания в столице мы старались организовывать эти мероприятия, разумеется, учитывая вопросы безопасности, и «профсоюзное» руководство помогало нам в этом.

В этот же период я встречался с переводчиками, проводил своего рода «кустовые» собрания, в ходе которых они делились своими наблюдениями о настроениях среди афганцев, рассказывали о различных слухах, которыми «жил афганский базар», обращались с просьбами, в т. ч. бытового характера, которые я старался, по возможности, оперативно решать.

В немалой степени личное общение с «физкультурниками»-переводчиками помогало мне более критично воспринимать официальную информацию о положении в Афганистане и успехах в решении проблем, связанных с «необъявленной войной империализма» против этой страны. Это помогало и непосредственно работе в качестве сотрудника пресс-атташата посольства при подготовке различного рода обзоров и соответствующей информации в Центр.

В работе секретаря «физкультурной» организации и в своей дипломатической деятельности я постоянно получал поддержку со стороны Посла СССР в Афганистане Ф. А. Табеева ценным добрым словом и справедливыми критическими замечаниями. Именно он

посоветовал мне стать профессиональным дипломатом и дал рекомендацию на поступление в Дипломатическую академию в 1983 году, учебу в которой я закончил в 1985 году.

После окончания Дипакадемии был направлен на работу в Отдел стран Среднего Востока Министерства первым секретарем сектора Афганистана. С афганским направлением я был связан до осени 1994 года, при этом наиболее «ярким» был период работы заведующим сектором Афганистана, когда я исполнял обязанности заведующего секретариатом Комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану. В этот отрезок времени я оказался в центре «дипломатической кухни», на которой принимались судьбоносные решения по подготовке и подписанию международных соглашений, реализации их и внутриафганских договоренностей, касающихся вывода советских войск из Афганистана, обеспечения достойного, организованного, практически без людских потерь, возвращения 40-й армии и воинских подразделений других силовых структур на Родину.

В 1991 году «комсомольское прошлое» дало о себе знать, и Посол СССР в Афганистане Б. Н. Пастухов в очередной раз «дал путевку в Афганистан», рекомендовал на работу Генеральным консулом СССР (с 1992 — Генконсулом России). А затем уже «афганское прошлое» заявило о себе, и весной 1996 года Министр иностранных дел Е. М. Примаков с «подачи» своего заместителя Б. Н. Пастухова предложил мою кандидатуру на должность Полномочного представителя Президента России по Таджикистану.

В этой должности я координировал деятельность представителей российских силовых и экономических

министерств и ведомств по прекращению гражданской войны в этой стране и обеспечению подписания 27 июня 1997 года Московских мирных соглашений, которые и по сей день являются надежной основой мирной, созидательной жизни в этом центральноазиатском государстве, граничащим с серьезным очагом военно-политической напряженности — Афганистаном.

Особо хотел бы отметить, что в период непростой деятельности на таджикском направлении я получал очень ценную помощь от бывших «физкультурников» — переводчиков, которые за прошедшее время «выросли» и заняли важные должности в государственных структурах и общественных организациях.

Вообще, за время дипломатической работы (в заграничных командировках и центральном аппарате) я всегда мог рассчитывать на помощь «бывших физкультурников», которые достигли высоких результатов на дипломатической арене (А. Аветисяна, С. Григорьева, Л. Джагаряна, З. Кабулова, А. Лукашевича, М. Пешкова, Б. Хакимова), которые много сделали для справедливого решения афганской и таджикской проблем и продолжают вносить достойный вклад в дело успешной реализации миролюбивой внешней политики Российской Федерации.

Обухов Алексей Александрович
Чрезвычайный и Полномочный Посол
в отставке

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Честно говоря, трудно представить себя частицей большого юбилея — 100-летия ВЛКСМ. Слишком далеко в идеологическом саморазвитии все мы ушли от коммунистического идеала, погрузившись в консерватизм. Чтобы на личном примере ощутить и понять жизнь комсомольца приходится начать издалека.

Наша юность и зрелость пришлись на переломные годы в жизни страны. Помнится, в марте 1953-го я стоял в шеренге комсомольцев-старшекласников на ежедневной утренней линейке в просторном коридоре московской школы № 1 в Сокольниках. Директор Таптыков Д. Н. держал скорбную речь — умер Сталин. Никто не рыдал, но многие были на грани.

За спиной висел большой портрет вождя в белом френче в кресле в окружении садовой зелени и солнечного света...

Я хорошо успевал в школе. Впереди стоял трудный выбор — куда пойти учиться. Думал об архитектурном институте или даже о медицинском — по стопам старшего брата.

Осенью 1954 г. школу посетил обходительный полковник с военной кафедры Института международных отношений (ИМО) с рассказом об учебном заведении. Появились совсем другие мысли.

Неожиданно разразился скандал. Опубликованный в центральной печати в ноябре 1953 г. фельетон «Плесьень» дал толчок компании по борьбе с золотой молодежью. Был сформирован образ антигероя — молодой человек в велюровой темно-зеленой шляпе с белым шелковым шарфиком на шее. В журнале «Крокодил» антигероя изображали с соломинкой во рту, опущенной в бокал с коктейлем.

Почтенная Вера Яковлевна Гудзь, обучавшая нас английскому, резко протестовала против самой идеи о поступлении в ИМО — «рассадник разврата». Институт подвергался гонениям. Его студенты пострадали. Но это было до нас. Закончив школу с «серебряной» медалью, при поступлении в ИМО я по тогдашним правилам сдавал всего один экзамен — по профильному предмету. Им оказался английский. После языковой школы № 1 это была невероятная льгота. Никаких протекций. Уже в июле 1955 г. был зачислен в студенты. Старый дом у Москвы-реки стал моей «alma mater».

Традиций дипслужбы в моей семье не было. Мой отец — инженер, заслуженный строитель РСФСР. Во время войны работал на заводе им. Сталина (ЗИС) под руководством директора Лихачева. Был награжден орденом «Красная Звезда». После войны сооружал первую очередь лифтов в высотном здании на Смоленской площади. Ветераны и не только они наверняка помнят толстые медные таблички на пороге лифтовых шахт с рельефной надписью «Завод «Подъемник». Это — детище

отца. Сейчас все это заменено быстроходной техникой «Отис». При всем том отец всегда имел подспудный интерес к политике. Помнится, он привел меня, младшеклассника, на Кузнецкий мост на траурную церемонию прощания с Литвиновым. Там я увидел статных мужчин в необычных серых шинелях и папахах из каракуля. Дипломаты. Позднее отец показал мне внутреннее устройство цельнометаллического шпиля на строящемся здании МИД. Тогда же я увидел актовый зал — скопление кресел с бордовой обивкой.

Моя мать, Бирюкова Клавдия Акимовна, из крестьян. До войны работала учительницей в младших классах. Л. И. Брежневу решительно предпочитала Сталина. После войны — домохозяйка.

В селе Петровском под Москвой жила добрейшая тетя Саня, мать моего двоюродного брата по материнской линии — Евгения Ивановича Плещеева. Родители время от времени отправляли меня вместе со старшим братом Володей погостить у тети Сани, у которой можно было покушать вкуснейшего пирога с картошкой, приготовленного в печной духовке. Тетя Саня окучивала картошку, посаженную на придворовом участке, и я, находясь рядом, увлеченно пересказывал ей сведения о далеких Соединенных Штатах Северной Америки, почерпнутые из статей в «Малой Советской энциклопедии». «Когда-нибудь поедешь в Америку», — говорила тетя Саня, угадывая что-то из моей линии жизни. До глубокой старости она сохраняла интерес к судьбам «Феди Каспера», Лумумбы и даже Гезенги.

С точки зрения начальства, у нас на курсе образовался беспокойный коллектив. На добрую сотню человек только два члена партии, остальные комсомольцы,

бывшие школьники. Податливый материал для изучения непривычных восточных языков. Повышенная текучесть кадров не заставила ждать. Вскоре выяснилось, что у нас каждый пятый отличник, но не меньший процент отчисленных из института по разным показателям.

В самом начале я оказался в гуще комсомольской активности. С первого по шестой курсы избирался секретарем комсомольского бюро, был даже членом факультетского бюро, который возглавлял Л. А. Чижов, впоследствии наш посол в Токио.

Отличительной особенностью института в то время было сочетание высоких академических стандартов, в том числе в изучении иностранных языков, с подготовкой студентов по части политической грамоты. Разумеется с позиции марксистско-ленинской теории.

К началу моего обучения в вузе набежало множество событий. Главное, конечно, смерть вождя — момент излома. Но были и другие. Завершилась война в Корее. Возникновение Организации Варшавского договора в противовес НАТО. Расстрел Берии.

Кафедра истории КПСС занимала центральное место в институтской программе. Основной учебник — «История ВКП (Б). Краткий курс». Его авторство приписывалось Сталину. Запомнились талантливые лекции Ю. В. Зисмана о предреволюционных партийных съездах.

Запомнилась также лекция пожилого представителя Генштаба в штатском, который на школьной доске чертил схему действия противоракеты, сбивающей на траектории врывающуюся к нам враждебную МБР. Чертеж надежной системы ПРО. Чужие МБР не страшны. Мы не предполагали тогда, что этому будут посвящены сложные международные переговоры.

Комсомольское бюро курса внимательно следило за тем, как студенты конспектируют работы классиков марксизма. Особой аккуратностью в этом отношении отличались студенты из ГДР. Немецкая пунктуальность.

По заведенной традиции в порядке подготовки к грядущим выборам комсомольцев курса привлекали к работе в качестве агитаторов среди жителей окрестных переулков.

В марте 1956 г. грянул XX съезд КПСС. Секретарь парткома Солнцев в зале № 1 Института зачитывал текст доклада Хрущева. Народу — не протолкнуться. Потом, кажется, публичное озвучивание доклада отменили, затем запрет сняли — доклад попал за границу.

Разоблаченные преступления сталинского режима не укладывались в голове. В партийно-комсомольской работе наступил этап преодоления культа и восстановления ленинских норм. Сложный процесс перестройки общественного сознания. Нас, студентов политического вуза, напрямую касались установки съезда относительно того, что не существует фатальной неизбежности войны между социализмом и капитализмом, а также установки о политике мирного сосуществования государств с различным социальным строем, об общенародном государстве вместо государства диктатуры пролетариата. Кстати, звучавшая в некоторых кругах критика этого тезиса выразила озабоченность по поводу утраты одной из основ марксизма — классового подхода к политике.

Эти нововведения сопровождались подчеркиванием со стороны руководства верности делу социализма с построением в обозримом будущем основ коммунизма.

Появился Моральный кодекс строителя коммунизма. «Краткий курс» был заменен толстым учебником истории КПСС с изложением резолюций партийных съездов.

Доцент А. Д. Никонов, зять В. М. Молотова, продолжал читать лекции о Брестском мире и требовал поминутного знания процесса переговоров и дискуссии в этой связи в ленинском руководстве.

Одновременно говорили о демократизации общественной жизни, об «оттепели», которую впоследствии ее противники желчно величали «слякотью».

Политика «десталинизации», продолжившаяся в решениях XXII съезда КПСС (1962 г.), не могла не иметь драматических последствий в рамках социалистического содружества.

Осенью 1956 г. вспыхнуло восстание в Венгрии. После его подавления часть студентов-венгров не вернулись в Институт. Исчезли студенты-албанцы, поределли ряды китайцев, корейцев, вьетнамцев.

К середине 1957 г. подоспели разоблачения «антипартийной группы» во главе с Молотовым и снятие маршала Жукова с поста министра обороны. Учившей вместе с нами его дочери Элле было проштамповано наихудшее их всех возможных распределений.

4 октября 1957 г. произошло эпохальное событие — все мы, задрав головы, старались узреть, как в ночном небе над Москвой крохотной светлой точкой пролетал наш первый искусственный спутник. Это, помимо прочего, означало, что СССР вдобавок к собственному атомному оружию приобрел потенциал МБР.

До полета в космос Гагарина оставалось четыре года.

Доктрина мирного сосуществования вызывала споры. Означало ли это отмену классово-борьбы в международных отношениях?

Не меньшим событием в рамках «оттепели» стал Фестиваль молодежи и студентов в Москве летом 1957 г.

По решению Фрунзенского райкома ВЛКСМ нас, теперь уже третьекурсников, привлекли к дежурству по вечерам у гостиницы «Турист» недалеко от ВДНХ. Цель — отпугивать незадачливых юных охотников за жвачкой, которую они выпрашивали у делегатов фестиваля, обитавших в гостинице. Нас, дежурных студентов МГИМО, обитатели гостиницы активно через оконные стекла фотографировали со вспышкой. Если вдуматься — нелепая затея с дежурством, учитывая возможную будущую дипломатическую карьеру. По итогам фестиваля нам выразили благодарность по комсомольской линии.

Столь же неразумным было использование нас, студентов, готовящихся в дипломаты, для участия в демонстрации протеста перед зданием Посольства Израиля в связи с тройственной агрессией против Египта в 1956 г.

На должной высоте располагалась планка трудового воспитания. Мы частенько выходили на уборку строительного мусора вокруг строившегося бассейна «Чайка». Много труда было вложено в завершение строительства путепровода на пересечении Садового кольца и Метростроевской (ныне Остоженка). Потом, правда, путепровод полностью заменили — вместо напряженного железобетона, оказавшегося непрочным, поставили стальные конструкции.

Регулярно поступали команды на отправку студентов на овощебазы. Разбирать загнивающий картофель, капусту, овощи. Хранилища продуктов, в которых остро нуждались потребители, были в плачевном состоянии. Руководители овощебаз с нескрываемым злорадством наблюдали за молодыми интеллигентами, занимающимися непривычной и грязной работой. Все понимали, что

необходимо коренное техническое перевооружение баз, но тогда это представлялось несбыточной мечтой.

Выезжали в подмосковные колхозы собирать картофель, оставшийся в поле.

Множество новаций происходили в сфере искусства. На всесоюзных выставках в Манеже наряду с привычными полотнами можно было встретить произведения Тышлера, Илтнера, Нариманбекова... Начал выставляться абстрактный Эрнст Неизвестный. В 1957 г. в музее им. Пушкина состоялась небольшая, но долго ожидавшаяся выставка Пикассо. На Кузнецком, 11 были показаны скульптурные творения Эрзи.

Между традиционным и авангардистским направлениями в искусстве обозначилось противостояние. В декабре 1962 г. это вылилось в шумную ссору Хрущева с художниками на выставке в Манеже.

Дотошные молодые уши тянулись к магнитофонным записям Высоцкого, Окуджавы, Визбора, Галича. В творчестве бардов угадывались ноты протеста.

Стали появляться новые формы воспитательной работы. Видный член факультетского бюро ВЛКСМ Долгучиц выступил за проведение собраний в академических группах с критикой друг друга и выяснением таким образом общественно-политического и трудового облика студента. На доске мелом рисовали таблицы с плюсами и минусами применительно к каждому участнику. Близкое подобие методологии дацзыбао. Затем продержалась около месяца и провалилась. Разводить склоки никто не пожелал.

Первая половина выпускного, шестого курса, отводилась на преддипломную практику, которую тогда было решено проводить за рубежом — в соответствующих со-

ветских посольствах. Комсомольское бюро было привлечено к составлению выездных характеристик на студентов. Несмотря на ажиотаж, все прошло организованно — без склок. Возникавшие разногласия решали миром.

Подводя итог, следует отметить, что наш курс 1955/61 выдвинул немало видных специалистов-международников, в том числе в ранге Чрезвычайных и Полномочных Послов — таких, как Иващенко И. Г., Шикин Г. С., Долгов В. И., Урнов А. Ю., Кривоногов О. В., Сухов В. И., Савостьянов Ю. П., Трифонов В. И., Майорский Б. Г., Павлинов В. А.

Активная комсомольская жизнь отнимала массу времени и сил. Весомой компенсацией была повышенная «сталинская» стипендия, которую я как отличник получал в последний год студенчества.

Еще до госэкзаменов решил задержаться в Институте и податься в аспирантуру. Чтобы зарыться в библиотеке и всласть почитать. Мне благоволил ректор Фёдор Данилович Рыженко. Он, однако, поставил условие — первый год аспирантуры я должен прослужить освобожденным секретарем Комитета ВЛКСМ всего Института. Это уже не курс — более 700 комсомольских душ. С научным руководителем профессором Н. Н. Яковлевым согласовали тему диссертации «Доктрина политического реализма» во внешней политики США после Второй мировой войны».

Критика злоупотреблений времен культа личности не воспринималась как отказ от социализма, а, напротив, как его укрепление, облагораживание в духе пьес М. Шатрова. Именно так был понят случившийся в ноябре 1961 года драматический акт выноса из Мавзолея тела вождя и вскоре опубликованное в «Правде» стихотворение Е. А. Евтушенко «Наследники Сталина».

Еще до этого Евтушенко, картинно облаченный в шубу искусственным мехом наружу, накоротке побывал вместе с поэтом Васильевым на литературном вечере в нашем студенческом общежитии. Поэты и барды собирали тысячные аудитории. Многолюдно было вокруг памятника Маяковского на публичных декламациях.

Классических «стиляг» среди наших студентов не наблюдалось, но диссидентство, хотя и по касательной, задело Институт. Добросовестный, талантливый, но всегда державшийся отстраненно, студент Игнашев, экстерном, на год быстрее других сдавший выпускные экзамены и освоивший редкий тагалогский язык, вдруг явился в комитет ВЛКСМ и заявил, что кладет на стол свой комсомольский билет, так как не верит в гарантии невозврата незаконных преследований времен культа личности. Добровольный отказник был исключен из рядов ВЛКСМ. Вскоре Игнашев уехал на ПМЖ в Канаду.

Комсомольских забот прибавилось. Одной из новых задач было проведение собеседования с абитуриентами. Мы подходили к делу тактично, внимательно, выдавали начальству взвешенные рекомендации. Много лет спустя некоторые выпускники добрым словом напоминали мне об этих встречах. Однако однажды произошла «промашка». В институт был зачислен колоритный молодой парень из-под Ростова-на-Дону с орденом «Боевого Красного Знамени» на груди — «За успешную посадку бомбардировщика в аварийной ситуации». Проверка показала, что эти сведения были ложью.

Крайне насыщенной была политическая повестка дня страны. Успешное уничтожение американского самолета-шпиона над Уралом, отказ президента США извиниться, полет Гагарина в космос, испытание 50-мегатонной совет-

ской бомбы на Новой Земле, участие Хрущёва в заседании ГА ООН, эпизод с ботинком... Все это не могло не будоражить молодые умы.

За Комитетом ВЛКСМ были закреплены такие функции, как работа лекторов, обеспечение авральных работ на овощебазах, помощь строителям на ряде объектов в городе, функционирование агитаторов в контакте с жителями микрорайона, стенная печать — газета «Международник» (в тесном взаимодействии с парткомом) и т.д...

Студенты поработали на уборке мусора на стройплощадке метромоста в Лужниках и даже на сооружении Дворца съездов в Кремле. Кстати, по поводу этого шедевра архитектурного минимализма шли споры — его автора, архитектора Посохина, упрекали за ущерб, нанесенный фундаментам древних кремлевских храмов.

Много времени на заседаниях Комитета отводилось разбору персональных дел (нарушение учебной дисциплины, прогулы, неуспеваемость). Донимали жалобы девушек на недостойное, с их точки зрения, поведение студентов-юношей. Приходилось выслушивать многочасовые словоизлияния участников споров. То была ущербная практика — не для комсомольской повестки. Находились дамы, злоупотреблявшие своими возможностями выдвинуть обвинения в «моральном разложении» в адрес незадачливых бойфрендов, студентов-международников.

Устраивались вечера дружбы со студентами и студентками Института иностранных языков. Близкими колоннами по праздникам ходили на демонстрации.

Мы тесно и благотворно сотрудничали с Комитетом молодежных организаций. Институт охотно откликнулся на просьбы выделить в помощь КМО переводчиков на те или иные международные мероприятия.

По рекомендации КМО я сам в ноябре 1961 г. сопровождал в качестве эксперта-переводчика руководителя Сталинградского комсомола Невструева на съезд комсомольцев Исландии. Плодотворная и приятная поездка была осложнена поступившим в Рейкьявик сообщением о переименовании Сталинграда в Волгоград. Вначале Невструев не поверил: не провокация ли? А потом обиделся — о переименовании никого заранее не предупредили.

В другой раз КМО направил меня в качестве сопровождающего и переводчика в поездке секретаря ЦК ВЛКСМ М. И. Журавлевой на комсомольский съезд Цейлона (Шри-Ланка). Во время поездки имел честь познакомиться с руководителем Цейлонской компартии Питером Кейнеманом — частым гостем Москвы, горячим патриотом старых уютных арбатских переулков. Он грустил, что многие из них погибли под напором новостроек.

По должности как секретарь Комитета ВЛКСМ крупной комсомольской организации я входил в состав Бюро ВЛКСМ Фрунзенского района. Одним из вопросов повестки заседаний Бюро под председательством всегда озабоченного и много курившего Кутасова был прием в комсомол. Традиционно от меня ждали, что я проэкзаменую молодых комсомольцев по международной политике. Кутасов приглашал меня пойти по комсомольской стезе, я уклонился от ответа.

Летом 1962 г. руководитель КМО Кашлев позвонил и сообщил, что есть возможность, которой было бы грешно не воспользоваться. Речь шла об обмене на очередной учебный год студентами в формате «один на один между КМО и Американской студенческой ассоциацией».

Накануне я побывал на городской конференции ВЛКСМ в Колонном зале. Перед собравшимися выступил Гагарин — улыбчивый, цветущий. Много говорил о распротранившемся среди молодежи «стиляжничестве», ратовал за здоровый образ жизни...

Этим завершилась моя комсомольская юность. После нескольких месяцев выездных формальностей, хотя и с опозданием, я отправился на годичную стажировку в Чикагский университет, где читал лекции главный теоретик «политического реализма» в США — профессор Ганс Моргентау. Мой авиарейс из Копенгагена приземлился в Вашингтоне в день, когда начался Кубинский ракетный кризис — 22 октября 1962 г.

...Весной 1963 г. перед отъездом из Чикаго мы, небольшая группа советских студентов, на празднике по случаю окончания учебного года соорудили стенд под названием «USSR». По обеим сторонам стенда были помещены две большие фотографии — Самойлова в фильме «Летят журавли» и академик Ландау. Сказался навык комсомольской стенной печати.

В развитие диссертации в 1970 г. я опубликовал монографию под псевдонимом А. А. Каренин «Философия политики силы». В ее основе во многом лежали итоги научной командировки в США. В начале двухтысячных наш полпред в ООН В. И. Чуркин по старой дружбе зашел в мой рабочий кабинет и попросил оставить автограф, на хранившемся у него экземпляре книги, что я с удовольствием сделал.

Полагаю, что мы, выпускники МГИМО 1961 г., добрым словом вспоминаем годы пребывания в рядах комсомола. Было много общих радостей сотрудничества, хотя бывали и огорчения. Комсомол обеспечивал

площадку не для вражды — для дружбы. Комсомольские навыки пригодились в жизни.

...Мой собственный послужной список в МИДе примечателен — от дежурного у ворот у Посольства в Таиланде, до Директора Департамента США и Канады, поста замминистра дел СССР/России и посла по особым поручениям. На этом пути не пропустил ни одной ступени.

Параллельно движению по официальной кадровой сетке шел рост по переговорной стезе: от эксперта делегации на советско-американских переговорах по стратегическому вооружению в 1969 г. в Хельсинки до руководителя советской делегации на переговорах в США по ЯКБ в Женеве.

Это продвижение в кадровых документах не фиксируется, а для меня лично оно было, пожалуй, основным в профессиональной жизни дипломата.

Именно в связи с переговорной деятельностью мне в 1985 г. был присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

В 1987 г. в качестве заместителя руководителя делегации СССР Ю. М. Воронцова участвовал в подготовке проекта советско-американского Договора по ракетам средней и меньшей дальности (подписан Горбачевым и Рейганом в декабре 1987 г. в Вашингтоне).

Одновременно в 1987 г. провел в Женеве советско-американские переговоры, завершившиеся подписанием в сентябре того же года Соглашения об учреждении в Москве и в Вашингтоне Центра по уменьшению ядерной опасности.

В 1988 г. согласовывал проект Соглашения об уведомлениях о запусках баллистических ракет.

С 1992 г. по 1996 г. работал Послом РФ в Дании.

В 1996 г. по распоряжению Министра Е. М. Примакова был назначен послом по особым поручениям и в рамках 2 ЕД руководил российской делегацией на переговорах с Литвой по подготовке Договора по госгранице и Договора по разграничению морских пространств на Балтике. В октябре 1997 г. Договоры были подписаны президентами Ельциным и Бразаускасом.

Одновременно представлял российскую сторону в Комитетах старших должностных лиц в СГБМ и СБСЕ.

После выхода на пенсию в 2002 г. продолжил работу по контракту в рамках 2 ЕД в качестве председателя российских делегаций в Совместной Российско-Литовской демаркационной комиссии и в Совместной Российско-Латвийской демаркационной комиссии, а также в Комиссии по совместной проверке прохождения российско-норвежской государственной границы.

В общей сложности в рамках указанных трех Комиссий проведено около 100 пленарных заседаний.

На латвийском и литовском направлениях итоговые документы демаркации подписаны и находятся на утверждении правительствами сторон.

На норвежском направлении на финальной стадии находится подготовка к подписанию проектов итоговых документов проверки госграниц.

В соответствии с поручением подписал следующие межправительственные соглашения:

— Соглашение между Россией, Литвой и Польшей об определении точки стыка госграниц (27 октября 2005 г., Вильнюс).

— Соглашение между Россией, Литвой и Швецией о точке стыка границ исключительных экономических зон

и континентального шельфа в Балтийском море (30 ноября 2005 г., Вильнюс).

— Соглашение об определении точки стыка государственных границ России, Беларуси и Латвии (28 января 2010 г., Минск).

За годы работы в МИД награжден двумя орденами трудового Красного знамени (1986 г. и 1988 г.), почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР (1987 г.), медалью в память 850-летию Москвы (1997 г.).

Награжден медалью Гарольда Вейла от университета Нью-Йорка под девизом «За выдающийся вклад в дело мира и взаимопонимания через верховенство закона» (26 октября 1988 г.).

За многолетний добросовестный труд в системе МИД присвоено звание «Почетный работник Министерства иностранных дел Российской Федерации» (12 октября 2012 г.).

12 ноября 2017 г. награжден наградным знаком «За отличие» МИД России.

Потапов Анатолий Викторович
Чрезвычайный и Полномочный Посол
в отставке

КОМСОМОЛ ЧЕРЕМУШЕК

Как на нескольких страницах выразить отношение к славной дате 100-летия ВЛКСМ и не сбиться при этом в патетику, вспомнить о конкретных событиях и не увлечься деталями? Помогла простая мысль. Ведь общая история комсомола — соты, в которые складываются истории людей, организаций, поколений. У каждого, кто с уважением относится к словам из известной песни «Комсомол не просто возраст — комсомол моя судьба», своя часть этой истории. В чем-то эти части похожи, в чем-то разнятся. Но вместе складываются и дополняют впечатляющую историю уникальной молодежной организации.

Мой рассказ — о Черемушкинской районной комсомольской организации, где мне довелось поработать до того времени, пока судьба не призвала меня на дипломатическую «стезю», в том числе в качестве советника Посольства в Пекине, заместителя мининдел, посла в Болгарии...

Можно считать случайным совпадением, что Черемушкинский район Москвы, а соответственно и наш

райком, были образованы в 1968 году (в нынешнем году мы будем отмечать два юбилея). Но очень хочется провести незатейливую параллель. Образование РКСМ стало началом создания молодежного движения, основанного на авангардных для своего времени принципах. «Черемушки» через 50 лет тоже стали символом определенного этапа в жизни. Недаром свои «Черемушки» появились во многих городах страны и, как мне говорили, даже где-то в Японии.

Итак, в районе примерно 25 000 комсомольцев, в основном — из научно-исследовательских и проектных институтов. Нас в аппарате райкома — 17 человек (3 секретаря, 5 заведующих отделами, 6 инструкторов, 3 технических работника — те же вчерашние инженеры из этих же институтов, а еще учителя из школ). У большинства зарплата меньше, чем на прежнем месте. Нам выделены 3, потом 5 комнат, одна автомашина, и мы вооружены лишь пониманием нашей ответственности при имеющихся скромных возможностях. Так мы начинали.

Вообще за время моей работы в комсомоле пришлось встретиться со многими ребятами. Кто-то был направлен на комсомольскую работу в порядке партийной дисциплины, кто-то просто любил общественную работу, у кого-то так сложились обстоятельства, но подавляющее большинство работало с полной отдачей, не считаясь со временем. Другие здесь не задерживались.

О работниках аппарата райкома, с которыми мне приходилось работать, хочется сказать несколько слов. По-разному складывались их судьбы, многие возвращались на прежние места работы, некоторые стали руководителями больших коллективов, докторами наук, иные уходили на повышение в горком комсомола, партийные

и государственные органы, не затерялись они и в постперестроечной России. С первым аппаратом райкома мы поддерживаем постоянную связь, встречаемся каждый год 29 октября. Иногда к нам присоединяются и ребята, работавшие в райкоме после нас, и просто люди, сохранившие уважительную память о Черемушкинском райкоме тех лет. Иногда появляются и наши друзья из других районов и даже из Литвы (район поддерживал постоянные дружеские связи с Вильнюсом).

Нередко можно слышать, что все от ностальгии. Не вижу ничего плохого в этом слове. Но точно знаю, что главное в желании встретиться — уважительная память о совместном участии в важном деле — работе с молодежью, о друзьях-единомышленниках, с которыми делили радость успехов и переживали неудачи. И наградой нам были благодарность и уважение многих молодых людей, которым удалось помочь найти свой путь в жизни.

Начиная с конца 1980-х годов, в обиход внедряются лживые мифы о всеобщей распущенности, карьеризме и других негативных явлениях в комсомоле. В современных телефильмах о том времени то и дело мелькают образы мерзавцев с комсомольскими значками. Похоже, кому-то так надо. При этом вообще замалчивается вклад комсомола в дела страны.

А вот как было в нашем районе на самом деле. В районе ведется гигантское жилищное строительство (Беяево, Коньково, позднее Тёплый Стан, Ясенево), в новые районы прокладывается ветка метро — строителям нужна помощь. Комсомольцы — на субботник!

Району нужен центр культуры. НИИ автоматике и приборостроения (генеральный директор — академик Н. А. Пилюгин) выделяет земельный участок. У города

нет необходимых средств, людей также не хватает. Райком берет над стройкой шефство и еженедельно направляет на стройку для подсобных работ более сотни комсомольцев.

Многим в Москве известен ныне Дворец культуры «Меридиан» у станции метро «Калужская». Сейчас он, разумеется, приватизирован, в нем выступают известные артисты, и лишь немногие из многочисленных посетителей знают, что в это здание в 70-е годы был вложен труд тысяч комсомольцев района.

БАМ — Всесоюзная комсомольская стройка. Перед райкомом ставится задача — направить 50 человек. Задача выполнена. И не за счет агитации, хотя и без нее не обошлось. А прежде всего, за счет того, что комсомол сыграл нужную и важную роль в организационной схеме привлечения молодежи на строительство. Я встречал в райкоме людей, вышедших из комсомольского возраста, но просивших выдать комсомольскую путевку. Кто-то ехал за романтикой, для большинства, как мне кажется, более важным были материальная сторона, но все благодарили комсомол, поясняя, что это наиболее удобный и быстрый способ достичь цели.

Одним из направлений в работе райкома комсомола было военно-патриотическое и спортивное воспитание молодежи. В районе, как и во всем городе, проводилась игра «Зарница». Много ребят из так называемых «трудных» были в нее вовлечены. Пожалуй, это у нас в районе в 1970-е годы зародилось такое движение, как опека над «трудными». Секретари комсомольских организаций и другие активисты были специально закреплены за ними райкомом комсомола в качестве шефов. Ребята проводили с «трудными» свой досуг, бывали в их семьях.

В это же время по нашей инициативе для таких ребят в районе был создан клуб «Самбо». Возглавил его по поручению райкома комсомола Давид Рудман, чемпион мира по самбо и заслуженный мастер спорта СССР. Клуб в дальнейшем получил название «Самбо-70», и на его основе в Москве была организована спортивная школа, которой с помощью райкома партии и исполкома райсовета было выделено специальное здание. Школа действует и пользуется огромной популярностью по сей день.

Мы старались находить адекватные времени и специфике района формы работы. Большая часть молодежи работала в НИИ и КБ (только академических институтов было более двадцати). При райкоме комсомола был создан Совет молодых ученых и специалистов. В то же время, в Черемушках — только один вуз, зато какой — Университет Дружбы народов! На его базе создавались интернациональные клубы. В район постоянно приезжали иностранные делегации молодежи. Проводились вечера дружбы, посещения предприятий, встречи молодежи.

Остается ответить на некоторые возникающие время от времени вопросы.

О партийном руководстве. Конечно, оно играло важнейшую роль. Это проявлялось и в постановке задач и контроле, но, прежде всего, в постоянной помощи. Руководство районных служб, предприятий района в большинстве случаев отзывалось на просьбы комсомола.

Районную партийную организацию со дня образования до 1975 года возглавлял Борис Николаевич Чаплин. В 1975 году он был направлен на работу Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в ДРВ, а позднее назначен заместителем Министра иностранных дел СССР.

Может быть, не все знают, что Борис Николаевич был сыном Николая Павловича Чаплина, который в 1924–1928 гг. был первым, а затем генеральным секретарем РКСМ (репрессирован в 1939 г., реабилитирован в 1956 г.) Когда говорят о преемственности поколений, лучший пример для меня — Борис Николаевич Чаплин.

Не хочу, чтобы у читающих эти строки осталось впечатление, что я идеализирую прошлое. Конечно, в нашей деятельности было немало проблем и недостатков, но все это несоизмеримо с пользой, которую приносила деятельность комсомольской организации района и комсомола страны в целом. Отсутствие целенаправленной работы с молодежью в 1990-е годы привело к тяжелым последствиям, которые дают себя знать и в двадцать первом веке. В государстве и обществе зреет понимание необходимости возрождения этой деятельности, создания молодежной организации с учетом опыта и лучших традиций прошлых лет.

Надеюсь, празднование 100-летнего юбилея комсомола даст новый импульс этому процессу. С праздником, друзья!

Спирин Юрий Алексеевич
Чрезвычайный и Полномочный Посол
в отставке

МАЛЕНЬКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

Родился я в 1939 году в рабочем поселке Языково — родном имении поэта Николая Михайловича Языкова, куда А. С. Пушкин заглянул на денек во время поездки по следам пугачевского бунта. Учился в средней школе в районном центре Тагай тогда Куйбышевской, а сейчас Ульяновской области. Это большое торговое село на московском тракте в 50 верстах от Симбирска. В XVIII веке был заштатным городом.

Мама родилась в полуфабричной среде — ее отец трудился на суконной фабрике купца Степанова, а домочадцы вели единоличное хозяйство. Ей удалось закончить 6 классов сельской школы, работала в поле, затем ткачихой. Шуструю ударницу заметили, выдвинули заведовать колхозными детясями. Так и пошло. В 1935 г. она оказалась старшей пионервожатой в Тагайской средней школе, познакомилась и вышла замуж за преподавателя истории. Тут и я появился. А отца через полтора месяца призвали на действительную службу (ему было 20 лет). Служил под Винницей, перед 22 июня 1941 г. окончил

полковую школу, повоевать помкомвзвода не успел. Последнее письмо свое написал 6 июля из Шаргорода. Попал в окружение. Пропал без вести. Похоронка официальная пришла в конце войны...

После школы мама перешла на работу воспитательницей детсада, а в конце 40-х годов была назначена заведующей детскими яслями. Бывшие ее пионерки закончили педвуз и вернулись преподавать в родную школу, а маму по-прежнему называли Леночкой. И сам я в школе сразу стал «своим» — большинство педагогов были либо ученицами отца, либо его бывшими коллегами. Поблажек, правда, не давали.

Учеба давалась легко, безудержное чтение при керосиновой лампе ускорило наследственную близорукость, и к третьему классу я уже носил очки, воспринятые сверстниками как нечто закономерное. Списывать уроки давал, особенно переводы с немецкого и задачи. Никто мне не мешал развернуться, как сейчас бы сказали, «по общественной линии». Сказались, вероятно, мамины гены, да и отец уже после седьмого класса ездил в Москву к Крупской поступать в вуз, а в 14 лет стал учителем первого класса в своей сельской школе.

Во втором классе меня приняли в пионеры и сразу же избрали председателем отряда. Не знаю, как мне пришла мысль назвать отряд именем Олега Кошевого (в то время все зачитывались двумя книгами — «Четвертая высота» о Гуле Королёвой и «Повесть о сыне» Е. Кошевой), мне без проблем разрешили это сделать, и я гордо под барабанный бой выводил свой второй «а» на пионерскую линейку. Зуд самовыражения подвигнул меня-третьеклассника на то, чтобы по собственной инициативе сделать на пионерском собрании доклад... к 70-летию Сталина.

Я только много позднее сообразил, чем это могло обернуться для меня и мамы, если бы я что-то сказал невпопад. Текст доклада я слово в слово переписал от руки из соответствующей страницы отрывного календаря за 22 декабря 1949 года. Кстати, отлично помню праздничную трансляцию торжественного вечера в Большом театре, выступления известных поэтов и литераторов во славу вождя. Слушал я и радиовыступления Сталина по другим поводам, в т. ч. и последнее — на XIX съезде партии. (А как же много молодой голове давали литературные и другие образовательные передачи радио, оперные и театральные спектакли!)

Мама была непременным членом участковой избирательной комиссии. Я сопровождал ее на все выборы — после войны они организовывались, как правило, в феврале–марте. Целые сутки проводил на избирательном участке, размещавшемся в помещении сельсовета, сидел у мамы за спиной, помогал раздавать бюллетени, присутствовал при подведении итогов. Считали честно. О «вбросах» и помина не было. Да и нужды в том не видели. Первые избиратели приходили к пункту голосования задолго до 6 утра — начала голосования. Надписи на избирательных бюллетенях позволялись. Чаще всего это были славословия в адрес Сталина, очень редко — жалобы на недостатки.

Смерть Сталина. Хорошо помню тревожные бюллетени о его здоровье, читаемые Левитаном по радио. 5 марта в коридоре школы построились на линейку шестьсот учеников и преподавателей. Выступил директор, со слезами в голосе говорил мой старший товарищ девятиклассник — председатель учкома. Наши матери-вдовы дружили, отцы-учителя погибли на фронте.

Я перешел в 7-й класс. Меня избрали Председателем Совета пионерской дружины, доверили быть ведущим районного слета пионеров, избрали делегатом областного слета. Нас — четверых делегатов — отвезли в Ульяновск на «Победе» Первого секретаря райкома партии. Полтысячи представителей всех городов и районов области прошли маршем по ленинским местам, провели спартакиаду. Я впервые ночевал в общежитии, слушал оперный спектакль, питался в ресторане «по талонам» (впервые на поезде проехал двумя годами позднее. На пароходе же, как волжанин, ходил в Самару семи лет от роду).

Слет проходил в условиях повышенных мер безопасности. Улицы города патрулировали курсанты военных училищ с автоматами и патронными подсумками. Берия выпустил по амнистии из тюрем весь криминал, а область была напичкана исправительными колониями. Шло «холодное лето 1953».

В феврале 1954 года меня приняли в комсомол и сразу же избрали «маленького комсомольца» (мне было-то всего 14 лет) замсекретаря комитета ВЛКСМ школы. Секретарем стал восемнадцатилетний Саша Желтов, восьмиклассник из соседнего села Уржумск, работавший в местном колхозе. Я с отличием сдал экзамены за седьмой класс, получил свидетельство о неполном среднем образовании. Внезапно Саша приезжает на велосипеде ко мне, передает документацию, штампик уплаты взносов, ведомости и говорит «Ну, пацан, принимай дела, а я призываюсь в армию». Так я стал во главе школьной комсомолки — второй по численности комсомольской организации в районе (первым был комсомольский коллектив суконной фабрики в Языкове).

А с мамой мы как бы соревновались — кто позднее придет домой после общественной работы, особенно в весенние месяцы. Мама продолжала быть депутатом, ее избрали членом исполкома сельсовета (4000 тыс. жителей), она была бессменным членом комиссий по подписке на государственные займы, уточнения размеров приусадебных участков, решения бытовых споров и т. д. Иногда она, бедная, приходила к полуночи, голодная, уставшая, с охрипшим голосом, обруганная: обходила выделенные ее подворья (30–40), чтобы уговорить селян (госслужащие подписывались в обязательном порядке, и мама тоже аккуратно подписывалась на облигации в размере своего месячного оклада) хотя бы на 10, 25 рублей купить облигации займа «восстановления народного хозяйства». Она убеждала со слезами таких же, как она, вдов, бесправных колхозниц с небогатыми трудоднями, живущих и кормящих своих детей, моих одноклассников, только лишь на то, что выращивали на земельных участках и за счет того, что держали скотину. Случалось, что кое-кто из числа озлобленных властью не открывал калиток, спускал собак с цепи.

Но как же была она счастлива, когда «план» по займу на ее участке выполнялся. А как были признательны десятки женщин за то, что по ее запросам им устанавливали рабочий стаж на разных временных работах во время войны и на этой основе назначали хотя бы крохотные трудовые пенсии. А как упорно она разыскивала свидетелей, которые могли бы подтвердить этот стаж справками. А сколько таких справок сама написала приходившим из соседних деревень многодетным матерям-одиночкам.

Кстати, выживать и нам помогал все тот же огород и 12 соток картошки. Мы с мамой «по-братски» делили тягость будущего урожая. Я мотыжил, поливал, полыл, убирал. Излишки картофеля продавали на рынке — вырученные деньги тратились на поездку в Куйбышев, на покупку велосипеда, часов. Первый костюм пошили после первого курса.

Отдыхали мы от домашних забот, когда навещала бабушка по отцовской линии. Два раза я уговорил маму съездить в дом отдыха.

Как правило, занимался я в школе в первую смену. А вечером опять был там. Общался со второй сменой, проводил ежемесячные заседания комитета, беседовал с комсоргами первичек, принимал у них взносы. Каждую четверть проводились общие комсомольские собрания, на которых я с удовольствием выступал с докладами об итогах успеваемости, дисциплине, общественной работе. Никто из руководства школы нас за ручку не водил. Доверяли. На собраниях или заседаниях комитета присутствовала завуч, она же член партбюро школы.

Школьный хор и драмкружок составляли основу репертуара РДК (районный дом культуры, попросту — клуб). Мне удавалось участвовать и здесь. Пришлось, за неимением лучших лицедеев, изображать на сцене Олега Кошевого и даже Чичикова во фраке из реквизита РДК. Последняя моя роль перед выпуском была в модной тогда пьесе Розова «В добрый час», где я играл избалованного профессорского сына.

А летом мы формировали из старшеклассников несколько бригад (чтец, частушки, пение песен, танец) для поездок по колхозам и совхозам района под руководством массовика из РДК (бывшая старшая пионервожатая школы).

Помогали добрые отношения с педагогами — комсомолками, которых к нам направляли по распределению из вузов Москвы, Ростова и др. городов. Порой они задерживались у нас на 3–4 года. Они охотно участвовали в школьных вечерах. Не было табу на то, чтобы ученики могли приглашать на танец наших педагогов. Это относилось и к мероприятиям (сейчас сказали бы «дискотека») в клубе, где основную массу составляли как раз девчата и парни-старшеклассники. В школе появилась выпускница музучилища на ставку учителя пения — почти наша ровесница. Она вызвалась научить ребят «танцевать по-настоящему» — надо было видеть, как местные здоровяки, некоторые отпетые лодыри, «крутили» не только фокстрот, но и учили фигуры неизвестных им «падэспаней» и «падепатинеров». Я не помню, чтобы нам, членам комитета комсомола, приходилось кого-то специально упрашивать, убеждать, ходить к директору. Все как будто получалось само по себе, помогала обстановка не муштры, а доброжелательства. Нужно было все это всемерно поощрять и участвовать. Что мы от души и избытка энергии делали.

Первые азы настоящей комсомольской работы я получил, приняв участие в ежегодной районной комсомольской конференции. Как руководитель крупной организации я попал в президиум, мне было предоставлено слово, я участвовал в работе совещания представителей делегаций по кадровым вопросам, был избран членом пленума райкома. Впитывал все — и детали отчетного доклада, интересные моменты из выступлений секретарей «первичек», даже перепалку аппаратных работников (там был небольшой «раздрай» между первым и вторым секретарями). Особенно впечатлило выступление пер-

вого секретаря райкома партии Михаила Михайловича Королева: душевностью, манерой общения — он как бы доверительно делился со 150 районными активистами молодежи размышлениями о жизни партии, положении в стране, задачах на предстоящий период. Райконференции проходили ежегодно, дважды в год собирались пленумы райкома, а также собрания актива.

Теперь-то я понимаю: после смерти Сталина началось оттаивание в политике, отвинчивание гаек, в т. ч. и в отношении резерва из рядов молодежи, в том числе делался расчет на ее массовое участие в будущих стройках (грянула уже целина). Требовался уважительный разговор с комсомолом.

Традиционно к ученической комсомольской организации в райцентре относились с вниманием. Мои предшественники регулярно выступали с трибуны торжественных митингов 1 мая и 7 ноября. Довелось и мне в течение трех лет обращаться (после выступлений первых секретарей райкома партии и райкома комсомола, руководства профсоюзов, ударника труда из МТС) к праздничной демонстрации на центральной площади села (500–600 человек). Микрофонов не было. Никто в те времена у меня предварительных текстов не спрашивал, «мыслей» не подсказывал.

Дома, несмотря на скудный бюджет, мне со второго класса выписывали «Пионерскую правду» и детский журнал, потом «Ульяновский комсомолец». Помню, читал в «пионерке» повесть о Ваське Трубачеве, «Над Тисой», фантастику, сообщения о победах ЦДКА. Все свободные часы проводил в читальном зале районной библиотеки, глотая периодику, энциклопедию, с нетерпением ждал

очередной номер «Смены» с продолжением «Туманности Андромеды».

На обратном пути из школы домой заглядывал частенько в райком, встречался с завучем и нашим куратором, заведующей, как мы говорили, «пионерским отделом» Тамарой Исаевой, воспитанницей детдома (дальней, как потом выяснилось, родственницей). Она стала затем первым секретарем райкома. Здорово помог сектору учета при обмене членских билетов. Наша организация сделала это вне графика буквально за несколько дней.

Поскольку кворума членов бюро райкома не всегда доставало, привлекался как член пленума к участию в его заседаниях при рассмотрении вопросов приема в члены ВЛКСМ, организационно-кадровых дел.

Ко времени уборки урожая готовили выезд группы комсомольцев в один из соседних колхозов. Отвозили зерно от комбайнов, очищали его на ручных еще веялках, сушили, грузили для отправки на элеватор. Селили нас в домах колхозников, там же нас и сытно «харчевали» из продуктов, выделяемых правлением колхоза. Были и ребята, и девочки, народ здоровый, аппетит хороший. Работали тоже неплохо, старались. В общем, думаю, мы не нанесли все же ущерба бухгалтерии. Время было и для песен у вечернего костра, и для танцев в местном «очаге культуры». В одной из групп работал наравне со всеми сын-десятиклассник первого секретаря райкома партии (он потом чуть не уговорил меня поступать в ЛИИЖТ.) Другая часть школьников по семейной традиции устраивались на лето работать в МТС (помощником комбайнера) или на центральный ток — грузить и сопровождать зерновозы на элеватор за 25 километров, чаще всего в ночную смену. Многие 1 сентября

приносили похвальные грамоты от колхоза (и немного денег своим матерям).

Зима 1956 года выдалась ранней и снежной. Рядом с райцентром остались неубранными несколько десятков гектаров подсолнечника. Райком комсомола поручил помочь. К комсомольцам присоединились другие старшеклассники. По пояс в снегу ползали, срезая ножами шляпки со спелыми зернами. Справились.

К этому времени в школе было уже более 150 комсомольцев. Мы получили право непосредственного оформления вступающих. Их принимали на собрании классной (цеховой) первичной организации, а школьный Комитет ВЛКСМ принимал окончательное решение. Ребята приходили в райком только для вручения им комсомольских билетов.

Приняв летом 1954 г секретарские дела, я сразу же столкнулся с просьбами выпускников, в первую очередь поступающих в военные училища, написать им характеристики. А как их писать? Образца в деле нет. Стал вспоминать, спросил у мамы. Она кое-что подсказала, показала свою прежнюю комсомольскую характеристику. Приходит первый проситель, для меня, четырнадцатилетнего, почти дяденька. Явно без восторга смотрит на меня-желторотика (мы оказались не знакомы, он из дальнего поселка). Уточняю у него нужные биографические данные, прошу зайти на следующий день. На листе из школьной тетради написал прыгающим, не сформировавшимся еще почерком первую в своей жизни характеристику. Для солидности на свою подпись поставил штамп «Членские взносы. Уплачены». Прочитав текст, получатель удовлетворенно хмыкнул и исчез. Таких листочков в клеточку имеется, наверное, десятка

три, и находятся они в личных делах тех, кто поступил в летные и другие военные учебные заведения из нашей школы. Значит, я тоже как-то помог этим ребятам найти свой путь в жизни.

Теплой осенью 1949 г. нам с мамой пришлось съезжать с казенного жилья, у деревенской пятистенки появился новый владелец и сдал полдома новому квартиранту. Это оказалась семья младшего оперуполномоченного МГБ Павлова. Он, видимо, недавно закончил спецшколу. Родом был из соседнего района. Боюсь, что у него не было даже десятилетнего образования. Простой сельский парень, но уже заносчивый. В ожидании переезда мы некоторое время ютились вместе. Наши новые знакомые, недавно приехавшие из Ташкента, угостили нас узбекским пловом. Глава семьи, приняв свои сто грамм, предложил покатать на мотоцикле. Доехали на «Ковровце» до опушки леса, постреляли из его служебного пистолета в импровизированную мишень. Верх мечтаний для десятилетнего мальчишки, лишённого отцовского внимания, — я два раза сумел выстрелить из пистолета.

Надо же было случиться, что Павлова перевели старшим оперуполномоченным в глухой маленький заводской район, где жила с мужем сестра моей матери Анастасия. Договорились, что на грузовике, которым управлялся домашний скарб семьи Павловых, я смогу добраться до родственников. Так все лето 50-го года я провёл у «папы Малёнкина», как я, безотцовщина, называл мужа тети Павла Васильевича. У него было 4 дочери, и он ко мне относился как к сыну. Был он первым секретарем райкома партии. Район был «третьей категории», зарплаты секретарской не хватало на 6 ртов. Выручали дойная корова и огород. Мама мне рассказывала, что в Тагае, где

он был до этого председателем райисполкома, семья просто голодала, не имея приусадебного хозяйства. Когда тетя Настя говорила мужу: «Вот, Павлуша, секретарю-то райкома вчера опять из совхоза полтуши мяса привезли!», он отвечал «Зато я сплю спокойно».

Эти «Зато я сплю спокойно» я усвоил на всю жизнь...

Даже мне, мальчишке, чувствовалось, что в районе два начальника: один явный и вроде бы полновластный — секретарь райкома; второй — неосязаемый, но все знающий — в особняке МГБ. Так оно до 53 года в глубинке зачастую и было.

Мои «районные будни» были бы не полны без еще нескольких строчек о Павле Васильевиче. Что он видел в жизни — первый секретарь сельского райкома ВКП (б)? Нескончаемые телефонные и по спецсвязи сводки, отчеты о пахоте, зяби, посевах, удоях, сенокосе, уборке, очередных выборах в советы, дисциплине в ИТК (их, набитых ворами и убийцами в соседних селах было целых шесть), межнациональных и межконфессиональных отношениях (5 мечетей)? Было, правда, и присутствие на «сабантуях», да редкая охота по первой пороше на зайца. При этом были и ежедневная тряска в виллисе-газике по 12 русским и татарским колхозам, нахлобучки и проверяющие из обкома, страх, не наябедничает ли уполномоченный МГБ. Раз в год — бесплатная путевка в Кисловодск, где пытался успокоить язву, заработанную на службе политруком в Архангельске в годы войны на Северном флоте.

В 30-е годы фабричный паренек после семилетки закончил ускоренный строительный техникум, построил в родном Языкове среднюю школу по своему проекту. Взят в район вторым секретарем райкома, затем предрайисполкома.

В 50-е подучился в облпартшколе, переведен из За-волжья в пригородный район первым секретарем в 15 км от Ульяновска. Условия и зарплата повеселее, дети подросли, внушек надо воспитывать. Дом попросторней, баня «по-чистому» во дворе, плавание в р.Свягие (все же крас-нофлотец!). И все те же поездки по району...

Свою дражайшую Анастасию Фёдоровну (мою тетю) увел буквально из-под венца у другого сельского хлоп-ца. Прожили «без росписи» 20 лет, родили трех дочерей. В ЗАГС пришли, когда родилась четвертая. Всех вывели в люди, дали высшее образование. Старший зять Газис Мавзютов, когда-то третий секретарь в районе вместе с П. В., в течение 20 лет был первым секретарем Мелекс-ского сельского райкома — крупнейшего производителя зерна в области (Центр района находился в Дмитровгра-де, известном центре производства опытных ядерных ре-акторов), был награжден двумя орденами Ленина. Скон-чался год назад.

После укрупнения районов «папа Малёнкин» переве-ден в обком заместителем завсельхозотделом. Все те же по-ездки-погонялки — теперь вдоль всей области — по пло-щади равна Бельгии.

По-человечески зажил, когда ушел с партийной ра-боты и стал заместителем по кадрам облпотребсоюза. В 55 лет перебрался из тесных коммунальных двух ком-нат в отдельную квартиру, купил холодильник, телеви-зор и пианино.

Ушел вслед за тетей Настей в 1977 г. в возрасте 68 лет.

Моя мама продержалась дольше — до 85 лет. До-ждалась правнука и правнучку. Хоронить ее я вырвался на несколько дней из Конго, где всю бушевала граж-данская война.

Обязательно скажу о «докладе Хрущёва». К чтению секретного доклада решено было привлечь беспартийный актив, и мама присутствовала на собрании парт-организации при сельсовете. Вернулась она за полночь и до утра рассказывала шепотом о сталинских преступлениях. Какие-то частности сообщил мне ее брат, дядя Сева, который был секретарем парторганизации артели инвалидов войны. Заноза осталась на всю взрослую жизнь. И сейчас ноет.

В МГИМО я поступал по рекомендации, подписанной первым секретарем Ульяновского обкома комсомола В. Н. Сверкаловым.

На собеседовании Коля Юданов, тогдашний секретарь комитета ВЛКСМ института, задал мне вопрос, чем богато Бельгийское Конго (я ответил сносно — золото, медь, уран). А он как в воду смотрел — через 36 лет я все-таки стал послом в Киншасе.

Вступительные экзамены (несмотря на серебряную медаль, пришлось держать все четыре) мы сдавали в разгар всесоюзного битья антипартийной группы «всегдашнего министра иностранных дел», к которому примкнул совсем свежий министр тех же дел. А 18 июня 1957 г мы — 120 школьников, военнослужащих, производственников — стали студентами дома у Крымского моста.

По случаю 60-летия нашего допуска в ИМО на встрече 02.12.2017 г. мы так напомнили о своем курсе.

«Поступали при академике Иванове, учились под недреманным оком царя Федора Рыженко, продолжали грызть гранит науки и драить полы в аудиториях при Л. Кутакове. Услышали сигнал первого спутника на «картошке» под Истрой, вернулись с целины с медалями, влили в себя внешторговцев и стали ФМОшниками».

«Войну» преподавал и начальником учебной части был либерал и спасатель В. И. Педан, деканом — В. К. Собакин. Выполняли учебный план И. А. Кирилина. Лекции читал Г. Л. Розанов. Заместителем Министра доля выпала статье Коле Афанасьевскому, членкором — Виктору Кременюку, первым проректором — Вите Ломакину.

Для нас это был и будет великий институт. Пели мы в наши годы кашлевский гимн. Мы состоялись по жизни. Нас все меньше. Но мы есть, мы верны мгимовскому братству:

«Нам целый мир чужбина,
Отечество нам —
старый дом у Москвы-реки».

В институте я был комсоргом академической группы, агитатором, вел занятия в Международном клубе Дома пионеров на Ленгорах.

Институт, возможно, мне подсказал не спуртовать по общественной линии, а сосредоточиться на учебе и истории.

К тому же первые годы я был несколько зажат в общении, немного комплексовал. Не из-за своих знаний, а от неуверенности в них (странно — в своем школьном коллективе я слыл едва ли не краснобаем.) Но когда мое владение французским (после полутора лет работы переводчиком в Гвинее) приблизилось к собственной родной речи, робость почти ушла. Жизнь неоднократно потом мне доказывала, что эффективно общественной работой заниматься можно лишь тогда, когда у тебя крепкие тылы в учебе или если ты профессионал в своем основном деле.

Окончательно я сформировался, работая в 80-е годы заместителем секретаря парткома МИДа. Перед этим,

будучи завсектором 2 АФО, несколько лет избирался секретарем партбюро отдела.

Кстати, я курировал тогда работу мидовского комсомола, очень дружен был с Сашей Орловым и Сергеем Андреевым, секретарями комитета ВЛКСМ. Оба люди способные и серьезные. Первый — доктор наук, возглавляет Центр научных исследований МГИМО (У), второй — был послом в Анголе, Норвегии, дважды — Генеральным секретарем Министерства. Сейчас — посол в Варшаве. Заместителем у А. Орлова был Саша Змеевский. Я рад, что он также состоялся как крупный дипломат. С ними вместе в Комитете работала Нина Куличенко, рано ушедшая из жизни. Хорошо работалось с еще одним секретарем Комитета — Леонидом Кадышевым в самые первые годы перестройки.

Посол В. Н. Казимиров в одном из своих очерков упоминает, что после событий 1956 г. в Будапеште мы оказывали помощь в организационном восстановлении венгерского союза молодежи. В Венгрию была командирована группа руководящих работников ВЛКСМ, им были присвоены воинские звания майора (советники по партийной линии получали звание полковника). Работали они во всех административных областях страны. Помнится, когда мы были в Будапеште для консультаций по линии парткомов МИД, наши венгерские друзья, особенно из числа дипломатов — выдвиженцев венгерского комсомола, с уважением произносили непонятное поначалу мне слово «майор», ставшее для них практически нарицательным. Если мне не изменяет память, в число «майоров» входили Вадим Петрович Логинов, являвшийся в 60-е годы секретарем ЦК комсомола, а в 80-е — заместителем Министра иностранных дел, а также Михаил

Серафимович Десятков и Иван Иванович Коровин, в те же 80-е годы работавшие заместителями начальника Управления кадров МИД СССР.

Думается, мальчишкой я хорошо стартовал. Если бы не поступил в МГИМО, наверное, так или иначе дорога привела бы меня к комсомолу. И кто знает, уже оттуда она призвала бы меня на ту же дипломатическую стезю...

Этот непритязательный очерк — напоминание о том, как люди строили свою жизнь и чувствовали ее ритм в поволжской глубинке на переломе 50-х годов прошлого века.

Были учеба, общественные дела, домашние заботы, друзья, книги, первые радости и искушения. И был комсомол. Который всегда с тобой.

Заряд, накопленный маленьким комсомольцем в школьные годы, реализовался в полной мере позже, в зрелые годы — в служебной, партийной, а сейчас и в Совете ветеранов (я член его Президиума). За 10 лет ветеранской круговерти окончательно затвердил ее непреложные императивы: вовремя поздравить, похвалить, сделать добро. Достоинно проститься. Хранить память. Нести ее другим. Все это и есть невероятная «роскошь общения» с коллегами — также бывшими комсомольцами.

Брага Виталий Николаевич
Чрезвычайный и Полномочный Посланник
I класса в отставке

КОМСОМОЛ В МОЕЙ СУДЬБЕ

Так случилось, что работа в комсомоле была первой в моей трудовой деятельности и фактически определила мое будущее. В январе 1948 года меня, учащегося 4-го курса Киевского речного техникума, двадцатилетнего парня, избирают первым секретарем Подольского райкома комсомола г. Киева, одного из крупных и промышленных районов города. Работа в комсомоле дала мне возможность расширить кругозор, встречаться с представителями старшего поколения и перенимать их опыт. Многие из старших товарищей постоянно оказывали нам помощь в работе. Особенно хотелось бы отметить дважды Героя Советского Союза, депутата Верховного Совета СССР, полковника, командира танковой бригады Шутова С. Ф., героя Сталинграда, Героя Советского Союза, снайпера Василия Зайцева (оба были директорами предприятий в нашем районе), директора Киевского финансово-экономического института, позднее — многолетнего министра финансов СССР Гарбузова В. Ф.

Послевоенный период был очень трудным. В областях, побывавших в оккупации, — тяжелейшее положение, разруха, громадные людские потери. Комсомол в меру своих сил делал все возможное, чтобы помочь стране и народу встать на ноги. Так, например, комсомольцы Киева, в том числе и нашего района, активно занимались осушением поймы реки Ирпень, на землях которой было организовано несколько овощеводческих совхозов, снабжавших город овощами. Каждый комсомолец на воскресниках должен был отработать не менее 50 часов на восстановлении главной улицы города — Крещатика. Активно занимались комсомольцы и заготовкой дров. Наш райком был одним из организаторов городских пионерских лагерей, что давало возможность работать с молодежью, оставшейся в городе летом. В то время было немало неустроенных молодых людей и райкому приходилось заниматься их обучением, получением ими специальности, направлением их на работу и другими вопросами.

В воспитательных беседах с комсомольцами и молодежью нашего района активно использовались события Гражданской и Отечественной войн. В частности, так называемая Трипольская трагедия (тем более что на здании нашего райкома была установлена мемориальная доска, свидетельствующая о том, что здесь в 1919 году формировался отряд комсомольцев г. Киева для борьбы в Триполье с бандой атамана Зеленого). Как известно, из-за предательства руководителя отряда почти все его члены погибли, спаслось лишь пять человек. Ежегодно в Триполье совершались десятки поездок. Были у нас хорошие связи с молодогвардейцами г. Краснодона, особенно с Георгием Арутюнянцем, который в это время служил

в Киеве. С Жорой я дружил четверть века уже в Москве. Кстати, через него я был знаком с женой и братом Николая Островского.

В 1949 году меня и других комсомольских работников восточных областей Украины направили в западные области, где шла коллективизация, для создания комсомольских организаций в колхозах. Тогда я впервые столкнулся с бандеровщиной.

В Киеве я проработал около трех лет. Избирался делегатом съездов ВЛКСМ и комсомола Украины, членом Киевского горкома и обкома комсомола. К 30-летию ВЛКСМ был награжден орденом «Знак Почета».

В 1950 году меня направили в Москву на учебу в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ. В школе работали очень подготовленные и нередко крупные ученые. Учились тут комсомольские работники всех советских республик, а также представители молодежных организаций соцстран, со многими из которых мы поддерживали связи на протяжении десятилетий.

По окончании школы меня взяли на работу в аппарат ЦК ВЛКСМ ответственным организатором по комсомольским организациям Красноярского края и Иркутской области. В течение трех лет я занимался этими организациями и в общей сложности почти полтора года провел в командировках, исколесив данные регионы, как говорится, вдоль и поперек. Это был период начала мощного развития этих мест. Я побывал в Норильске, Игарке, Шушенском, Минусинске, Ангарске, Братске, Бодайбо, Хакасии и многих других местах.

В 50-е — 60-е годы прошлого века в ряде соцстран (Китае, Монголии, ГДР, Чехословакии, Румынии, Болгарии) работали сотни и тысячи советских людей —

сотрудников различных советских организаций, строителей, специалистов по техпомощи, студентов. Среди них было немало комсомольцев, поэтому в посольствах указанных стран были введены должности вторых секретарей — специально для освобожденных секретарей комитетов комсомола. Кроме того, в ряде крупных хозяйственных организациях также были установлены должности освобожденных комсомольских работников (так, например, в советско-германском акционерном обществе «Висмут» было пять таких должностей). Как правило, комсомольские кадры в эти организации направлялись из аппарата ЦК ВЛКСМ. Таким образом, в 1955 году и я был рекомендован на работу в наше посольство в ГДР. Все зарубежные комсомольские организации замыкались непосредственно на ЦК ВЛКСМ. Конечно, работали мы в теснейшем контакте с Союзом свободной немецкой молодежи, а также с Политуправлением группы советских войск в Германии. Проводилась масса совместных предприятий, вечеров дружбы, спортивных встреч, воскресников, в том числе оказывали друг другу помощь в изучении русского и немецкого языков.

Комсомольская организация посольства уделяла большое внимание росту молодых дипломатов. По ее инициативе и при поддержке посла была создана и активно работала «Школа молодого дипломата», руководили которой послы — сначала Пушкин, затем Первухин. Практически ежемесячно в посольстве собирали начинающих дипломатов. Перед ними выступали опытные сотрудники, приезжающие в ГДР работники МИДа. Среди слушателей школы были многие будущие послы и посланники — Манжосов, Степанов, Гремитских, Китаев, Гуськов, Киндалов, Грищенко. Многие из них с похвалой отзывались о школе.

В ГДР я проработал четыре года, где меня сменил Анатолий Грищенко. На этом закончилась моя двенадцатилетняя деятельность в комсомоле. Позже я работал шесть лет 1-м секретарем и советником Посольства СССР в Монголии, четыре года — в КНДР, а на завершающем этапе — Генеральным консулом СССР в МНР. Но это уже другая история.

Бычков Юрий Евгеньевич
Чрезвычайный и Полномочный Посланник
1 класса в отставке

«ЗА АКТИВНУЮ РАБОТУ В КОМСОМОЛЕ»

Вряды ВЛКСМ я вступил в родном Орле в 1963 году и многие годы был его активным членом. Уже в школе меня избрали в комитет комсомола. В машиностроительном техникуме был группкомсоргом, заместителем секретаря комитета ВЛКСМ. Работая на Орловском заводе погрузчиков, стал внештатным инструктором горкома комсомола. Та общественная работа предоставила мне возможность познакомиться с множеством интересных людей, расширила горизонты понимания мира, в котором жил, способствовала ускоренной социализации личности.

Авторитетным наставником, а затем моим другом стал секретарь техникумовского комитета ВЛКСМ, преподаватель истории Александр Молчанов. Он был ярким представителем поколения «шестидесятников». Несмотря на занимаемую «политическую» должность, Александр не был фанатичным марксистом. Скептически относился к комсомольской и партийной бюрократии,

иронизировал по поводу вождизма, чванства, чрезмерного рекламирования социалистических достижений. При этом был человеком чести, высокой морали и патриотизма. Молчанов дорос до должности секретаря областного комитета ВЛКСМ. Через него я познакомился с неординарными земляками, поочередно занимавшими должность первого секретаря обкома комсомола — С. А. Пискуновым (будущим ректором педагогического института), Г. А. Зюгановым (нынешним лидером российских коммунистов). Впоследствии А. М. Молчанов перешел на партийную работу. Был командирован в Афганистан в качестве советника одного из провинциальных парткомов. Погиб от рук душманов.

Годы моей комсомольской юности были наполнены массой интересных и полезных дел. Я охотно занимался в баскетбольной секции общества «Трудовые резервы». Был «артистом» народного Театра юного зрителя, функционировавшего при Дворце пионеров имени Ю. А. Гагарина. Пел в академическом хоре Дворца культуры железнодорожников. Был заядлым «кавеэнщиком». Окончив техникум, и уже работая на заводе, продолжил учебу на вечернем отделении машиностроительного института. Как все успевал, теперь даже не представляю.

Когда пришло время служить в армии, долго не получал призывную повестку. Сам пошел в райвоенкомат выяснять, в чем дело. Мои учетные документы оказались утерянными. Передо мной, нехотя, извинились и заверили, что скоро призовут. Такой поступок — самому «проситься» в армию — был для меня естественным. «Косить» от службы казалось недостойным делом.

Служить направили в Заполярье, в войска противовоздушной обороны. В «учебке» изучал азбуку Морзе,

стал радиотелеграфистом. Был избран секретарем комсомольской организации роты, потом — войсковой части. Вступил в КПСС. При вручении партийного билета начальник армейского политотдела дал ответственное поручение: продолжить армейскую службу в качестве инструктора по комсомольской работе политотдела корпуса ПВО в Североморске. Поначалу было нелегко. Корпус был по-настоящему боевой, состоял из нескольких авиационных полков и зенитно-ракетных бригад, находившихся на постоянном боевом дежурстве. В частях несли службу несколько тысяч комсомольцев. Пришлось быстро осваиваться. Старался не засиживаться в штабных кабинетах. Часто выезжал на «точки». Помогал, как мог, комсомольским активистам готовить и проводить комсомольские собрания, другие мероприятия. Выступал с «лекциями» о международном положении, материал для которых черпал у заезжих московских лекторов.

Тогда у меня и сформировалась мечта стать дипломатом. Правда, на ее осуществление я всерьез не рассчитывал.

Уже перед демобилизацией на глаза попалась заметка в «Комсомольской правде» об очередном наборе слушателей в Высшую комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ. Прикинул: поскольку перед армией я успел окончить первый курс машиностроительного института, то в свой орловский вуз всегда смогу возвратиться, а вот поучиться в столичном институте было бы полезно. Вскоре эта задумка осуществилась.

ВКИШ располагалась на восточной окраине Москвы, вблизи роскошного архитектурно-паркового ансамбля Кусково. Для подготовки будущих комсомольских

вожаков ЦК ВЛКСМ не жалел ни сил, ни средств. ВКШ располагала отличными возможностями для учебы, быта и отдыха студентов. Здесь был собран высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав. Отдельные курсы читали профессора из МГУ. Специальные дисциплины вели опытные практики.

За время учебы старался наиболее полно изучить Москву с тем, чтобы быть в ней не темным провинциалом, а компетентным горожанином. В этих целях посетил почти все московские театры. Правда, тогда их было не так уж и много, что-то около пятнадцати. Отдельным разделом моего «москвоведения» было посещение известных столичных ресторанов. Позволить себе шиковать я, конечно, не мог. Но скромно пообедать в одно из воскресений студенту было по карману. Еще посещал курсы актива при Комитете молодежных организаций СССР, ходил на курсы немецкого языка. В общем, использовал студенческие годы с максимальной интенсивностью. Естественно, занимался общественной работой. Являлся комсоргом учебной группы, секретарем партийного бюро курса.

Как-то в ВКШ проходило нерядовое мероприятие — к нам приехали «светила» советской культуры. Даже не верилось: на сцене одновременно были Леонид Утёсов, Никита Богословский, Элина Быстрицкая, Чингиз Айтматов... В одной из записок, поданных Айтматову, его спросили: что он думает о проблемах билингвизма в литературном творчестве. Тот обстоятельно ответил. А потом в конце встречи сказал, что был приятно удивлен интеллектуальным уровнем аудитории и теперь оптимистично смотрит на будущее комсомола. Так тогда всем и казалось.

ВКШ была «кузницей кадров» не только для нашей страны, но и для многих «братских» зарубежных партий и их молодежных организаций. При этом в вузе широко практиковалось шефство советских учебных групп над иностранными, что давало возможность и шефам и подшефным приобретать неоценимый опыт интернационального общения.

Как и другие «вэкашовцы», с теплотой и признательностью вспоминаю ректора Н.В. Трущенко (соавтора капитальной монографии по истории ВЛКСМ), заведующих кафедрами Ю.С. Борисова, Г.К. Мосолова (Героя Советского Союза), секретаря парткома Ю.Н. Афанасьева (впоследствии одного из лидеров «ДемРоссии»), других наставников.

Спустя четыре года напряженной учебы, выпускники ВКШ получали документ о высшем образовании и квалификацию преподавателя истории и обществоведения, методиста идеологического воспитания. С таким дипломом я был распределен на работу в организационный отдел Московского горкома комсомола. Это было очень интересное время. В стране отсутствовал идеологический плюрализм, и комсомол был единственной общественно-политической организацией, где юноши и девушки могли в значительной мере реализовать свои организаторские способности и созидательную энергию. При этом в среде комсомольских активистов, почувствовавших благодаря хрущевской «оттепели» вкус свободы, всюду плодились критические настроения, реформаторские идеи и планы. Многим из них впоследствии было суждено реализоваться.

Поскольку комсомол считался резервом коммунистической партии, то для многих, в том числе и для меня,

переход с комсомольской на партийную работу был, можно сказать, предрешен. В Севастопольском РК КПСС Москвы мне довелось трудиться в качестве помощника первого секретаря и заведующего организационным отделом восемь лет. По долгу службы курировал районную комсомольскую организацию. Помогал молодым активистам словом и делом.

С началом «перестройки» в 1985 г. по партийному набору был направлен «в дипломатию». Успешно сдав вступительные экзамены, оказался в числе слушателей Дипакадемии МИД СССР. Закончил это именитое учебное заведение через три года с отличием, там же защитил кандидатскую диссертацию. В центральном аппарате министерства и загранпредставительствах отработал четверть века.

В первую загранкомандировку был направлен в Югославию. Для обстоятельного анализа проходивших там, как нам виделось, деструктивных социально-политических процессов хорошо помогал опыт комсомольской и партийной работы в своей стране. Непродолжительный срок являлся секретарем парторганизации посольства. Провел ее последнее партийное собрание. В докладе отмечал: руководству КПСС нужно решительно идти на реформирование партии, поскольку она давно не является организацией единомышленников. Для этого необходимо предоставить возможность каждому партийцу открыто определиться насчет своих политических воззрений и на этой основе размежеваться. Созданные благодаря этому новые партии смогут в свободной демократической атмосфере вести борьбу за свои программы и голоса избирателей. Это будет реальным шагом по выходу из тяжелого кризиса, в котором оказалось советское общество.

В те времена так думал не я один. Но здравомыслие низов тонуло в аморфной политике верхушки КПСС, парализованной словоблудием М. С. Горбачева. Конец известен. Как следствие, наше жизнеспособное поколение было, по существу, исключено из внутривнутриполитической борьбы. Сработал коварный ход «архитектора перестройки» А. Н. Яковлева: бороться с партией руками ее членов, опираясь на требования партийной дисциплины и подчинения нижестоящих организаций вышестоящим.

Уже работая в Министерстве иностранных дел Российской Федерации, я отнюдь не чурался прежнего багажа знаний, приобретенного в советский период. Особенно в 1994–1995 гг. в рамках миротворческой операции в Приднестровском регионе Республики Молдова. Приобретенный политический кругозор был также востребован при работе в Управлении по внешней политике Президента Российской Федерации в 1996–2000 гг.

Уже потом для меня — генерального консула России в Черногории — были, казалось, излишними навыки, приобретенные в советские времена. И, тем не менее, опыт, сформированный долгими годами работы и правильно усвоенными национально-государственными интересами своей страны, способствовал не только успешной деятельности в целях укрепления традиционной российско-черногорской дружбы, но и содействовал работе по аргументации нашего критического подхода к пронаатовскому курсу руководства страны пребывания. Не случайно по его заданию в черногорской столице однажды появился даже обращенный персонально ко мне уличный баннер, декларирующий право Черногории на собственный внешнеполитический выбор. Руководящая элита

опасалась излишних симпатий своих граждан к авторитетному слову российского посланника...

Теперь принято критически рассуждать о нашем советском прошлом, в том числе о комсомоле. Однако огульный подход застилает правду. По опыту знаю, что в ВЛКСМ было, конечно, много ненужной политической трескотни и формализма. Но и пользу от его деятельности трудно переоценить. Речь даже не об ударных комсомольских стройках и других мега-проектах. Важнейшей заслугой комсомола являлось воспитание юношей и девушек в духе коллективизма, патриотизма, уважительного отношения к старшим поколениям, привитии чувства долга перед родиной, семейным ценностям. Кому-то эти качества кажутся теперь архаичными. Но без них в стране не сформируется народ, а будет лишь население, ориентированное исключительно на потребление.

За свою многолетнюю трудовую деятельность был награжден несколькими медалями, имею благодарности Президента, являюсь Почетным работником МИД. И все же особое место в ряду званий и наград занимает для меня уникальный значок ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле».

Грищенко Александр Сергеевич
Чрезвычайный и Полномочный Посланник
1 класса в отставке

В ДИПЛОМАТЫ ИЗ КОМСОМОЛА

Тесное переплетение моей судьбы с ВЛКСМ было, выражаясь высокопарно, «уготовано свыше»: я родился в Комсомольске на Амуре, где на судостроительном заводе трудился отец-петербуржец. В 1946 г. семья вернулась в Ленинград. Здесь я окончил школу и университет. Стал секретарем комсомольского бюро Географического факультета, а через пару лет был избран секретарем комитета комсомола ЛГУ. И это уже оказалось серьезным вызовом, во многом определившим всю последующую жизнь. Время, о котором идет речь, конец 60-х — начало 70-х годов XX столетия, вошло в историю страны как «период застоя». Однако в университетской среде сохранялись дух вольнодумства и некоторая политизированность.

Например, комсомольский актив математико-механического факультета коллективно штудировал труды раннего К. Маркса и разрабатывал программу участия молодежи в реформировании общества. Физики же выступали с инициативой замены официального лозунга

ВЛКСМ «Учиться коммунизму!» позаимствованным у В. И. Ленина призывом «Учиться осуществлять Советскую власть», ставя акцент на развитии советского демократизма. И первое, и второе квалифицировалось вышестоящими партийно-комсомольскими органами как «опасная крамола» и «посягательство на устои». Лишь много позже стало ясно, насколько нашему обществу недостает гражданской инициативы, навыков практического участия в политической жизни страны. А тогда только авторитет больших ученых помог ребятам избежать серьезных неприятностей. Меня же крепко поддерживал секретарь парткома С. Б. Лавров — блестящий ученый, человек огромного обаяния; в последующем — делегат Съезда народных депутатов и президент Географического общества СССР.

Необходимость «соответствовать» заставляла меня работать над собой, приобщиться к основам философии, социологии, психологии. Эти знания, как и умение строить взаимоуважительный диалог, проявляя известную твердость в принципиальных вопросах, очень пригодились мне в дальнейшем.

В 1970 г. я был избран в состав ЦК ВЛКСМ, а в 1972 г. перешел на работу в аппарат ЦК, где прошел путь до заведующего отделом.

Моя служба на дипломатическом поприще длилась без малого четверть века, и вся она оказалась связанной с Югославией и государствами, образовавшимися после ее распада. Начальная остановка — март 1981 г., посольство СССР в СФРЮ. Должность — первый секретарь, функциональные обязанности — развитие связей с Союзом социалистической молодежи Югославии и участие в деятельности группы внутренней

политики по широкому кругу проблем. Мой первый посол — Н.Н. Родионов, крупный партийный руководитель, кавалер трех орденов Ленина, до назначения в Белград — заместитель Министра иностранных дел СССР. Руководитель, обладающий стратегическим мышлением, требовательный, порой жесткий. И в то же время не забывающий по достоинству оценить доброту выполненную работу, толковую инициативу сотрудника. Николаю Николаевичу я обязан тем, что в конечном счете овладел новой для себя профессией дипломата.

Вхождение в нее оказалось делом непростым и нескорым. Понадобились многие месяцы изучения основополагающих документов: Конституции СФРЮ, Программы СКЮ, законов, регулирующих действие системы социалистического самоуправления на всех этажах общественных и государственных отношений, и осмысление их воплощения в практической жизни. Понимаю сути «югославской модели социализма» и ее отличий от советского опыта помогли полученные в ЦК ВЛКСМ и Академии общественных наук знания функционирования партийно-государственного механизма в СССР. К месту пришлось и опыт подготовки аналитических материалов, и привычка работать в напряженном режиме. Забегая вперед, скажу, что проникновение в суть югославских реалий позволило мне достаточно четко составить представление о реальных причинах эрозии Федерации. Подготовленная мною осенью 1989 г. записка о внутривнутриполитической обстановке в СФРЮ, с изложением главных угроз момента и вероятных направлений развития ситуации, была рассмотрена на Коллегии МИД, а затем в ЦК КПСС. А понимание нюансов хитроумного конституционного устройства Югославии позволило избежать предвзятости

и односторонности в оценке действий конфронтирующих сторон на этапе ее окончательного краха.

Из впечатлений того периода — исключительно теплое отношение к нам со стороны сербского населения. С симпатиями простых людей резко контрастировали настороженность и отчужденность части властной бюрократии, вероятно, являющиеся последствиями не до конца преодоленного конфликта Сталина и Тито. Удивляло и вызывало зависть значительно меньшее проявление иерархического неравенства. Оказавшись по делам в ЦК СКЮ, легко можно было в лифте столкнуться с членом Президиума; никаких автомобилей с мигалками, никаких спецбуфетов и поликлиник. Из политических событий запомнились первые массовые антиправительственные выступления албанцев в Косово, начинающаяся деградация государственного управления СФРЮ.

Положение посольства и его сотрудников резко изменилось к лучшему с началом «перестройки» в нашей стране, воспринятой в Югославии с огромным интересом и энтузиазмом. К тому времени я стал советником по информации и едва успевал удовлетворять многочисленные запросы журналистов на поездки в СССР, организовывать в Белграде встречи местной культурной и политической элиты с приезжающими по нашему запросу советскими экспертами. Запомнились полный аншлаг на показе кинофильма Т. Абуладзе «Покаяние» и успех изданной в Любляне книги статей и выступлений М. С. Горбачева

В 1987 г. я вернулся в Москву, где прошел обучение на Курсах руководящих дипкадров, поработал начальником отдела Югославии и в 1990 г. вновь был направлен в Белград, став свидетелем тотального распада СФРЮ, а с открытием в 1992 г. посольства России в Республике

Хорватии получил назначение на должность советника-посланника. И вновь удача: послом здесь стал Л. В. Керестеджиянец, тоже выходец из комсомола. В ту пору уже многоопытный дипломат, неизменно доброжелательный и корректный, он сумел в короткий срок переломить поначалу не слишком дружественный настрой хорватов в отношении российской политики на Балканах, завоевал весомый авторитет в политических кругах и дипкорпусе. Показательно, что именно в российском посольстве в Загребе в марте 1994 г. было подписано Соглашение о прекращении огня, положившее конец активной фазе боевых действий между хорватскими войсками и силами сербов Краины. Этому предшествовали переговоры, продолжавшиеся двое суток практически без перерывов. Их модератором выступал Спецпредставитель Президента России по мирному урегулированию в Югославии В. И. Чуркин. Наше скромное здание едва смогло вместить несколько десятков дипломатов, генералов и правительственных служащих. В результате были спасены тысячи жизней, неминуемого разрушения избежали десятки населенных пунктов. Хотя до окончательного завершения войны было еще далеко.

Многообещающим эпизодом международных усилий в этом направлении стала подготовка так называемого плана Z-4, где Z — Загреб, а 4 — инициировавшие проект представители ООН, ЕС и послы в Хорватии России и США. Сербской Краине планом гарантировалась беспрецедентная автономия в составе РХ, включая право на собственные финансы и валюту, суды, полицию и таможенную службу, представительства за рубежом и двойное гражданство для населения — РХ и Союзной Республики Югославии. В конце 1994 г. в нашем посольстве были уточнены

последние детали плана. В частности, я — по первому образованию картограф — скорректировал карту Хорватии таким образом, чтобы была обеспечена беспрепятственная автодорожная связь между всеми городами и поселками Краины. Однако в конечном счете Z-4 сербская сторона отвергла. Как рассказал мне Ж. Матич, советник президента РХ по внешней политике, Ф. Туджман с огромным облегчением воспринял это известие: оно освободило его от данного под давлением американцев обещания подписать Соглашение. Дальнейшее известно. В мае и августе 1995 г. хорватские войска, не встретив вооруженного сопротивления, взяли под контроль большую часть РСК, а после Эрдутского соглашения (ноябрь 1995 г.) и принятия в 1996 г. резолюции 1037 СБ ООН под власть Загреба были возвращены все территории, ранее составлявшие Республику Сербская Краина. Доля сербов в РХ сократилась с 12 до 4 процентов, они утратили статус государствообразующего народа. Масштаб катастрофы, с точки зрения интересов единства сербов, становится особенно наглядным при взгляде на карту. Мостом через реку Сава в районе города Градишки территория бывшей РСК, составлявшая десятую часть Хорватии, связана с Республикой Сербской, располагающей половиной всей территории Боснии и Герцеговины и без малого полуторамиллионным населением. Что ж, история разрешения конфликтов знает немало роковых решений и упущенных возможностей.

Моя третья заграникомандировка — послом РФ в Боснию и Герцеговину (декабрь 2000 — май 2005 гг). Уже пять лет прошло с подписания в Дейтоне Мирного соглашения, а его имплементация идет крайне трудно. Для нормализации жизни в стране и дееспособности государства

необходимы доверие и сотрудничество бошняков, сербов и хорватов, а его нет. Попытка международного сообщества создать в БиГ правительство, опирающееся на договороспособные политические силы всех трех сторон, не получили поддержки очередного (с мая 2002 г.) Высокого представителя П. Эшдауна, и всего через год к власти вернулись не склонные к компромиссам националистические партии.

П. Эшдаун — в прошлом офицер британского спецназа с боевым опытом, успешный лидер партии Либеральных демократов, барон — не по рождению, а за заслуги перед Соединенным Королевством. Волевой, энергичный и целеустремленный администратор. Вопреки кажущейся демократичности, человек надменный и безапелляционный. Он не скрывал амбиций войти в историю как последний Высокий представитель в Боснии и Герцеговине, для чего был необходим успех с выполнением Мирного соглашения. Действуя по принципу «разделяй и властвуй», П. Эшдаун сделал ставку на одиозных, конфронтирующих между собой политиков.

При этом беспрецедентному давлению подвергалась Республика Сербская, в отношении которой выдвигались необоснованные, а подчас просто абсурдные претензии. На этой почве у нас нередко происходили стычки на еженедельно проходивших в Сараево заседаниях Руководящего комитета на уровне послов. Одна из них возникла из-за намерения Высокого представителя перекрыть Силами по стабилизации (СПС) государственную границу между РС и Сербией после убийства в Белграде премьер-министра З. Джинджича (март 2003 г.). Я категорически возражал, ссылаясь на отсутствие подобных мер со стороны других соседствующих с Сербией государств

и согласия властей БиГ и РС. В разразившейся перепалке меня недвусмысленно, хотя и молчаливо, поддержали, обычно «дисциплинированные», послы стран ЕС (за исключением британца). В итоге, П. Эшдауну пришлось уступить.

Основательный конфликт связан с одной из неудавшихся попыток СПС захватить Р. Караджича. В ночь на 1 апреля 2004 г. подразделение британских парашютистов, десантировавшихся с вертолетов в городе Пале, в поисках бывшего президента РС разгромило православную церковь. Сильно пострадали священник и его сын (их лечение потом растянулось на многие месяцы). Узнав об этом, я поехал в Пале, убедился в серьезности учиненного погрома и выступил со словами солидарности перед столпившимися на площади возмущенными местными жителями.

На созванном в тот же день заседании Руководящего комитета П. Эшдаун возложил вину за эксцесс на власти РС, якобы саботирующие усилия по поимке Р. Караджича. Оскорбительным нападкам подвергся мининдел БиГ серб М. Иванич. Взяв слово, охарактеризовал поведение Высокого представителя как попытку свалить с больной головы на здоровую и уйти от ответственности, потребовал официального расследования инцидента, установления и наказания подлинных виновников. Указал на недопустимость грубости в отношении министра суверенного государства, нашего партнера в деле имплементации Мирного соглашения. На характер и повадки П. Эшдауна мой демарш, разумеется, не повлиял. Но объяснения, хотя и не слишком внятные, от натовских вояк были получены, руководство Республики Сербской на время оставили в покое, а священнику с сыном выплатили какую-то компенсацию.

В конечном счете, в 2006 году П. Эшдаун покинул Сараево, а пост Высокого представителя существует по сей день. У власти в БиГ все те же партии и даже персоналии, экономика страны стагнирует, равно как и процесс международного примирения.

* * *

Ретроспективно анализируя события тех лет, ловлю себя на мысли, что мне сильно повезло в профессиональном плане — оказаться причастным к многосторонним усилиям по разрешению одного из самых опасных мировых кризисов конца XX века. Одновременно, испытываю гордость за точно выверенный и дальновидный курс нашей страны в югославском урегулировании. Его последовательное проведение, взвешенные, адекватные ситуации действия российской дипломатии обеспечили международное признание вклада Москвы в дело стабилизации на Балканах, позволили нам сохранить дружественные отношения с государствами, возникшими на территории бывшей Югославии.

Логвинов Михаил Аркадьевич
Чрезвычайный и Полномочный Посланник
I класса в отставке

СЕРДЦЕМ НЕ СТАРЕТЬ...

В школьные годы я — секретарь комитета Комсомола. Затем в МГИМО — член комитета Комсомола. Насыщенная интересными событиями комсомольская жизнь свела с отличными ребятами, учила работе с людьми, что очень пригодилось, особенно в работе за рубежом.

Всю жизнь трудился на немецкой земле. В общей сложности 23 года: 3 заезда в наше Посольство в Бонн (почти 14 лет). В 1987–1992 гг. Являлся советником по печати и информации в Берлине — в эпицентре потрясений. Последний заезд в Германию — генконсулом в Мюнхен — особенно интересен. Бавария — важнейший регион Европы. Наш товарооборот с ней достигал 13 млрд. евро. Всегда помогал немцам и нашим лучше понимать друг друга. Когда это дает осязаемый результат твоей стране, испытываешь особое удовлетворение.

Баварцы ценили мою работу. К своему 60-летию получил памятную медаль «За особые заслуги перед баварской экономикой», а по завершению работы в Мюнхене

в 2001 г. мне торжественно вручили орден «За заслуги перед Баварией и баварским народом». Я оказался первым россиянином, удостоенным этой высокой награды. Вторым — 5 лет спустя — стал Ю. М. Лужков. Своим орденом баварцы гордятся больше, чем федеральным, поскольку по положению о нем не может быть больше 2 тысяч живых орденосцев. Иностранцам его дают редко. Я горжусь, что оказался в их числе.

С учетом всего этого после выхода в отставку по достижению 60 лет мне было предложено стать представителем Баварии в России. В итоге еще 8 лет я укрепил российско-баварское партнерство, которому завидовали остальные регионы Германии да и других стран. Сейчас, когда так непросто в российско-германских отношениях, я постоянно напоминаю баварцам: «Вы же долгие годы были привилегированными. Мы с вами создали такой отличный фундамент наших экономических связей, что просто грех им не пользоваться самым активным образом и дальше!»

Последние годы я — вице-президент «Общества Россия-Германия», которому уже 45 лет. Наше общество возглавляет О. М. Зиновьева, вдова выдающегося мыслителя А. А. Зиновьева. За свою книгу «Зияющие высоты» он был выслан в Баварию. Там он за 21 год написал десятки интереснейших книг.

В. М. Гринин, вернувшийся из Берлина, где он долгие годы трудился послом (до этого представлял нашу страну в Польше, Финляндии и Австрии), стал руководителем Попечительского совета «Общества Россия-Германия». Уверен, что это придаст нашему обществу новые силы и еще больший вес. В нынешних условиях использовать общественную площадку в интересах народов наших

стран особенно важно. Примечательно, что с В. М. Грининым нас связал мидовский комсомол.

Вернувшись в Москву из Бонна из первой длительной командировки в 1972 г., я был избран секретарем комитета комсомола МИД и затем членом парткома, который возглавил В. Ф. Стукалин. Он пришел на дипслужбу, имея за плечами большой опыт комсомольской работы. Товарищеское общение с ним многому научило.

Это помогло мне и в дальнейшем, когда я был избран в 1982 г. заместителем секретаря парткома МИД. Отвечал за идеологическую работу и был куратором комсомольской организации Министерства.

Секретарем парткома был тогда воспитанник ВЛКСМ А. И. Грищенко. С ним я сотрудничал еще в 1965 году в посольстве в Бонне, где он успешно обеспечивал культурное взаимодействие наших стран. Все это Анатолий Иванович интересно описал в своей книге воспоминаний «Лично знакомы».

Не могу не высказать слова глубокой благодарности еще одному выдающемуся комсомольцу-мидовцу Б. Н. Пастухову. Помогая Б. Н. Пастухову на важном мероприятии в один из его приездов в Германию, сказал, что, к сожалению, знаю свою страну хуже, чем ФРГ. Борис Николаевич обещал помочь. И помог. Приехав в отпуск в Москву, я получил путевку ЦК ВЛКСМ, в соответствии с которой направился читать лекции на БАМ. Эти дни никогда не забуду, они мне многое дали...

Когда Б. Н. Пастухов стал в МИД РФ первым зам. министра, я как зам. директора 2 ДСНГ, отвечая за отношения с республикой Беларусь и Молдовой, часто приходил к нему согласовывать документы. Часто оказывался свидетелем того, как он обсуждал по телефону

с руководящими представителями стран СНГ важные дела. Как правило, его тогдашние собеседники прошли школу ВЛКСМ и сохраняли уважение лично к Борису Николаевичу, что, безусловно, помогало решать сложные проблемы.

Не могу не сказать добрые слова в адрес еще одного комсомольца-мидовца В. С. Балтрунаса. Мы оказались с ним в составе нашей делегации на молодежном форуме стран Балтии в 1974 г. Валерионас был тогда 1-м секретарем ЦК комсомола Литвы. Потом В. С. Балтрунас стал секретарем ЦК компартии Литвы. В Москве он — зам. заведующего отделом науки ЦК КПСС. Трудовую деятельность завершил как зам. директора Департамента консульской службы МИД. Был Послом РФ в Сенегале. Нашей большой дружбе уже больше 45 лет.

Завершая свои краткие воспоминания, хотел бы подчеркнуть, что без незабываемой комсомольской юности не было бы у меня и комсомольского задора, который, если верить одному из моих коллег я сохранял еще многие годы. Об этом мой коллега написал в своих мемуарах. Мне же этот задор помогал, в том числе, смело выступать в десятках аудиториях в Германии, особенно в университетах.

«Главное, ребята, сердцем не стареть», — как поется в одной хорошей песне. Спасибо комсомолу за все хорошее, что было и есть в моей жизни.

Матвеев Леонид Иванович
Чрезвычайный и Полномочный Посланник
I класса в отставке

ОГЛЯДЫВАСЬ НАЗАД

В Комсомоле в общей сложности я проработал 20 лет, пройдя все ступени от секретаря бюро ВЛКСМ курса до секретаря ЦК ВЛКСМ. Самым ценным на этом пути было то, что я обрел опыт работы с людьми различного социального положения и познакомился с рядом интересных личностей. Моим первым серьезным учителем в комсомольской работе был Пастухов Борис Николаевич. Мы вместе работали в комитете комсомола МВТУ им. Баумана, затем наши пути разошлись и сходились, как стежки-дорожки в поле. Б. Н. Пастухов — человек неумной энергии, умный вожак молодежи, талантливый организатор. Именно он вывел меня на широкую дорогу в комсомольской работе, учил ее «азам».

Работа первым секретарем Первомайского райкома комсомола многому меня научила. В районе находилось около 70 промышленных предприятий, 60 научно-исследовательских и проектных организаций, 80 строительных организаций.

Тогда в Москве было 17 районов. Первомайский район простирался от МКАД вдоль Первомайской и Бакунинской улиц вплоть до Садового кольца.

Я понимал, что для моей новой деятельности серьезным пробелом является отсутствие опыта работы на промышленном предприятии или в проектной организации — НИИ или КБ. Принял за правило бывать на заводах, в цехах, в лабораториях НИИ, в подразделениях конструкторских организаций, на строительных площадках. Это давало возможность вникать в суть производственных процессов, их организацию, влиять на положение дел.

Установленные хорошие отношения с директорами и руководителями трудовых коллективов давали возможность обращать их внимание на работу комсомольских организаций. Да, комсомольские организации являлись тогда помощниками администрации и партийных организаций, но зачастую эти помощники и сами нуждались в помощи. Они не распоряжались финансами, не имели собственных баз отдыха, спортивных сооружений и т. д. Поэтому мы, руководители райкома комсомола, стремились использовать имевшиеся у профсоюзов возможности, добиваясь избрания комсомольских лидеров в состав профсоюзных комитетов.

Когда Пастухова Б. Н. избрали вторым секретарем ЦК ВЛКСМ, первым секретарем Московского горкома комсомола избрали Трушина В. П. Я же был избран секретарем МГК ВЛКСМ, в обязанности которого входила работа со студентами. Трушин В. П., в отличие от эмоционального Пастухова Б. Н., был неторопливо спокойным в работе, но не менее требовательным к сотрудникам, особенно если речь шла об исполнении поручений. Он

был инициатором строительства лагеря комсомольского актива, по его инициативе был возведен памятник защитникам Москвы (известные «Ежи») на Ленинградском шоссе. Во время территориальной реорганизации Москвы Трушин В. П. был избран первым секретарем Перовского РК КПСС. Тогда наступило мое время возглавить Московскую городскую комсомольскую организацию. Моими соратниками по работе в горкоме были Сергей Купреев, Игорь Шахманов, Валерий Шадрин, Ирина Конюхова — активные вожаки молодежи, заслуженно избранные на эти комсомольские высоты. В них было много общего, но каждого отличали свои особенности: С. Купреев — сама строгость во всем; И. Шахманова и В. Шадрин — эмоциональность, импульсивность, желание внести неординарность в нашу работу; И. Конюхова — постоянная, доходящая до самозабвения забота о пионерской организации, которую она курировала.

Секретарем МГК ВЛКСМ в разных ипостасях я проработал шесть лет. Однажды, это было в мае 1970 г., мне позвонили от секретаря ЦК КПСС И. Капитонова и пригласили в назначенный день и час явиться к нему. Позволил В. В. Гришину, первому секретарю МГК КПСС, он сказал, если пригласили — надо идти.

В назначенный день и час был у проходной ЦК КПСС. К И. В. Капитонову кроме меня были приглашены еще три человека: С. Арутюнян — первый секретарь ЦК ЛКСМ Армении; Б. Пуго — первый секретарь ЦК ЛКСМ Латвии, В. Ярошовец — первый секретарь Винницкого обкома ЛКСМ Украины. Без предисловий И. В. Капитонов объявил, что нас рекомендуют избрать секретарями ЦК ВЛКСМ, и что сейчас мы идем к Л. И. Брежневу, Генеральному секретарю ЦК КПСС.

Леонид Ильич тут же нас принял и пошутил: «Ну что, решили устроить переворот в ЦК ВЛКСМ и, конечно, под руководством Матвеева, ведь Москва всегда впереди? Ну, ничего, — продолжал он, — я пошутил. Вас решено рекомендовать на работу секретарями ЦК ВЛКСМ». (Дело в том, что в ЦК ВЛКСМ в связи с переходом ряда секретарей на другую работу образовались вакантные должности.) События так быстро развивались, что я только успел спросить: «А как же горком партии?» Леонид Ильич, смеясь, добавил: «А о тебе, Матвеев, мы лично договорились с Гришиным». «Ну, ребята — продолжал он — завтра съезд и принимайтесь за работу». Вот с таким «благословением» мы и приступили к новым обязанностям. Мне было поручено курировать отдел пропаганды и входящий в него сектор культуры. Работа с отделом пропаганды и агитации дала возможность познакомиться со многими писателями, журналистами, поэтами, актерами, режиссерами, драматургами. Добавлю, что в то время ЦК ВЛКСМ курировал собственную большую прессу — газету «Комсомольская правда», журналы «Смена», «Сельская молодежь», «Техника молодежи» и другие, а также имел крупное издательство «Молодая гвардия». Все этим приходилось заниматься.

В целом пять лет работы в ЦК ВЛКСМ были очень напряженными. За это время были проведены съезд ВЛКСМ, Фестиваль молодежи СССР с заключительным мероприятием на стадионе «Динамо», Международный фестиваль молодежи и студентов в Берлине, первая встреча кубинской и советской молодежи на острове Свободы. И все эти годы я работал напрямую с первым секретарем ЦК ВЛКСМ Евгением Михайловичем Тяжелниковым. Довелось участвовать в подготовке материалов

для докладов Тяжелникова на пленумах и съездах. Работы хватало. Днем я писал материалы и отправлял ему на дачу на Николину гору. Он читал и отзывался, говорил, что получилось, а что нужно доработать. Так продолжалось порой до 3–4 часов ночи.

Пройдя многолетнюю школу руководящей работы в Московском горкоме партии и Мосгорисполкоме, я перешел на работу в Министерство иностранных дел СССР. Хотелось бы сразу оговориться, что работать в моей новой «ипостаси» в Министерстве иностранных дел сначала Управляющим делами, затем Генеральным консулом СССР/России в Карловых Варах оказалось нелегким делом. Для непосвященных работа дипломата — это «теплое местечко», где все обязанности состоят из сплошных приемов, обедов и фуршетов. На самом деле это тяжелый, изнурительный и исключительно ответственный труд, если его хорошо выполнять. В мои обязанности Управляющего делами входил блок социальных вопросов. На этом участке я получил унылое наследство — в течение нескольких лет Министерство не получало ни одного квадратного метра жилья (а в очереди на жилье стояло несколько сот человек). Нужно было также завершить строительство пионерского лагеря, достроить дом отдыха «Юность», отремонтировать пансионат «Дружба» и летний дачный поселок на станции «Чкаловская». Необходимо было капитально реконструировать мидовскую больницу и отремонтировать школу-интернат.

Кроме сказанного, в обязанности Управляющего делами входило решение вопросов отвода земли под летние дачные поселки для сотрудников МИД и оказание помощи в их освоении (газификация, электрификация).

А таких поселков одиннадцать. Но и это не все. Требовался постоянный текущий ремонт огромного высотного здания МИД на Смоленской-Сенной площади. Для этих целей был создан отдельный ремонтно-строительный участок. На балансе МИД, кроме того, было большое автотранспортное предприятие, которое также требовало постоянного внимания. Если ко всему этому прибавить материально-техническое обеспечение почти двух тысяч объектов МИД за рубежом (посольства, консульства и др.), то объем работы был более чем внушительный. Хотелось бы посмотреть на критиков нашей работы, если бы они оказались на этом месте. Здесь нужно не искать жареные факты или придумывать их, а «вкалывать» до седьмого пота, чтобы добиться реальных результатов.

Первоочередным для меня было решение жилищной проблемы мидовцев. Неприемлемо, когда заслуженные и уважаемые люди, цвет нашей дипломатии живут в неудовлетворительных условиях. С помощью руководства Мосгорисполкома за три года Министерство бесплатно получило пятнадцать тысяч квадратных метров жилья. Очередь исчезла, на тот момент жилищная проблема была решена и снята с повестки дня. С помощью Мособлисполкома МИД получил пять земельных участков под строительство летних дачных кооперативов для сотрудников. За три года удалось построить пионерский лагерь, закончить строительство дома отдыха «Юность», отремонтировать летний дачный поселок, приступить к реконструкции больницы. С помощью Горьковского автозавода был полностью обновлен подвижной состав автопредприятия. Самую активную роль в этом сыграл и его руководитель Дмитрий Борисович Аносов. Инициативный,

требовательный и внимательный, он пользовался большим авторитетом в коллективе министерства.

Кроме этого шла постоянная работа по материальному обеспечению дипломатической деятельности. Организационно и материально-технически обеспечивались визиты на высшем уровне, как в Москве, так и за рубежом. При зарубежных встречах Управляющий делами выезжал в составе передовой группы в целях создания всех необходимых условий для работы руководителей встречающихся стран. С этими целями лично выезжал в ФРГ, ГДР, Румынию, Англию.

Вспоминаю внимание и помощь, которую во всей работе оказывал тогдашний Министр иностранных дел Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. Хочу при этом оговориться, что его деятельность на этом государственном посту, как мне представляется, во многом заслуживает критической оценки. «Сдача» в компании с Горбачевым ГДР, проведение линии Горбачев-Шеварднадзе в Беринговом море, в результате чего наша страна лишалась огромной акватории, богатой рыбными запасами, и другое — все это не делает ему чести. Здесь же я рассказываю о некоторых других деталях взаимоотношений с этим человеком и руководителем.

Перед утверждением моей кандидатуры на Коллегии Министерства Управляющим делами Шеварднадзе пригласил меня на беседу. Сам бывший партийный работник, он подробно расспрашивал о работе в Московском горкоме и райкоме партии, в Мосгорисполкоме. Его интересовало мое настроение, с желанием ли я иду на работу Управляющего делами. Разговор был достаточно долгим, и это меня удивило, тем более что в манере разговора чувствовалась со стороны Э.А. Шеварднадзе какая-то

тревога. Дело оказалось в следующем. Как мне немного позже рассказал мой непосредственный руководитель заместитель министра Б. Н. Чаплин, он и заместитель Министра по кадрам В. М. Никифоров перед самым заседанием коллегии Министерства обсуждали у Э. А. Шеварднадзе предстоящие назначения. При рассмотрении моей кандидатуры Э. А. Шеварднадзе решил позвонить по правительственной связи Б. Н. Ельцину — тогда первому секретарю Московского горкома КПСС. Разговор был хорошо слышен. Эдуард Амвросиевич сказал Ельцину, что есть намерение утвердить Матвеева управляющим делами МИД, как он к этому относится. Ельцин ответил, хотите утверждать — утверждайте. Э. А. Шеварднадзе возмутился: как вы так можете говорить, ведь речь идет о секретаре Московского горкома партии, о депутате Верховного Совета РСФСР. Вы рекомендуете Матвеева или нет? Б. Н. Чаплин рассказывал, что показное равнодушие с Ельцина как рукой сняло. Конечно, рекомендуем — был ответ. Но на этом дело не закончилось.

Вскоре проходила очередная сессия Верховного Совета РСФСР. На ее открытии присутствовало все Политбюро, в том числе Э. А. Шеварднадзе. Начиналась сессия с доклада мандатной комиссии, т. е. с моего доклада. Когда доклад был закончен и я садился на место, мелькнула мысль о том, что опять будет встреча с Эдуардом Амвросиевичем. Так и случилось. Он пригласил меня к себе и подробно расспрашивал, нравится ли мне работа, нет ли каких-либо сомнений. Я твердо заверил, что работаю с интересом и работа нравится. На этом вопрос был исчерпан.

Эдуард Амвросиевич был единственным человеком, который сказал мне одобряющие слова после моего

выступления на пленуме горкома партии при снятии с должности Ельцина. Он поддержал меня и сказал, что выступление и позиция были принципиальными.

В течение всего периода работы не было ни одного случая, чтобы Эдуард Амвросиевич не откликнулся на просьбу о встрече по вопросам, требующим его решения или мнения. И хотя моим прямым руководителем время работы в МИД был заместитель Министра Б. Н. Чаплин, традиция наших встреч с Э. А. Шеварднадзе неукоснительно сохранялась.

Поначалу его внешнеполитические шаги производили неплохое впечатление. Но вот потом... К сожалению, эти воспоминания тем более омрачаются тем, как повел себя Э. А. Шеварднадзе, став президентом Грузии. Он занял русофобские, антироссийские позиции, во всех бедах Грузии голословно обвинял Советский Союз и Россию. Искажая историю, искал оправдание своей политике в событиях даже двенадцатого века, подверг сомнению Георгиевский трактат по которому Грузия добровольно присоединилась к России, вошла в ее состав. Все это изложено в книге Э. А. Шеварднадзе «Когда рухнул железный занавес» и вызывает у меня резкое осуждение и неприятие.

Отношения с заместителями Министра, с коллегами — начальниками Управлений Министерства были сугубо деловыми, не более того. Хорошее впечатление производил Игорь Сергеевич Иванов, тогда — руководитель секретариата Министра. Общительный и доброжелательный человек.

В целом же период моей работы в МИД (1986–1993 гг.) после ухода из Московского горкома КПСС, а затем из Мосгорисполкома был крайне скуп на взаимодействие с яркими личностями, общение с которыми

обогащает. Дело не в том, что контактов не было. В это время в МИДе трудились выдающиеся дипломаты: Менделевич, который работал еще с Молотовым и готовил аналитические материалы Сталину; Квицинский — посол в ФРГ, первый заместитель Министра иностранных дел, затем депутат Государственной Думы от КПРФ; Обухов — крупнейший переговорщик по ядерным проблемам и многие другие. Дело в том, что в связи со спецификой дипломатической службы они часто выезжали в зарубежные командировки, в том числе длительные, выполняли специальные поручения. Поэтому общение с ними было кратковременным. Имело значение и то, что в центральном аппарате МИД мне довелось проработать немного — менее четырех лет. Затем три года я являлся Генеральным консулом в Карловых Варах. А там круг общения был не очень широким.

Подводя итог, хочу отметить, что моя работа в МИД была интересной и насыщенной. Очень пригодился предыдущий опыт, широкий круг общения с московскими организациями, особенно в решении социальных вопросов сотрудников нашего Министерства. Ну, а как это получалось, судить, конечно, не мне.

Сизых Николай Гаврилович
Чрезвычайный и Полномочный Посланник
I класса в отставке

МОИ 25 ЛЕТ В КОМСОМОЛЕ

Свои заметки начну с того, что комсомольский билет получил в 1950 году. В школе, в институте (Томский политехнический, 1954–1959 гг.), и на производстве принимал активное участие в различных структурах комсомола, три года избирался членом комитета ВЛКСМ факультета. По распределению прибыл в г. Новокузнецк. Прошло более 55 лет, но для меня орденосный Кузнецкий металлургический комбинат (далее — КМК) остается, с одной стороны, базовой трудовой площадкой, с другой — стартовым этапом в комсомоле — от комсорга электроремонтного цеха до руководителя крупнейшей в области комсомольской организации г. Новокузнецка. В дальнейшем — секретарь, второй секретарь, с сентября 1967 г. по сентябрь 1973 г. — первый секретарь Кемеровского обкома комсомола, член ЦК ВЛКСМ, выбыл из комсомола в 1975 гг.

Что касается моей служебной деятельности, то в 1973–1976 гг. была учеба в Дипакадемии, затем работа на африканском направлении — Чад, Джибути, Бурунди, Конго

(Браззавиль), Алжир.), в Центральном аппарате — Департамент Африки, Кадровый, Консульский департаменты (заместитель директора), с 2010 г. в отставке.

Не скрою — я был несколько озадачен предложением поделиться своими впечатлениями о комсомоле в связи с его вековым юбилеем. По моему мнению, я еще не вхожу в группы так называемых штатных комсомольских мемуаристов, которые штампуют статьи и тиражируют очерки, выдавая свои суждения за истину в последней инстанции, не забывая, разумеется, отметить и личные заслуги.

Согласился поддержать просьбу ветеранов лишь тогда, когда вспомнил, что в свое время наш Министр С. В. Лавров тоже был молодежным лидером — секретарем комитета комсомола Министерства. Его внимательное отношение к молодым дипломатам в МИДе заслуживает одобрение и уважение.

Оставаясь сибиряком — кузбассовцем в душе и, работая 45 лет в Москве или в столицах Африканского континента, куда меня увела «дипломатическая колея» я, по вполне понятным причинам, уже не мог быть в курсе молодежных дел области, где проходил свои «комсомольские университеты». Тем не менее, и сейчас поддерживаю устойчивые связи с Кемеровским региональным движением «Ветераны комсомола».

Было бы опрометчиво с моей стороны делать какие-либо выводы о том, как мы трудились, учились и отдыхали в то время по сравнению с нынешним поколением, которое живет и работает в новых общественно-политических условиях. Я далек от нравоучений и выискивания негативных идеологических аспектов в деятельности ВЛКСМ, они общеизвестны. Поэтому, не претендуя

на правомерность, хотел бы поделиться некоторыми своими выводами и суждениями, в частности, на основе деятельности Кемеровской областной комсомольской организации.

Меня, как и других активистов, на разных этапах четвертьвекового комсомольского периода, никогда не назначали, а выбирали товарищи по работе или по учебе. Вдумаемся в это слово выбрать — ведь стараются выбрать лучших. основополагающим критерием, который всегда учитывался при выборах комсорга — организаторские способности кандидата, его личное отношение к работе или к учебе и к общественным делам.

Именно доверие ребят и ответственное отношение к своим обязанностям высекали огонь инициативы в первичных организациях. Комсомол обладал разнообразными и эффективными методами формирования трудового и нравственного воспитания личности. Комсорги, в подавляющем большинстве, были людьми увлеченными и по-своему интересными. Мы работали в комсомоле много и от души. У нас не было чиновничества, мы по-товарищески критиковали друг друга, учились работать с различными категориями молодежи и учили других. Эта работа требовала максимальной отдачи, хорошей жизненной подготовки по многим направлениям. Мы вместе строили будущее.

Руководителей комсомольских организаций в те годы знали не только товарищи по работе. Они были известны повсеместно — на заводе, на шахте, в городе и на селе, с ними считались руководители предприятий. Вожаки молодежи настойчиво защищали права молодых рабочих, помогали им в учебе, в продвижении на работе. Комитеты комсомола всех уровней использовали право широкой

инициативы в обсуждении и постановке перед хозяйственными органами вопросов, касающихся различных аспектов жизни молодежи. Комсомол воспитывал настоящих патриотов, готовых пойти на самые трудные испытания во имя интересов Родины.

Здесь вполне уместно несколько строк уделить «Комсомольскому прожектору». Считаю, что в Кузбассе это была одна из действенных инициатив, которая имела конкретную отдачу на производстве и в воспитании молодых тружеников. Материалы рейдов «Комсомольского прожектора» доводились до рабочего коллектива, обсуждались на собраниях и рапортах руководителей, публиковались в средствах массовой информации. Гласность была одной их характерных особенностей работы комсомольских активистов области того периода.

Молодежь внесла огромный вклад в создание индустриальной мощи Кузбасского региона. В жизни комсомола области много ярких страниц, отражающих неуюмую комсомольскую действительность тех дней, которые навсегда сохранились в памяти. Комсомол Кузбасса был на виду у всей страны. Поверьте, это не пафосные слова. Молодежь находилась на переднем крае трудовых свершений. Само время давало уроки мужества, добра и справедливости, воспитывало чувство сопричастности к тому, что происходило вокруг. Ударными комсомольскими стройками объявлялись практически все строящиеся крупные промышленные объекты, всего на территории области действовало около 40 ударных строек, над которыми шефствовал комсомол.

Если строительство Кузнецкого металлургического комбината (КМК) — подвиг молодежи тридцатых годов, то флагман третьей металлургической базы страны —

Западносибирский металлургический завод (Запсиб), объявленный на 13 съезде комсомола в 1958 г. Всесоюзной комсомольской стройкой, строили дети и внуки «кузнецкстроевцев», повторившие трудовой подвиг своих отцов и дедов.

В то время Новокузнецк не случайно называли городом романтиков. Звездный час комсомольцев всех поколений Новокузнецка — награждение городской комсомольской организации в связи с 50-летием ВЛКСМ в октябре 1968 г. орденом Ленина за большой вклад комсомольцев и молодежи в строительство и развитие Кузнецкого металлургического комбината и Западно-Сибирского металлургического завода и активную работу по воспитанию молодежи.

По вполне понятным причинам мои воспоминания адресованы нынешней российской молодежи, которая всегда должна помнить: «Нам счастье досталось не с миру по нитке — оно из Кузбасса, оно из Магнитки».

Я из Кузбасса.

Всем ветеранам ВЛКСМ, кто в годы пятилеток создавал индустриальное сердце Сибири, перекрывал все-союзные угольные рекорды, с максимальной отдачей осваивал металлургические комплексы и химические агрегаты, желаю крепкого здоровья, неиссякаемого комсомольского задора, а нынешней молодежи новых трудовых свершений и успехов.

*Погружаясь в прошедшее время,
Задаю непременно вопрос:
Сохранилась ли связь поколений?
Или пущено все под откос?*

*— Не ищите ответ однозначный.
Связка жизненных качеств не та.
Я не верю в «откос». Это значит
Будет связь поколений. Всегда!*

Глубоко убежден, что в обществе было бы положительно воспринято кардинальное решение а рамках государства о возобновлении деятельности союза молодежи России в 2018 году — в год столетия образования нашего комсомола.

МОЙ ТОВАРИЩ КОМСОМОЛ

Как-то мой молодой коллега после работы над документами к важной конференции почтительно воскликнул: «Ну, Михаил Иванович, вы — комсомолец!» Так высоко оценил начинающий дипломат наши совместные непрерывные часовые бдения над бумагами. А он думал, что возраст и седины — помеха в работе? В ответ я только усмехнулся. А ведь юноша-то прав, я остался комсомольцем. Тем мальчишкой с упрямыми плечами, никогда не опускавшим в землю глаз, с радостной уверенностью, что покорил время и живу уже в будущем.

Хорошо, что у современной молодежи комсомол остался в ореоле героик, а то время, «когда дружил с адреналином пафос», сегодня вызывает у них уважение.

56 лет назад я вступил в ряды ВЛКСМ. Мы, 20 подростков, отличники учебы ПТУ № 4 при машиностроительном заводе имени М. В. Хруничева (сегодня завод называется «Государственный космический научно-производственный центр имени М. В. Хруничева») стояли в коридоре, ожидая вызова на заседание комитета

комсомола, и повторяли-повторяли комсомольский Устав, историю становления молодежного движения, дискутировали о международном положении, предполагали, какие вопросы зададут старшие товарищи во время приема в комсомол. Сердце от чувств и эмоций билось так сильно, как будто вот сейчас, в эту минуту, страна моя прикажет совершить геройский подвиг. И мы были готовы совершать, строить, открывать, добывать, защищать, помогать и никогда не сдаваться.

Каждый долгий путь начинается с одного, с первого шага. С октября 1962 года я обрел свой комсомол. И с тех пор профессиональная карьера и мой «товарищ Комсомол» всегда шли плечом к плечу.

И полетела молодость вперед. Первое поручение и первое назначение — старший группы по учебе на курсе в ПТУ, надо было тянуть 12 отстающих, помогать им в подготовке к занятиям, тогда нас так и называли «буксирами». Учился и сам ответственности, исполнительности, терпению, дружбе и такту. В тот же год меня избрали членом бюро комсомольской организации ПТУ.

После окончания училища и успешной защиты выпускного проекта о заправке двигателя установки для запуска ракет был принят в механосборочный цех № 21 слесарем-сборщиком. Настоящая работа, взрослая жизнь и серьезные дела: дежурства дружинником по Филёвскому району и организация внутривзаводского движения «Прожектор». Комсомольцы выявляли недостатки и предлагали пути решения различных проблем, например, как рационально использовать остатки дорогостоящего металла при изготовлении деталей. Комсомольский «Прожектор» не только критиковал, освещая недочеты в производстве или бракоделов в заводской

газете или на собраниях, но и отмечал добросовестный труд и высокое качество работ молодых специалистов-комсомольцев.

Абсолютную ответственность за все происходящее я осознал, работая комсоргом механосборочного цеха. 250 комсомольцев, все активные, целеустремленные, «в сердцах горячих бился пульс идей» и уникальная атмосфера братства и доверия. Мы выделялись из общей массы энтузиазмом, энергией и зрелым отношением к работе. По инициативе заводской и цеховой комсомольской организации еще в первой половине 60-х годов были проведены первые конкурсы профессионального мастерства по рабочим специальностям среди молодых заводчан. Позже наше конкурсное движение на звание «Лучшего в профессии» поддержали и другие предприятия Москвы. За эту инициативу был награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ и золотым значком.

В 1965 году меня избирают заместителем секретаря комитета комсомола завода (комитет был на правах райкома). Было интересно жить: слеты, смотры художественной самодеятельности, всесоюзные конференции, спортивные состязания, субботники, выпуск газеты, походы, КВН. Друзья, работа, песни, ощущение полноты жизни. И все это мне дарил мой «товарищ Комсомол».

В те года в советской армии были созданы ракетные войска стратегического назначения. Отказавшись от брони, я решил пойти в армию. 3 года в рядах Вооруженных сил СССР. Комсомол рядом. Хотя уже был принят в члены КПСС. После успешных учений было присвоено звание «старшина» и назначение — заместитель начальника политотдела военной части по работе с комсомольцами. Предложили поступить в Высшую школу

армейских политработников, отказался — завод ждет. Только вернулся из армии — и на общей конференции избран секретарем заводской комсомольской организации. Несколько тысяч ребят с активной жизненной позицией — огромная и серьезная для меня школа организационной работы. Комсомол растил лидеров, воспитывал патриотов. Комсомол дисциплинировал.

Судя по всему, мою работу, мое отношение к делу заметили. В 1969 году от парткома завода получаю рекомендацию на поступление в МГИМО на подготовительный факультет. Через год я — первокурсник факультета международного права одного из самых престижных вузов страны. Чтобы подготовиться к вступительным экзаменам, ежедневно после работы с 18:00 и до закрытия сидел в Библиотеке им. Ленина и учил, учил, учил.

Родился я в многодетной семье, отец — водитель, мама — кладовщик часового завода, маленький домик около речки Сетунь в совхозе имени Сталина, жилось тяжело, и только система советского образования и комсомол дали мне уникальную возможность стать дипломатом великой страны, дали правильный вектор в жизни.

В институте меня окружали дети из партийной и правительственной элиты, но комсомольская закалка, родительское воспитание и знания (даже прозвали меня в институте «книжник») позволили завоевать уважение всех, в том числе стилиг и бунтарей. Уже на первом курсе однокурсники избирают меня своим комсомольским вожаком, а на втором курсе членом партбюро института. Много работы и приобретение уникального опыта координационной деятельности. Я искренно верил в идеалы комсомола, который нас всех, таких разных, объединял.

Мой мастер-наставник на заводе Анатолий Иванович Машков мне, юнцу, часто говорил: «Помни, безусая гвардия, совершенно не важно, как много ты работаешь, главное — результат. Силы всегда найдутся для победы».

После сдачи экзаменов каждое лето выезжал комиссаром в составе студенческих отрядов. Мы, будущие дипломаты, выбрали север — Магаданскую область. В поселке «Угольный» около порта Зырянка в тяжелейших условиях вечной мерзлоты смогли построить первый жилой трехэтажный дом со всеми удобствами. Жители поселка и шахтеры радушно встретили нас и каждого, буквально каждого бойца отряда благодарили за работу. Днем была стройка, интенсивная — надо же успеть за время летних каникул, а вечера насыщены встречами, читали лекции по международным и внутренним вопросам, говорили о молодежной политике, и даже о здоровом образе жизни, устраивали концерты для поселян и рабочих шахт и порта.

Еще одна поездка была уже за рубеж — в Польшу по программе международного обмена студентами, мы выехали в польскую столицу, а студенческий отряд Варшавского экономического института приехал к нам, в СССР. Отряд комсомольцев МГИМО построил за полтора месяца двухэтажный продуктовый магазин, который функционирует до сих пор. В составе того студенческого отряда был и Андрей Карлов — будущий Чрезвычайный и Полномочный Посол, Герой Российской Федерации, трагически погибший в Турции.

Много впечатлений, эмоций и испытаний нашему студенческому отряду принесла поездка в восточную часть страны на Сахалин и другие прилегающие острова. Мы строили жилой район и морской причал для рыб-

совхоза, было, конечно, непросто, но опять-таки каждый из нас, движимый благородной целью помочь людям, доказать себе, что ты не слабак, быть верным правилам в жизни, выполнять обещания, легко преодолевали сложности в работе. Ну, а незабываемые вечера, как пел Юрий Визбор, «где я бросаю камешки с крутого бережка далекого пролива Лаперуза...», снимали дневную усталость. Работу заканчивали и брали в руки гитары, на наши концерты собирались все местные жители. И даже лекции для рабочих рыбсовхоза по международным вопросам у нас превращались в доверительные беседы. Возвращались в Москву счастливыми и гордыми за выполненную работу, за которую получили благодарность от руководства Сахалинского обкома ВЛКСМ и КПСС.

А затем началась дипломатическая карьера. В Центральном аппарате МИД работал в 4 европейском Отделе и Департаменте, в Консульском Департаменте (Управлении) на различных дипломатических должностях в разных странах: Польша, Украина, Турция, Туркмения. В 2003 году за добросовестное и профессиональное выполнение обязанностей Генерального консула Российской Федерации в Турции мне был присвоен ранг — Чрезвычайного и Полномочного Посланника 2 класса.

Несколько лет профессиональная карьера была связана с организацией и открытием представительств МИД России в разных регионах страны. Для этих целей в Консульском департаменте МИД был открыт специальный отдел по работе с этими представительствами, руководителем которого назначили меня. В течение 90-х и начале 2000-х годов были открыты и начали работать представительства МИД в 37 регионах нашей страны от западных до восточных границ России.

...Школу ВЛКСМ прошли более 200 миллионов юношей и девушек всех национальностей. Учились отваге и правде, жили делами, дружбой, событиями... И теперь, на склоне лет «товарищ Комсомол» — мой надежный и сильный друг, мы шагаем вперед вместе, не останавливаемся, чтобы открыть новые пути и покорить новые вершины.

Колдовский Виталий Константинович
Чрезвычайный и Полномочный Посланник
2 класса в отставке

О ТОМ ВРЕМЕНИ С ЛЮБОВЬЮ

Друзья шутят, что моей фамилии присуща некоторая магическая составляющая. Предки занимались, судя по всему, своеобразным промыслом. Тем не менее, собственную судьбу предвидеть не удалось. То, что почти сорок лет жизни будут посвящены комсомолу и дипломатии, было для меня неожиданностью. В школьные годы, в период работы фрезеровщиком на заводе, затем учебы в кораблестроительном институте мечтал о морских путешествиях. После окончания института был направлен мастером на крупнейшую в стране судостроительную фабрику — Черноморский судостроительный завод в г. Николаеве. Там-то и случился этот поворот. Началось все с избрания председателем Совета молодых специалистов, комсоргом завода, а затем секретарем Николаевского обкома ЛКСМ Украины. В 1966 году был переведен в аппарат ЦК ВЛКСМ, в котором работал ответственным организатором, зав. сектором и зам. заведующего Отделом комсомольских органов. Комсомольская работа затянула, скорее всего, из-за осознания ее полезности.

На заводе, даже таком крупном, как николаевский судостроительный, любой руководитель на виду. Завоевать доверие шестнадцати тысяч молодых рабочих и служащих — непросто. Надо было делом защищать их права, решать вопросы условий труда и быта. Помогала поддержка директора завода — видного кораблестроителя А. Б. Ганкевича, парткома, профсоюза. В свою очередь, комсомольская организация старалась быть полезной коллективу завода организацией производственных субботников, конкурсов новаторства, помощью училищам фабрично — заводского обучения, работе пионерлагерей и др. Приходилось уделять много внимания обществам, в которых проживало более пяти тысяч человек, (кстати, там же жил и я, делил комнату с Е. Рудаковым, будущим вратарем сборной СССР по футболу).

Вспоминая те годы, выделяю дорогое для меня непосредственное участие в создании музея всесоюзного значения, посвященного подвигу юных героев-комсомольцев, старшекласников школы в селе Крымка, Первомайского района, в годы войны организовавшим во главе с классным руководителем подпольную организацию «Партизанская искра», которая погибла от рук фашистских захватчиков.

Дальнейшая работа в ЦК ВЛКСМ расширила кругозор, помогла лучше узнать страну. По роду обязанностей больше всего был связан с деятельностью комсомольских организаций союзных республик, в первую очередь, в Прибалтике и Белоруссии, а также с реорганизацией Высшей комсомольской школы в полноценный педагогический ВУЗ. В воспоминаниях о Белоруссии всегда всплывают слова припева одной из песен военных лет:

«Украина золотая, а Белоруссия родная». Точнее не скажешь об этом крае, где живет удивительно скромный, терпеливый и отзывчивый народ. Да и у белорусского комсомола можно было многому поучиться. Прибалтика поражала неприязнью к «московским порядкам», национализмом. Я с симпатией относился к комсомольским кадрам этих республик, видел, в каких непростых условиях им приходится работать. Они отвечали мне взаимностью и однажды даже обратились к первому секретарю ЦК ВЛКСМ с просьбой дать мне возможность чаще посещать Прибалтику. Работа приносила удовлетворение. Раздражало, правда, что комсомольские комитеты старались излишне копировать парторганы, что нередко приводило в стиле их работы не иначе, как к отталкивающей молодежи, карикатурной «солидности».

В наши дни можно услышать пренебрежительные отзывы о комсомольских работниках в том плане, что это ничем не брезгующие карьеристы, не верящие ни во что функционеры и т. п. Конечно же, имелись и такие. Хочу, однако, заверить: их было не больше, чем среди чиновничьей братии тех и нынешних лет. Молодости вообще присуща стремительность в помыслах и делах, но в большинстве случаев, как мне представляется, речь идет о задиристом идеализме, а не о расчетливым прагматизме. Этот самый прагматизм приходит позже.

Как бы то ни было, лимит комсомольской молодости брал свое, и когда в 1973 году появилась возможность поехать на работу в наше Посольство в Белграде, заниматься молодежными связями между двумя странами, воспользовался ею. Я благодарен судьбе за это. Она помогла найти профессию, которую я любил и отдал ей практически 25 лет жизни.

Новая работа складывалась непросто. Не хватало профессиональной и языковой подготовки. С благодарностью вспоминаю помощь опытных дипломатов: А. Л. Никифорова, А. М. Карпачева и др. Я не ограничивался рамками молодежных связей, старался понять многонациональную Югославию. Появилось много друзей в творческой среде. Познакомился с литературной классикой, самыми известными историко-культурными памятниками, овладел сербским и хорватским языками, стал понимать словенцев и македонцев. Конфликт между СССР и СФРЮ 1948 года, не прекращавшееся идеологическое противостояние КПСС и СКЮ не подорвали, к счастью, теплых чувств южных славян к России. Доброжелательность чувствовалась на каждом шагу. Один лишь пример. В 1975 году мне поручили сопровождать в поездке по Сербии главного редактора журнала «Огонек» А. В. Сафронова. Он был приглашен И. Тито в связи с тридцатилетием Победы. В годы войны А. В. Сафронов побывал в Главном штабе партизанского движения Югославии и стал автором нескольких партизанских песен. Во время обеда в придорожном ресторанчике уже разнесся слух о нас и вдруг сосед по столу неожиданно положил голову на мое плечо, заплакал и признался, что он сотрудник госбезопасности, но ему стыдно за поручение «проследить за приехавшими русскими». Случай курьезный, но свидетельствует о многом.

Несмотря на мои усилия, все же знаний явно не хватало. Поэтому в 1976 году поступил в Дипломатическую академию МИД, окончил ее с отличием. Во время преддипломной практики в нашем Посольстве в Ирландии удалось, хоть и на короткий срок, поступить в Дублине на учебу в Тринити колледж, что бесценно помогло

в совершенствовании английского языка. Работа в небольшом посольстве вынуждает каждого дипломата заниматься многим. Сложилось, в частности, хорошие отношения с ирландскими коммунистами. Не забуду обращение «по-дружески» ко мне второго человека в партии передать неофициально в ЦК КПСС их просьбу не приглашать часто ирландских коммунистов на отдых в Москву, поскольку «по возвращении они, как правило, выходят из партии»

Вторая командировка в Белград первым секретарем, а затем советником Посольства, затянулась на семь лет. О загруженности говорит тот факт, что побывать за эти годы на Адриатике смог всего два дня, и то по служебной надобности. Посольству приходилось сталкиваться со многими неожиданными проблемами. К счастью, возглавлял коллектив Н. Н. Родионов, умный, прозорливый человек. В октябре 1979 года мне пришлось сопровождать его на охоте, устроенной высшим руководством СФРЮ для глав диппредставительств. Так случилось, что я на приеме оказался практически рядом с И. Б. Тито. До сих пор не могу объяснить, как я то ли разглядел, то ли почувствовал, что он серьезно болен. Поделился с послом своей догадкой и он тут же поручил подготовить информацию для Москвы. Она оказалась в «точку». Дней через десять, неожиданно для населения страны, И. Тито был госпитализирован и оставался в больнице до своей смерти в мае 1980 года.

Незабываемым оказалось знакомство с Патриархом Пименом, посетившим Белград по приглашению Патриарха Сербской православной церкви Германа. Посол попросил помогать делегации РПЦ. Не знаю, как мне, «закоренелому» атеисту, удалось завоевать доверие

иерархов. По приглашению Патриарха Пимена, во время отпуска, побывал у него в гостях в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. А с Любляно-Загребским митрополитом Иоанном даже подружились.

По возвращении в Москву был назначен зав. отделом Югославии в Управлении соцстран МИД. Должность давала возможность вплотную заняться укреплением договорно — правовой основы двусторонних отношений. При поддержке руководства и профильных управлений МИД, во взаимодействии с соответствующими Союзными министерствами удалось подготовить проекты Договоров о признании эквивалентности дипломов о высшем и среднем образовании, об оказании правовой помощи по гражданским и уголовным делам, Консульской конвенции, Долгосрочной программы экономического сотрудничества. Эти документы были подписаны в ходе визита М. С Горбачева в СФРЮ в 1989 году.

Сложным испытанием оказалась должность советника — посланника в Посольстве СССР, а затем РФ, в Югославии. Распад страны и вспыхнувшая там братоубийственная война требовали от посольства оперативной и правильной оценки происходящего, с чем коллектив в целом справлялся. Тяжким бременем на посольство легла гибель корреспондентов Гостелерадио СССР В. Ногина и Г. Куренного. Было видно, что в Белграде не заинтересованы в прояснении картины случившегося. Будучи в тот момент Поверенным в делах, предпринимал все возможное для розыска ребят. Пришлось даже встретиться с лидерами криминального сообщества. Однако никто не хотел, а скорее всего, боялся помочь. Тот, кто не был в Югославии в те дни, вряд ли сможет поверить, что в современной цивилизованной Европе гражданская

война приобретет такой беспощадный, не побоюсь сказать, звериный характер. У военнослужащих батальона ВДВ, входившего в состав международных миротворческих сил, с которыми приходилось встречаться, была только одна оценка происходящего — «беспредел». В крайне сложной ситуации оказался и сам я в осажденном сербами Сараево. Находящейся в городе тот момент парламентской делегации Хорватии без всякого сомнения, грозила гибель. В отчаянии хорваты обратились ко мне за помощью, их руководитель буквально рыдала. Моральный долг не давал права им отказать. С помощью командующего Сараевским военным округом Югославской народной армии помог делегации благополучно покинуть город. Решение пришлось принимать самостоятельно. Связи не было ни с нашим Посольством в Белграде, ни с Москвой. Мой поступок в МИДе восприняли с пониманием.

В заключение хочу выразить признательность руководителям комсомола Е. М. Тяжельникову и Б. Н. Пастухову, которых также не обошло «испытание» дипломатией, за их внимание и доброжелательность. Пока живу, с благодарностью буду вспоминать своих дорогих сердцу наставников — заместителей Министра иностранных дел, Послов СССР в Югославии Н. Н. Родионова и В. Ф. Мальцева.

Чернов Константин Михайлович
Чрезвычайный и Полномочный Посланник
I класса в отставке

«ШКОЛА КОМСОМОЛА — ШКОЛА ЖИЗНИ»

Нам, пацанам тридцатых годов прошлого века, сейчас под 90. Мы вместе с родителями прошли коллективизацию, знали предупреждение вождя о том, что если мы не одолеем свою вековую отсталость от передовых стран, то нас сомнут. Радовались сообщениям по радио, что создаются новые заводы и фабрики. Бегали за грузовыми автомашинами, тракторами, которые появлялись даже в таких глухих местах, как наш поселок Батурино, что на реке Чулым в Томской области.

С началом Великой Отечественной войны жизнь посуровела. С уходом мужчин на фронт везде их заменили женщины, старики и подростки. В летние каникулы я вместе со своими сверстниками, начиная с 1942 года, заготавливал живицу — смолу хвойных деревьев, участвовал в строительстве ряжей и понтонов на судоверфи. В 14 лет вместе с братом (он был на два года старше меня) начал работать грузчиком. Тяжко было, но из наших сверстников выдюжили только мы.

В 1947 году закончил Батуриинскую среднюю школу и 16 мая был принят в Комсомол. После окончания старейшего в Сибири Томского государственного Университета в 1952 году работал по специальности — экономистом в Красноярском Крайплане. В середине 50-х годов был выдвинут на общественную работу, и за 8 лет прошел путь от секретаря райкома комсомола до лидера молодежи края и члена ЦК ВЛКСМ.

Особо значимым для жизни комсомола и всей страны стал 1956 год. Тогда 19 мая руководство партии и правительства обратились к комсомольцам с призывом направить из своей среды 400–500 тысяч лучших людей на новостройки в восточные и северные районы страны. Они услышали призыв руководства и откликнулись на него. На первом слете молодых строителей, проходившем в Красноярске в сентябре 1963 года, с участием первого космонавта Юрия Гагарина, заместителя председателя Совета Министров СССР, секретарей ЦК ВЛКСМ Сергея Павлова и Абдурахмана Везирова, руководителей комсомола Украины и Белоруссии Юрия Ельченко и Льва Максимова было отмечено, что за семь лет на новостройки Сибири и Дальнего Востока по комсомольским путевкам прибыло около 600 тысяч человек. Наш край оказался в эпицентре этих событий.

Комсомольцы и молодежь становились решающей силой в преобразении края. Из 111 тысяч строителей 65 тысяч составляла молодежь, в том числе 42 тысячи комсомольцев. И это были не только «аборигены». Сибирские исполины строила вся страна. Здесь были посланцы Москвы и Ленинграда, Украины и Белоруссии, Ростовской области, Марийской республики, Молдавской ССР...

В те годы у нас в крае было 12 всесоюзных ударных комсомольских строек, и судьба каждой из них была уникальной. Скажем только о двух: Норильском комбинате и Красноярской ГЭС. Комбинат с самого начала, с 1935 года, замышлялся как особо важный объект по выпуску десяти тысяч тонн никеля и меди уже с 1938 года. Но суровое Заполярье внесло поправки. И только через 7 лет, 1 Мая 1942 года гудки всех заводов и котельных Норильска известили, что первые 1200 кг никеля были отправлены паровозом с одним вагоном в Дудинку.

Потом производство никеля было успешно освоено. По воспоминаниям В. Н. Ксинтариса, ветерана комбината, в годы войны были обстоятельства, когда с фронта снимались эскадрильи самолетов, чтобы вывезти на Урал никель и кобальт Норильска для производства танков.

«НОРИЛЬСКАЯ ГОЛГОФА»

О Норильске уже тогда складывалась молва как о таинственной и драматичной точке страны. В первые 20 лет существования комбината его главной рабочей силой был спецконтингент. В память о тех годах норильчане воздвигли в конце XX века мемориал с библейским названием «Норильская Голгофа».

Число прошедших через «Норильлаг» за все годы его существования определяется исследователями в 300 тысяч человек. Среди заключенных «Норильлага», внесших свою лепту в становление гиганта цветной металлургии, были выдающиеся люди:

Баев А.А, биохимик, академик, Герой соцтруда;

Федоровский Н. М. 1886 года рождения; его знал лично Ленин; профессор МГУ, один из основателей горной Академии в 1918 году (это «альма-матер» А. П. Завенягина и И. Ф. Тевосяна), по его учебникам воспитаны поколения горняков; в 1939 году осужден на 15 лет лагерей без права переписки, срок отбывал в Воркуте, Норильске; реабилитирован в 1954 году, восстановлен в научном звании;

Коляда В. Н. — год сидел в камере смертников на Соловках, 12 лет — в Норильских лагерях. Реабилитирован. С 1967 года заместитель директора Норильского комбината, лауреат Ленинской премии;

Гумилёв Л. Н., доктор наук, сын Н. С. Гумилёва и А. А. Ахматовой;

Жженов Г. С., актер;

Кугультинов Д. Н., поэт;

Мильчаков А. И., Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ;

Нанейшвили М. В., жена Генсека ЦК ВЛКСМ Александра Косарева

и тысячи других классных специалистов и достойных граждан.

О той поре написаны сотни книг, в том числе участниками создания Норильского комбината и города фундаментальный трехтомник документов («Норильский феномен»). Возможно, когда-то появится новый Данте и создаст свою «Божественную комедию» на Норильскую тему. И все-таки факт остается фактом, что со времен А. П. Завенягина (1938 год) на комбинате установилась практика смелого привлечения специалистов — заключенных к самым ответственным работам. Одно из таких дерзаний — свайное фундирование. Весь Норильск — заводы, объекты соцкультбыта, жилье — стоит на скале,

на сваях высотой 18–25 метров. Учитывая, что в 60-х годах прошлого столетия в Норильске применялось до 10 тысяч таких свай в год, специалисты разработали высокоиндустриальный метод возведения свайных железобетонных фундаментов в год. Это расценивалось как революция в строительстве. Трудоемкость возведения свай уменьшалась в 10 раз. Одиннадцать из его разработчиков удостоились Ленинской премии. Семь из них — бывшие узники Гулага.

После смерти Сталина сменилась эпоха. Летом 1956 года заключенных в Норильске оставалось 10 тыс. человек. По амнистии 1953 года в основном были освобождены уголовники. Вы помните фильм «Холодное лето 53 года»? Это и о Норильске. На свободе оказались паханы, которые пытались сохранить свое влияние, как прежде, на зоне. В Норильске и Дудинке начались угрозы, грабежи, вымогательства. Вольнонаемные вместе с добровольцами 56 года стали образовывать группы рабочей милиции, которые были неплохо организованы, действовали уверенно и навели порядок. Когда началась навигация на Енисее в 1957 году большинство вчерашних узников удалось отправить на «материк». Так была завершена замена спецконтингента на вольнонаемных. Комсомольской стройкой он стал с 1956 года. Право отправить первыми в Заполярье добровольцев было предоставлено двум столицам. Из Москвы и Ленинграда по комсомольским путевкам поехали 5600 человек. Это были передовики производства, лучшие выпускники ВУЗов, демобилизованные воины.

Норильчане готовились к приему добровольцев по формуле классиков: «чтобы трудиться, человек должен иметь пищу, одежду и жилище». Первую партию,

прибывшую на теплоходе «А. Матросов» 19 июня 1956 года, по приказу Министра поселили в новом доме. Но на всех добротного жилья не хватало. Поэтому были организованы многочисленные бригады, и все бараки, в которых ранее жили заключенные и охрана, перестроили в комнатную систему с коридорами, общей кухней, умывальником, санузлом. В каждом бараке обустроили радиоточку, телефон. Словом, сделали так, чтобы жилье не напоминало лагерь.

И все-таки эти условия сильно отличались от привычных на «материке»: там на заводах остались теплые цеха, уютные душевые, а здесь зима 1956–1957 годов, даже для аборигенов, выдалась очень суровой. Кое-кто дрогнул. Складывалась ситуация, которой не ожидали. Через 4–5 месяцев бывали дни, когда на работу не выходил каждый десятый из вновь прибывших.

В этой экстремальной обстановке выявился крупный изъян в приеме новичков. Сложилось так, что спецодеждой в лютые морозы в лучшем случае были только телогрейки да брезентовые робы и рукавицы. Перед бывшим хозяином комбината — МВД — оказались бессильны горком и крайком комсомола, местные партийные органы. Но безвыходных ситуаций ни на войне, ни на «гражданке» не бывает. Директор комбината А. Б. Логинов приказал изъять в охранных структурах 5600 новеньких полушубков и передать их новоселам. В центральных ведомствах поднялся вселенский шум: самовольство! Какими только карами не грозили директору — от увольнения до привлечения к уголовной ответственности. Алексей Борисович не дрогнул, дошел до А. Н. Косыгина. Тот выслушал и сказал: «Другого выхода у тебя не было. А от выговора никуда не уйдешь!»

Преодолевая трудности начального периода стал формироваться актив. В апреле 1957 года состоялась первая комсомольская конференция строителей, на которой секретарем комитета ВЛКСМ избрали Владимира Бирюкова, посланца Ленинграда. Он был человеком-трибуном, обаятельным и волевым. В состав комитета комсомола вошли Леонид Иванов, вскоре избранный на съезде членом ЦК ВЛКСМ, орденосец Евгений Французов, а также Татьяна Златинская, классный проектировщик. Как показало время, это были настоящие «гвардейцы». Прежде всего, Комитет комсомола по-корчагински выдвинул лозунги: «Не пицать!», «Сдать экзамены на профессии строителей на "хорошо" и "отлично"», «Объявить открытый бой беспорядкам в быту и на производстве», что получило широкую поддержку самих добровольцев. Ветераны готовили новоселов к труду и жизни в условиях Заполярья.

Но все понимали, что это было лишь начало. Ведь только на стройках города трудилось 12 тысяч человек, их них 8 тысяч молодых. Чем занять такую прорву народа? Иванов и Бирюков инициировали создание оборонно-спортивного клуба. От крайкома ВЛКСМ выезжала в Норильск бригада опытных комсомольских работников, финансистов, юристов помочь этому клубу. Они сообщили на бюро крайкома: «С марта 1958 по август 1961 на различных курсах подготовлено 2892 специалиста, из них: шоферов 758, трактористов 1189, мотоциклистов 355...». Согласитесь — масштабная работа! Это была весомая помощь управлению строительства в подготовке кадров и надежная опора в жизни для каждого молодого человека. За короткий срок с массовым привлечением всей городской молодежи, при активной поддержке руководства

комбината, горкома ВЛКСМ и городских властей были построены телецентр, плавательный бассейн, а закрытому спортивному комплексу не было аналогов в крае.

По оценке горкома партии, громадную, неоценимую помощь руководству комбината оказал в переходный период Норильский комсомол. Его возглавляли в те годы П. Федирко, В. Шубодеров, В. Чалов, И. Аристов, выросшие впоследствии в крупных государственных и общественных деятелей: Павел Федирко потом 15 лет избирался первым секретарем Красноярского крайкома партии, и удостоен звания почетного гражданина Красноярского края; Игорь Аристов вырос до заместителя директора комбината и первого секретаря горкома партии. Он почетный гражданин Норильска.

С именем директора комбината В. И. Долгих и многотысячных коллективов геологов, горняков, металлургов и строителей связано начало развернутых действий в начале шестидесятых годов по развитию Норильского комбината на базе богатых руд Талнахского месторождения. В народе эту группу месторождений называют «Остров сокровищ». И еще говорят, что открытое на Талнахе в 60-х — это надежная рудная база на 100 и более лет.

Существовавшие на комбинате заводы уже не могли справиться с переработкой руды с Талнаха. Была поставлена задача построить металлургический завод «Надежда», который должен увеличить мощности по выпуску металла в 4–5 раз и обеспечить ежегодное производство до 160–200 тысяч тонн никеля и по 400–500 тысяч тонн меди.

Все преемники В. И. Долгих на посту директора комбината Машьянов Н. П., Колесников Б. И., Филатов А. В., Хагажеев Д. Т., инженерный корпус, многотысячный

коллектив тружеников комбината внесли свою лепту в решение этой сверхзадачи государственного масштаба. Всем миром она была выполнена. По постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР к ее решению были привлечены союзные министерства и сотни предприятий страны. Тысячи передовиков производства за трудовые успехи по освоению Талнаха были награждены орденами и медалями, а пятеро удостоены звания Героя социалистического труда.

Придавая большое значение труду комсомольцев-строителей, приказом директора комбината рудник «Маяк» был переименован в рудник «Комсомольский», а Президиум Верховного Совета СССР наградил городскую комсомольскую организацию в 1966 году орденом Трудового Красного Знамени за активное участие в коммунистическом строительстве.

На церемонию вручения приехал секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Камшалов. По инициативе руководителя краевого комсомола Олега Колесниченко и вождя норильской молодежи Игоря Аристов, на многотысячном митинге на центральной площади Норильска был заложен памятный камень с необычной надписью: «Здесь будет установлен обелиск, всегда напоминающий о подвиге норильчан, построивших комбинат и город». Это тронуло за душу и тех, кто когда-то сидел за колючкой и тех, кто приехал сюда добровольно.

В дни торжеств вспоминали о былом, думали о перспективе. Для большинства посланцев Москвы и Ленинграда комбинат и город стали родными. Они приобрели здесь профессии, выросли как специалисты, создали семьи.

Ветераны Норильска и молодежь воспринимают приезд комсомольского десанта 1956 года как Знаковое событие в истории города и комбината. Им была завершена замена спецконтингента на вольнонаемных.

ДАЕШЬ ГЭС!

Летом 1958 года в Красноярск приехала секретарь ЦК ВЛКСМ Любовь Балясная. Сопроводить гостью на строительство Красноярской ГЭС поручили мне. Мы побывали на стройплощадке, в общежитиях. На всех встречах говорилось о недостатках в организации труда, бытовой неустроенности. Наши собеседники рассказывали нам, что сейчас на стройке около 300 семей (в том числе с грудными детьми) проживают в палатках и другом, не пригодном для зимних условий жилье, а до морозов-то осталось 4–5 месяцев... И пока нет никаких перспектив на улучшение жилья, а на человека приходится 4,8 квадратных метра. На стройке, казалось, не хватало всего: нужны были магазины, столовая, хлебопекарня, медпункт, аптека, почта, больница, клуб, ясли, детсад, школа, спортплощадка и многое другое.

Балясная была уже опытным политработником и остро поставила вопрос перед начальником стройки С. Г. Цесарским о необходимости устранения недостатков. В крайкоме ВЛКСМ она отчитала нас за положение дел на ударной стройке. Мы получили серьезный урок.

Проводили Л. К. Балясную сдержанно, без лишних слов и эмоций. Евгения Ротанова, наш первый секретарь крайкома, сразу улетела в Норильск, а меня ждали встречи со строителями дороги Абакан — Тайшет. Но жизнь внесла свои коррективы. Через пару суток

после отъезда Балясной раздался звонок из крайкома партии. «Вас срочно просит зайти Кокарев» (первый секретарь крайкома). Александр Акимович сразу сказал: «Тебя ждет сложная поездка в Москву. Балясная доложила о положении на строительстве ГЭС. Состоится бюро ЦК ВЛКСМ. Начальника стройки министерство уже вызвало, тебе надо вылететь завтра».

Всю ночь я готовился к предстоящему заседанию бюро ЦК ВЛКСМ, а утром Ил-14 взял курс на Москву. Погода всерьез испортилась, нас сажали в каждом областном центре, где объявляли: «Из-за метеоусловий вылет откладывается». Наконец затянувшийся полет завершился. Сажусь в первое такси и мчусь в центр. В ЦК иду к залу заседания, представляюсь. Дежурный говорит: «Ну, ты молодец! Заседание только что закончилось. Жесткий был разговор!». И действительно через 3 дня министерство освободило Цесарского от занимаемой должности.

Из зала выходят люди, наш куратор мне сообщает: «Встречи с тобой начнутся завтра». Выходит, что авиация выручила? Прибудь вовремя, я в лучшем случае отделался бы выговором, но заочно наказывать меня не стали.

На следующий день после бюро встретился с сотрудниками отделов ЦК. Это было первое мое хождение в нашем комсомольском штабе. Могу подтвердить: спрашивать там умели! В конце дня меня принял Сергей Павлов. Он был избран секретарем ЦК за 4 месяца до этого, и я впервые встретился с ним. Спортивного вида человек, похож на Есенина. Он был строг и краток: «Надеюсь, Вам все рассказали о решении бюро ЦК? Что же Вы такую беззубость проявляете? Передайте в крайкоме партии

и Ротановой: жизнь дает вам шанс исправиться. Трудитесь». На душе просто погано: хотя я работаю в крайкоме всего сто дней, но мы тоже в ответе! Это был для меня урок на всю жизнь.

После бюро ЦК о наших ударных стройках и крайкоме комсомола часто писали в газетах, нас критиковали, иногда поддерживали. В феврале 1959 года вместе с членом ЦК ВЛКСМ Леонидом Ивановым я прилетел на 4-й пленум ЦК ВЛКСМ, на котором планировалось обсудить вопрос «Об участии комсомольцев и молодежи в строительстве ста крупных предприятий на Севере и Востоке страны».

Вдруг мы оказались в центре внимания участников пленума. В докладе секретаря ЦК ВЛКСМ говорилось, что иногда в комсомольских штабах этих строек инициатива бьет через край. Так, штаб Назаровской ГРЭС даже послал телеграмму английской королеве Елизавете с просьбой помочь отгрузить оборудование, недопоставленное фирмами Великобритании. В перерывах между заседаниями нас засыпали вопросами и комментариями: то сравнивали депешу «назаровцев» с письмом запорожцев турецкому султану, то просили дать текст телеграммы. К сожалению, ни английская королева, ни официальный Лондон на этот сигнал не отреагировали, но в историю мы вошли.

По возвращению в Красноярск мы проинформировали А. А. Корорева о работе пленума. Он отчитал нас за депешу назаровцев: «Не надо прыгать через голову. Есть Минвнешторг, добивайтесь его поддержки. С королями есть кому разговаривать без вас».

После Цесарского полтора года стройку возглавляли начальники с приставкой «и. о.». В феврале 1960 года

пришел А. Е. Бочкин. Ознакомившись с положением дел, он образно сказал, что нас толкают идти с вилами на сибирского медведя.

В первоначальном проекте объем строительной базы был заложен ниже всяких минимальных пределов и все — во временном исполнении. Но как строить, если ничего нет? Бочкин остро поставил вопрос в министерстве о недопустимости такого положения. Пусть и не в полной мере, но ему удалось расширить производственную базу. Андрей Ефимович обладал талантом организатора, был человеком государственного уровня мышления. Ему удавалось решить то, что другим казалось не под силу. Эта особенность его натуры особенно ярко проявилась в схватке с министерством о возведении плотины с помощью непрерывно-поточной технологии. В народе ее называли «непрерывкой».

В основе метода была заложена мечта ликвидировать большинство ручных работ. Для его внедрения был создан комсомольско-молодежный участок основных сооружений во главе с бывшим первым секретарем Дивногорского горкома комсомола Виктором Плисовым и талантливыми специалистами. С ним пошли Саша Никольский — главным инженером, Эдуард Левин — механиком. Душой коллектива стал Володя Погребной — бригадир комплексной бригады. Их было 154 человека. Они должны были сказать: «быть или не быть».

Пустили «непрерывку» в феврале... Практика показала недопустимость и вредность этой затеи для Красноярской ГЭС. В мае следующего года сами подписали ей приговор: «Вести бетонирование обычным способом. Проект установки непрерывной подачи бетона подвергнуть принципиальной переработке».

В ходе становления коллектива «Красноярскгэс-строя» боевитой и незаменимой стала комсомольская организация. Ее возглавляли в разное время яркие люди: Юрий Афанасьев, выросший впоследствии до депутата Верховного Совета СССР и ректора гуманитарного университета в Москве; Вячеслав Олейников, ставший вторым секретарем Калужского обкома партии. Виктор Плисов, как личность состоялся еще на строительстве Красноярской ГЭС, потом успешно руководил партийными организациями городов Назарово и Ачинск, избирался первым секретарем Хакасского обкома партии, секретарем Красноярского крайкома партии, председателем крайисполкома, затем был назначен заместителем союзного министра.

Коллектив строителей ГЭС рос в основном за счет молодежи, приехавшей по комсомольским путевкам или уволенных в запас солдат. За годы строительства ГЭС здесь прошли школу мужания свыше 100 тысяч человек. Большинство из них не имели строительных профессий. Поэтому еще в 1958 году был организован Центр подготовки рабочих кадров, через который прошли тысячи людей, и они стали потом мастерами своего дела. Такое дотошное формирование коллектива и забота о его профессиональной подготовке оказали серьезное влияние на конечный результат: ГЭС была принята в эксплуатацию в 1972 году с оценкой «отлично». А четырьмя годами ранее, 25 октября 1968 года, был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Дивногорской городской комсомольской организации орденом Трудового Красного Знамени за вклад молодежи в строительство всесоюзной ударной комсомольской стройки Красноярской ГЭС.

За десять лет после жесткой критики в ЦК ВЛКСМ в 1958 году за недостатки в работе, комсомольская организация Дивногорска превратилась в одну из лучших в Советском Союзе.

25 сентября 1963 года гостем Дивногорска стал Юрий Гагарин. Город ликовал, встречая первого космонавта. Ему выпала честь уложить вместе со строителями бригад Павла Матвиенко и Ивана Голева первый бетон на чугунную плиту с надписью: «Первый бетон в котловане Красноярской ГЭС уложен участниками слета молодых строителей всесоюзных ударных комсомольских строек Сибири и Дальнего востока». Такие мгновения запоминаются на века.

В 1963 году в стране начались большие перемены: партийные комитеты поделались на промышленные и сельские. То же произошло в советах, комсомоле, профсоюзах. Мне сказали: «Вам за тридцать. Подбирайте себе преемника помоложе. Вас будем рекомендовать на партийную работу».

В 1963–1968 гг. избирался первым секретарем Центрального райкома партии Красноярска и всемерно содействовал пуску первой очереди Красноярского алюминиевого завода. КРАЗ — это всесоюзная ударная комсомольская стройка. В 1960 году на нее прибыли 3 тысячи демобилизованных пограничников, а затем ежегодно еще по 60–150 «погранцов» в течение 15 лет. Здесь они обрели свою судьбу: овладели строительными профессиями, создали семьи, построили завод и город, учились в техникумах и ВУЗах, избирались делегатами партийных, комсомольских и профсоюзных съездов. Руководством погранвойск страны в нашем крае был

создан 9-й запасной пограничный округ, который символически включили в пограничные войска.

Затем — учеба в Высшей партийной школе имени Карла Маркса в Берлине, работа в аппарате ЦК КПСС. В 1975 году избран секретарем Красноярского крайкома партии. На этом посту внес личный вклад в развитие университета и институтов, становление театра оперы и балета, строительство школ, больниц и домов культуры, всей социальной сферы, что содействовало росту экономического потенциала края. Эти будни находили общественное признание: меня избирали членом ЦК ВЛКСМ, делегатом XIV съезда комсомола и XXII съезда партии, 15 лет был депутатом советов разных уровней: районного, красноярского городского и краевого. Мой труд отмечен тремя орденами, а также медалями Советского союза, знаком «За активную работу в комсомоле».

КОГДА РУШАТСЯ СТЕНЫ

Моя дипломатическая служба началась в Северной Корее и сопровождалась неожиданными поворотами судьбы. Я работал советником посольства и секретарем парткома совзагранучреждений в КНДР. Сразу после нового года перед дипломатами выступил находившийся у нас в командировке Министр Украинской ССР по вопросам профтехобразования. Экономсоветник посольства Марушкин В. А. и я проводили с ним итоговую беседу. Вдруг мне позвонил посол Шубников Н. М. и попросил срочно зайти к нему. Он сообщил, что получил указание откомандировать меня в Москву. И добавил: «Видимо, Вас направят в другую страну». Это было неожиданно для меня, но я высказал предложение: прежде,

чем отбывать на Родину необходимо провести отчетно-выборную конференцию и мне отчитаться о проделанной работе. В Москве согласились. Я отчитался и через месяц был в столице. Меня сразу же принял заводделом загранкадров ЦК КПСС Червоненко С. В. и сказал, что имеется мнение направить меня на работу в совпосольство в Берлине: «Вы знаете страну, владеете немецким. Вам отводится месяц на стажировку в МИДе и других министерствах и ведомствах». Сообщил также, что принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении мне дипломатического ранга.

В марте 1984 года я прибыл в Берлин и на партийной конференции был избран секретарем объединенного парткома совзагранучреждений в ГДР и Западном Берлине. Командировка моя оказалась длительной — больше шести лет. Но я остановлюсь только на событиях последних трех лет, которые все изменили в ГДР, повлияли на расстановку сил в Европе

Осень 1989 года войдет в историю ГДР как время, насыщенное политическими событиями. Республика отметила свое 40-летие. В юбилейных мероприятиях принял участие М. С. Горбачев и выступил на торжественном собрании 6 ноября, встретился с руководством ГДР. Перед отъездом на Родину сказал послу Кочемасову В. И. вещие слова: «Народ нам не простит, если мы потеряем ГДР». А через 10 дней после его отъезда политбюро ЦК СЕПГ решилось сместить Хонеккера. Новый генсек Эгон Кренц уже 1 ноября 1989 года посетил Москву и подтвердил готовность применять опыт советской перестройки, но Горбачев не мог обещать каких-либо эффективных действий в поддержку союзника.

Перед новым руководством партии встали неотложные дела. Более ста тысяч человек, в том числе немало молодежи, покинули страну. В срочном порядке потребовалось разработать новый закон о поездках за рубеж. Было признано целесообразным придать этому решению форму постановления Совета Министров, а о содержании этого документа поручалось сообщить 9 ноября члену политбюро Гюнтеру Шабовскому на пресс-конференции. Отвечая на вопрос «когда новые правила вступят в силу», Шабовский, вместо того, чтобы назвать указанную в постановлении дату 10 ноября, небрежно сказал: «Насколько я понимаю, сейчас, немедленно».

Пресс-конференция транслировалась в эфир на ГДР и ФРГ. Услышав заявление Шабовского, толпа у КПП Бронхольм-штрассе росла, и пограничники уже насчитали в ней от 20 до 30 тысяч человек. Командующий пограничным участком Центр генерал Вельнер приказывает обеспечить организованное движение людей и автомашин, избежать любой конфронтации с населением. На основании этого приказа прекращается контроль на всех КПП стены. Бургомистр Западного Берлина Вальтер Момпер обращается к согражданам с просьбой принять с объездами всех посетителей из Восточного Берлина; Западный Берлин заполняют машины из ГДР «Трабант», «Вартбург». Таксисты не берут денег у пассажиров из ГДР, восточноберлинцев бесплатно угощают пивом в ресторанах и пивных заведениях. Автобусы, метро, городские электрички работают всю ночь. За 4 дня (9–13 ноября 1989 года) в Западном Берлине побывало более 3-х миллионов граждан ГДР.

В посольстве считали, что события 9 ноября сыграли роль «начала конца» ГДР. Они подорвали престиж

государства и продемонстрировали давление улицы на государственные органы.

После эйфории с поездками в Западный Берлин обстановка в ГДР с начала декабря 1989 года стала обостряться. Третьего декабря Эгон Кренц был освобожден от обязанностей генерального секретаря ЦК СЕПП, а шестого декабря оставляет пост Председателя Госсовета.

На утреннем совещании дипсостава в посольстве 16 января 1990 года посол сообщил, что вчера вечером организованная толпа взяла штурмом центральное здание бывшего МГБ и учинила там погром. Картотеки зарубежной агентуры МГБ «непонятным образом» очутились после этой акции в США. Также посол сообщил, что, по словам председателя Совмина ГДР Модрова, ходят слухи о возможных захватах парткомов и ратуш. Страх населения растет. Зачастили высказывания в пользу присоединения к ФРГ. На том же совещании посол распорядился: «Освободить кабинеты от хлама, подготовиться к кризисной ситуации и не допускать никакой беспечности! Жен в магазины в городе не пускать!»

Менялась позиция Москвы в отношении возможностей германского единства. Я встретился с послом и высказал предложение провести собрание партийного актива, чтобы сориентировать в обстановке сотрудников совзагранучреждений, т. к. дипломаты владеют информацией, а те, кто ежедневно работают с немецкими коллегами, многого не знают.

Такое собрание состоялось 28 марта 1990 года. С докладом выступил посол Кочемасов В.И. Он подчеркнул, что процесс объединения двух германских государств приобретает необратимый характер, набирает силу, курс на форсированное объединение Германии с тенденцией

к поглощению ГДР. На собрании была намечена программа конкретных действий, связанных с осуществлением перестройки торгово-экономических и научно-технических отношений с ГДР в новых условиях.

Я знал посла долгие годы, еще со времен его работы в Совмине РСФСР. Здесь, на финише своей дипломатической деятельности, он всегда с достоинством отстаивал державные интересы России. На этом собрании партактива 28 марта 1990 года был его последний доклад. Он еще раз показал всем своим соратникам, как надо держать удары судьбы. Уже будучи в отставке он говорил, что слава Богу, состоялся Архыз без него: с 1 июня 1990 года он уже был на пенсии.

Окончательные политические похороны ГДР состоялись во время встречи Горбачева с Колем в Москве и Архызе 15–16 июля 1990 года. Сколько тогда было восторгов в СМИ по поводу этой встречи! Но спустя несколько лет было признано, что если бы Советскому Союзу пришлось подписывать безоговорочную капитуляцию, то она вряд ли отличалась бы от итогов Архыза. Коснемся только вопроса об условиях вывода советских войск из бывшей ГДР не позже 1994 года. Коль обещал оказать многомиллиардную финансовую помощь в деле строительства жилья для офицерского состава выводимых из Германии частей Западной группы войск, но не выполнил своего обещания. В своих мемуарах канцлер писал, что этот план не выполнялся германской стороной и русские стали выдвигать новые претензии. В беседе с глазу на глаз с Ельциным Коль мог лишь сообщить, что не в состоянии выделить ни одного пфеннинга на дополнительные требования, и может лишь просить своего друга Бориса о снисхождении. Ельцин сказал: «Россия

не выдвинет требований к ФРГ. Я не причиню затруднений федеральному канцлеру». А ведь речь шла о десятках тысяч человек! Тем самым для германской стороны с этой проблемой было покончено. Потом Коль добавил: «Как русские справились с ситуацией, несмотря на отсутствие жилья, я не могу себе представить».

После завершения командировки я часто задавал себе вопрос: «Все ли сделал дипсостав, чтобы выстояла ГДР?» И отвечал: «Да, сделали все, что могли».

МИД СССР направлял в посольство в Берлине кадры высокой квалификации. И отзывал их также на ответственные должности. Так, Валентин Коптельцев с должности советника посланника, Александр Стасов и Владимир Шадов с должностей советников были отозваны на работу в ЦК КПСС. Из советников и первых секретарей нашего посольства были назначены послами Валерий Попов (Австрия), Владимир Гринин (работал в Австрии, Польше, ФРГ, Финляндии, был членом коллегии в МИДе) и Дмитрий Черкашин.

В горячую пору на пост советника — посланника в Берлине был назначен Игорь Максимычев. Западная пресса называла его «дотошным русским с ученой степенью доктор политических наук». Газеты не ошибались. Немногословный в будни, он был умелым переговорщиком и ярким оратором, по праву относил себя к громыкинцам, обладал большими знаниями и феноменальной памятью. Сам трудился без скидок на обстоятельства и не давал поблажек подчиненным. И немецкие друзья, и наши коллеги из посольств говорили про него, что в Берлине он появился в нужное время в нужном месте. Для нашего посла Кочемасова В. И., человека с выдержкой и самообладанием, большим опытом

государственной и дипломатической работы, он был надежным соратником. В начале 90-х Игорь Федорович вышел в отставку, но и сейчас востребован: он является главным научным сотрудником института Европы РАН, членом экспертного совета комитета по Международным делам Совета Федерации Федерального собрания, вице-президентом Лиги российско-германской дружбы. Его книга «Падение Берлинской стены» оценивается германистами как важное событие в общественно-политической жизни.

Завершу свои воспоминания на грустной ноте, но с надеждой, что такое больше не повторится. На вожжах СССР лежит вина за то, что они отказали в помощи своему союзнику, не оградили от преследований фемиды ФРГ своих сторонников из ГДР. Когда в объединенной Германии начались судебные процессы над людьми вся вина, которых состояла в том, что они верно служили своему государству, созданному при содействии СССР, мы и пальцем не пошевелили, чтобы их защитить. За последовавший за объединением период ФРГ было выдвинуто более 23 тысяч обвинений против бывших граждан ГДР; в 800-х случаях производилось судебное расследование; 300 человек были осуждены на тюремное заключение. Эти данные привел в своем сообщении в декабре 2004 года бывший премьер-министр ГДР Лотар де Мезьер. Он привел эти данные на научной конференции в дипломатической академии МИД РФ.

Подверглись репрессиям и бывшие руководители ГДР Эрих Хонеккер и Эгор Кренц. Хонеккер — бывший узник фашизма при Гитлере, дважды герой ГДР, герой Советского Союза, почетный гражданин Магнитогорска. После крушения ГДР Хонеккер был гостем

М. С. Горбачёва, но по требованию правительства России (Ельцина Б. Н.) выехал из нашей страны в Германию. Там он был арестован прямо в аэропорту и препровожден в тюрьму Моабит и пробыл там полгода. Затем по состоянию здоровья был освобожден из тюрьмы и выехал в Чили к семье.

Четыре года отсидел Эгон Кренц: сначала в тюрьме Моабит, а затем в застенках Плетцензее, где вплоть до 1945 года не стихал стальной лязг гильотины. Против его заключения протестовали Госдума РФ, КПРФ, бывшие военные, работники культуры, журналисты, министры, его коллеги по комсомолу: Е. Тяжельников, Б. Пастухов, В. Мишин. К счастью, их голоса все-таки были услышаны.

Кузьмин Вячеслав Васильевич

Советник 1 класса в отставке

КОМСОМОЛ — МОЯ ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

Свое 100-летие родной комсомол встречает, когда хулителю его добрых дел приумолкли, и страна все громче признает большую роль союза молодежи в реализации грандиозных народно-хозяйственных планов и воспитании молодого поколения. Мы, живые свидетели и участники тех событий, можем с гордостью рассказать об этом.

Хорошо помню день вступления в комсомол весной 1946 года. Группу шестиклассников сельской семилетки принимали торжественно в райкоме города Болхова на Орловщине. В родную деревню возвратился окрыленным, с комсомольским значком на груди. Чувствовал, что, вступив в ВЛКСМ, совершил что-то очень важное в жизни. Время подтвердило это предчувствие: комсомол стал моей колыбелью, школой становления и трамплином в будущее.

Где бы ни находился, всегда старался быть в гуще комсомольских дел, на меня часто выпадала роль лидера,

организатора. В железнодорожном училище в Орле, где я стал слесарем 5-го разряда, избирался комсоргом группы, побеждал на конкурсах самодеятельных артистов. В паровозном депо в течение двух лет возглавлял организацию ведущего цеха подъемного ремонта, получив первый опыт общения с боевым отрядом рабочих-железнодорожников.

В 1953 году меня призвали в армию. Служить пришлось в радиотехническом полку противовоздушной обороны, расположенном на окраине г. Карши в Узбекистане. Трудно было предположить, что армия даст возможность связать себя с профессиональной или, как тогда говорили, «освобожденной» комсомольской работой. На первом комсомольском собрании учебного батальона, на котором я выступил, ребята узнали, что за плечами у меня 10 классов, опыт комсомольской работы, трудовой стаж, год учебы в расформированном артиллерийском подготовительном училище. Узнали ребята и то, что в кармане у меня лежали три рекомендации для вступления в партию, в том числе от героя Советского Союза С. Баркова, слесаря депо. Собрание избрало меня секретарем комсомольского бюро.

Через пару месяцев после беседы с замполитом и секретарем парткома полка меня кооптировали в состав полкового комсомольского бюро в качестве секретаря, вместо выбывшего на учебу в академию старшего лейтенанта. Я занимал офицерскую должность два года. Открылись возможности для активной работы в специфических армейских условиях. Я посещал комсомольские организации подразделений, дислоцированных в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Коканде, Термезе, Ханабаде. Проводил беседы на военно-политические и молодеж-

ные темы, помогал в организации политучебы, организовывал читательские конференции, вечера дружбы народов. За хорошую постановку художественной самодеятельности комсомольская организация полка была награждена большой библиотекой, набором духовых музыкальных инструментов, а я часами и почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. В 1954 году меня приняли в члены КПСС, и я стал единственным коммунистом из числа срочников.

Именно тогда у меня созрело осознанное решение после демобилизации пойти на комсомольскую работу. Об этом написал в Орел. Ответ первого секретаря железнодорожного РК ВЛКСМ Васи Кириллова обрадовал меня: помним железнодорожника, ждем.

Поздно вечером Василий буквально ворвался на заседание литературного кружка при областной молодежи, отозвал меня и сказал: «Завтра буду рекомендовать тебя освобожденным комсоргом завода им. Медведева...».

Комсомольцы, как я почувствовал, мою ознакомительную речь приняли заинтересованно. В зале оказался приятель по железнодорожному училищу, добавивший позитива в мою пользу. В состав комитета внесли на три-четыре кандидатуры больше одобренного числа членов, а это обычно для «варягов» было плохим знаком. Но все обошлось, я прошел в состав комитета, а он избрал меня своим секретарем.

В головой окунулся в комсомольскую «круговерть». С раннего утра, часто без обеда, посещал цеха, отделы, знакомился с комсомольцами на их рабочих местах, выслушивал их предложения, советы. Директор завода С. К. Колесан, холодный и жесткий руководитель, принял меня сдержанно, но пообещал помогать, призвал

начальников всех звеньев завода поддерживать инициативы молодежи. Насторожила его просьба: «Я знаю вас, комсомольцев, любите проводить рейды, вынюхивать недостатки и все вываливать в прессу. Не делайте этого». Полностью учесть это пожелание не удалось.

Мы провели ряд рейдов по цехам, заводской территории и выявили низкую культуру производства, захлапленность цехов, проходов, проездов. Обнаружили целый склад под открытым небом дорогого импортного оборудования, много лет ждущего применения. Вскоре его вывезли в Москву. Для самых захлапленных цехов учредили переходящий «антиприз». На фанерном щите огромная жирная свинья в луже, а под ней надпись:

«Я люблю вот тот цех,
Так как он грязнее всех.
Уберетесь — я уйду,
Если грязи не найду».

Вспоминаю комсомольское собрание с интригующей, вызвавшей изначально много вопросов повесткой дня: «Что нам мешает работать лучше?» Я построил доклад так, чтобы было ясно, что комитет комсомола, все 500 комсомольцев, намерены по-деловому искать дополнительные резервы повышения производительности труда, качества машин и оборудования для легкой промышленности.

На собрание пришло областное и городское комсомольское руководство. Десятки горячих выступлений, споры, критика, предложения — все было. Но главная цель собрания достигнута: одобрен развернутый план похода комсомольцев за повышение качественных показателей труда.

Проверкой способности работать с молодежью стала поездка на целину в качестве начальника тысячного областного отряда в 1957 году. В Кустанайской области Казахстана мы строили элеваторы, зернохранилища, и после четырех месяцев успешной работы отряд без потерь вернулся домой.

В сентябре 1958 года меня пригласил к себе первый секретарь обкома ВЛКСМ Григорий Иванушкин и предложил перейти на работу в обком. Раздумывать было нечего, речь шла о новых перспективах. При утверждении моей кандидатуры на бюро обкома возникла заминка. Встревоженный, я сидел в приемной и улавливал отрывки спора членов бюро. Наконец меня пригласили в зал заседания. Иванушкин сказал, что члены бюро не возражают против утверждения меня инструктором отдела рабочей молодежи. Однако, заметил он, ряд членов высказались против, указав на то, что ты бываешь заносчив. Я не стал ничего опровергать, что-то доказывать и спокойно ответил: «Если говорят, значит, следует прислушаться к этому и исправляться». Думаю, что за заносчивость кто-то принял то, что я уклонялся от бессмысленных «дружеских попоек» комсомольских активистов. Над малопьющими и непьющими посмеивались, их разыгрывали. К сожалению, некоторые мои коллеги по комсомольской работе спились, уйдя из жизни в 40 лет. Некоторые партийные боссы всех уровней не обращали внимания на этот порок, часто пили вместе с комсомольскими работниками и сами деградировали.

Рабочее место мне определили в комнате на два стола. Сидевший за одним из них заведующий Отделом сельской молодежи Анатолий Попов заметил: «Тебя сажают не в общей комнате инструкторов, а за столом, где

сидел за отделом рабочей молодежи, это добрый знак». Анатолий оказался прав. Через несколько месяцев я возглавил отдел, а на очередном пленуме был избран членом бюро обкома.

Первая командировка в далекое село была связана с щекотливым заданием: проверить жалобу в ЦК ВЛКСМ делегатки XIII съезда комсомола — доярки на неблагоприятные дела в колхозе, интимную связь председателя, семейного человека, с заведующей молочно-товарной фермой. Прямо с дороги я решил заехать на молочно-товарную ферму, где как раз проходила вечерняя дойка. Узнав о моем приезде, все доярки, скотники, в том числе и автор жалобы в ЦК ВЛКСМ, устроили комсомольское собрание, на котором, не стесняясь в выражениях, устроили головомойку заведующей фермой, председателю колхоза, районному начальству за наплевательское отношение к дойному стаду колхоза, бытовым нуждам скотоводов, особенно дояркам. Я услышал то, что мне нужно было знать. Глава же колхоза повел меня на ночлег к одинокой молодой женщине, где мы вместе поужинали. У дома собралась ватага девчат, распевавших частушки про то, как «председатель в галифе любит Нюрку МТФ». Факты, указанные в жалобе, подтвердились, и местный райком партии по итогам проверки строго спросил с запутавшегося главы колхоза.

В обязанности отдела входило оказание помощи горкомам, райкомам комсомола, организациям промышленности, строительства, транспорта. В те годы на Орловщине сформировалось мощное промышленное ядро, работали десятки заводов, в том числе союзного значения. Там я был частым гостем. За все время работы в комсомоле в мой адрес не было серьезной критики, жалоб на мои

действия, хотя всегда можно было найти для этого повод. Дело в том, что свои посещения я использовал для оказания помощи прямо на месте, а не для поиска недостатков. Мои же коллеги, выезжая в районы для подготовки к отчетам райкомов ВЛКСМ на бюро обкома, привозили уйму «жареных» фактов, часто мелочных, вызывавших у членов бюро смех и саркастические издевки над райкомовцами. Я шел другим путем. В ходе проверок, выявив упущения, засучив рукава, вместе с комсомольским активом обдумывал, как устранить их. Проводили собрания актива, заседания бюро, разбирались с недостатками в работе заводских организаций. Докладывая на бюро о результатах проверки, я делал акцент на уже принятых мерах по их устранению, а отчитывавшийся представлял бюро обкома развернутый план мероприятий.

Работа в обкоме мне нравилась. Она помогла приобрести дополнительный опыт работы с людьми, научиться писать официальные бумаги и аналитические документы. Обком комсомола развивал соревнование молодежных бригад, проводил конкурсы по профессиям, молодых рационализаторов, слеты передовиков производства, отбирал молодежь для работы на целине, всесоюзных комсомольских стройках.

Именно в это время я особенно остро почувствовал необходимость получения высшего образования. Не за горами маячило 30-летие, возраст уже не комсомольский. В руки попало объявление о приеме студентов в Московский государственный институт международных отношений МИД СССР (МГИМО). Прочитав эту бумагу, я загорелся огромным желанием не упустить свой шанс. Но как быть? Обучение очное в течение 6 лет, а у меня жена, двухлетний сын... Это обстоятельство

охладило мой пыл. Супруга Нина, ознакомившись с условиями приема в институт, спокойно и как-то по-особому твердо сказала: «Знаешь что, мы с Сережей справимся, не переживай, готовься к экзаменам, не отказывайся от своей мечты».

Не буду описывать, как сдавал экзамены. Главное то, что в 1960 году я стал студентом факультета международных отношений. Часто задаю себе вопрос: почему мне и таким же простым парням удалось получить билет в престижный институт — тогда у Крымского моста. Это было время «хрущевской оттепели», когда лидер партии поставил вопрос о льготах при поступлении в вузы для молодежи с трудовым опытом. Признаю, что в моем случае рабочая закалка, служба в армии, комсомольская работа, членство в партии — все это было плюсами при приеме в сугубо политический вуз.

Грустно было расставаться с комсомольской работой, которой отдал почти десять лет. Впереди ждала трудная работа дипломата, принесящая много душевного удовлетворения и, к сожалению, в разгар успешной карьеры подставившая мне коварную подножку. Но об этом ниже.

Учеба давалась нелегко, особенно изучение английского языка. Постепенно трудности преодолел, институт закончил без троек, а госэкзамен по языку сдал на «отлично». На курсе оказался старше всех, опытнее других. Меня избирали секретарем парторганизации курса, в течение двух лет являлся председателем Профкома института. Во время каникул читал лекции о международном положении. На четвертом курсе руководитель заграничной практикой студентов М. М. Юрьев сделал мне настоящий подарок судьбы, предложив поехать вместе с семьей

на целый год в Представительство СССР при ООН на должность дежурного коменданта. Приземлившись 1-го апреля 1964 года в аэропорту им. Дж. Кеннеди, я понял, что это не первоапрельская шутка, а Америка, страна, по которой я проходил специализацию в институте.

Пребывание в Нью-Йорке старался использовать с максимальной пользой, прежде всего, для совершенствования английского языка. С разрешения Ю.М. Воронцова, бывшего тогда советником Представительств, посетил сто уроков в известной школе Берлица. Занятия там оказались несложными, пришлось искать новые возможности. Продвинутыми оказались профессиональные языковые курсы при ООН. Обладатели их диплома имели право занимать профессиональные должности в международных организациях. На экзаменах в три этапа американцы устроили мне «допрос с пристрастием»: зачем мне нужен диплом, где планирую работать и т. д.

Дипломаты Представительства привлекли меня для регулярных выступлений перед американскими школьниками и студентами. Запросов на встречи было много, интерес к СССР возрос. (За время практики мне удалось выступить 63 раза, а всего за 14 лет работы в системе ООН более 120). Эти выступления давали возможность лучше понять психологию и образ мышления американцев, убедиться в ограниченности их кругозора, зашоренности при познании нашей страны и остального мира. К концу практики мне удалось полностью написать дипломную работу и успешно защититься в институте.

Возвратившись в Москву, я спешно догонял однокурсников, «подчищал хвосты» за пятый курс. Выполнив эту задачу, получил разрешение досрочно сдать экзамены за последний, шестой курс. К осени 1965 года сдал

госэкзамены и получил заветные корочки об окончании МГИМО.

Позже узнал, что постоянный представитель СССР при ООН Н. Т. Федоренко хотел запросить меня на работу, но его заместитель Е. Н. Макеев решительно воспрепятствовал этому. Причина простая. На новогоднем вечере я вел капустник и зачитал неуместный стишок, задевавший его, недавно занявшего свою должность:

«К новой должности и чину
Дали новую машину;
Но поет шофер от скуки,
С девяти и до пяти:
«Ой, родные мои руки,
Где работу вам найти?»».

Это была моя грубая ошибка, забывшего, что я выступаю не на комсомольском собрании и то, что далеко не все люди прощают нанесенные им обиды.

И все же в самом конце 1965 года меня направили на работу в Представительство, теперь на начальную дипломатическую должность референта. Определили в группу по политическим вопросам, где трудилось несколько человек моего возраста в должностях первых секретарей и советников. Я попросил их выделить мне какой-нибудь для начала небольшой вопрос, но ответ меня обескуражил. «Все вопросы распределены, будешь оказывать техническую помощь. Не спеши, мы все так же начинали, уже по десять лет трудимся на ООНовском направлении». Оказывается, я должен был подшивать досье, относить и забирать бумаги в машбюро, бегать за документами, приносить газеты и т. д. Я понял: здесь

я не получу никаких профессиональных навыков, следует искать что-то свое, самостоятельное. И нашел.

Читая американские газеты и журналы, обнаружил, что в подходе США в отношении Китая намечается крутой поворот. Политики, бизнесмены, особенно академические круги, рисуют контуры наиболее выгодной для Вашингтона линии поведения в рамках «треугольника» СССР-КНР-США, прикидывают, как лучше воспользоваться советско-китайскими трениями. Получив одобрение руководства на разработку этой темы, штудировал свежие публикации китаистов, связался и встречался со специалистами Колумбийского, Гарвардского, Нью-Йоркского городского университетов, побывал в университете Беркли (Калифорния), вступил в Азиатское общество. Удачно сложились отношения с исследовательским центром Демократической партии США, Советом по внешним сношениям, где мне передали программу исследований по Китаю. Директор азиатского института Колумбийского университета Дж. Линдбек подарил мне только что заверченный обзор «Изучение Китая в США». Размах исследований, озадачил заинтересованные организации в Москве. В 60-х годах в США к изучению этой страны были привлечены 4 тысячи ученых в 50 центрах, советах, фондах, университетах и т. д.

Запомнилась интересная беседа со специалистом ЦРУ. На конференции азиатских ученых в Бостоне я и человек с бэйджем на лацкане пиджака «ЦРУ» несколько раз встречались взглядами, ходили вокруг друг друга, не скрывая интереса к проведению беседы. На заключительном фуршете первым подошел ко мне американец и предложил поговорить, задав друг другу по десять

вопросов. Это был ведущий аналитик американской разведки по КНР. Так и поступили. Из довольно откровенных ответов американца стали лучше понятны замыслы новой китайской политики Вашингтона.

Сменивший Н. Т. Федоренко Я. А. Малик ценил поступающую от меня информацию, давал возможности для встреч, поездок по американским штатам. Моя карьера складывалась удачно: я стал атташе, третьим секретарем, досрочно получил ранг второго секретаря, был награжден медалью. Малик настаивал на том, чтобы я остался в Представительстве на 6-й год, обещая должность второго секретаря. Но я, сославшись на семейные обстоятельства, упросил его разрешить отъезд.

В 1970 году мы вернулись в Москву. В МИДе меня ожидала новая интересная работа. За несколько месяцев до окончания командировки я получил приглашение академика С. Л. Тихвинского на работу в новое подразделение, «мозговой центр» министерства — Управление по планированию внешнеполитических мероприятий. В УПВМ проработал два года вторым и первым секретарем. Углубленно занимался эволюцией американо-китайских отношений под углом последствий этого фактора для интересов СССР. При обсуждении результата исследования серьезных замечаний коллег по концепции выводов и предложений не было, но замечаний по стилю изложения было немало.

В начале 1973 года по предложению заместителя Генерального секретаря ООН Л. Н. Кутакова, пройдя процедуру отбора кадровиками Секретариата ООН, я был назначен его помощником. Кутаков хорошо знал меня по совместной работе в Представительстве СССР при ООН и по МГИМО, где он был директором,

а я председателем Профкома. Работали мы дружно, делая акцент на сборе ценной информации. Через полгода я стал специальным помощником уровня Р-5 (старший советник).

Вскоре к нам прибыл новый зам. Генерального секретаря ООН А. Н. Шевченко, работавший ранее в нашем Представительстве в качестве руководителя политической референтуры. Он всегда был правой рукой послов, буквально не отходил от них в любой ситуации. Опекал А. А. Громыко и его жену во время их приездов в Нью-Йорк. У меня лично сложилось впечатление, что стихия и страсть этого человека — карьера. Как мне казалось, Департаментом по политическим вопросам и делам Совета Безопасности, который он возглавлял, практически не управлял, западные директора делали что хотели, вплоть до самостоятельного выхода на генсека и его окружение. О желании использовать этот высокий пост в интересах нашей страны, по-моему, он даже не думал.

Мои отношения с новым замгенсека дальше служебных не распространялись. Мы друг к другу в гости не ходили, наши жены не встречались. Правда, я не ставил своей целью обострять с ним отношения. Шевченко постоянно пил, в его кабинете стоял столик, постоянно нагруженный бутылками. На работе появлялся поздно и уже «под мухой». Было видно, что он деградирует. В Представительстве все знали об этом. Но его побег к американцам все равно буквально ошарашил нас всех, а для меня лично это был серьезный удар по моему престижу, авторитету, карьере, будущему. Я хорошо знал, что этот «черный штамп» навсегда останется в моем личном деле. Я ни в чем не был виновен, ко мне никто никогда не предъявлял претензий, но ...

После возвращения на родину меня определили советником Историко-дипломатического управления, где «выдерживали» целых восемь лет. Я не раскис, усердно трудился с пользой для своего развития. По поручению директора департамента С. Л. Тихвинского, я стал организатором подготовки к изданию сборника документов о становлении российско-американских отношений на русском и английском языках, на основе соглашения МИД СССР и Госдепа США. Эту трудную работу мы завершили в срок и на высоком научном уровне.

В течение ряда лет в ИДУ я возглавлял научно-исследовательский отдел. Горжусь тем, что под моим фактическим руководством было подготовлено последнее издание Дипломатического словаря в трех томах. Я стал соавтором двухтомной истории внешней политики СССР, соавтором издания об итогах и уроках Второй мировой войны, защитил диссертацию кандидата исторических наук. Хорошо была принята специалистами моя монография «Китай в стратегии США».

Моим последним дипломатическим причалом на целых шесть лет оказалось Посольство СССР в Австралии. Работа в этой экзотической стране не требовала особого напряжения, да и такого опыта, каким я к этому времени обладал. Угнетало лишь то, что меня командировали с условием, что к моей должности советника должны дать неприятный «довесок» в виде неосвобожденного секретаря объединенного партбюро. Я знал, что эта работа скандальная, мало подходящая для таких «правдолюбив» и «правдорубов», как я. К тому же, в конце 80-х — начале 90-х годов партия потеряла влияние, ее не шельмовали только ленивые. Эти веяния полностью проявились в коллективах посольства, торгпредства,

генконсульства, где свои новоявленные демократы, открыто, призывали к ликвидации партии, поносили Советский Союз. Посол Е. М. Самотейкин, отправленный фактически в «политическое изгнание» с должности референта Л. И. Брежнева, аплодировал крушению СССР. (От неприятного «довеска» мне удалось с трудом освободиться через два года).

Я охотно трудился в посольстве, установил нужные для работы связи, подружился с лидерами левых профсоюзов и партий. Тщательно изучал политическое и экономическое устройство страны, особенности поведения австралийцев, которых справедливо называют «счастливыми людьми». В своих мемуарах «Взлеты и падения» (М., 2012) я посвятил большую главу Австралии, назвав ее «страной жесткой демократии и порядка».

Дипломатическую службу закончил в марте 1992 года. Мне исполнилось 60. Недавно я взял в руки свое пенсионное удостоверение, в котором указаны мой 45-летний стаж и мизерная пенсия в 2000 рублей. Для сравнения: в то время поездка на такси из Москвы в аэропорт Шереметьево стоила 3 тысячи. ВФУ отказалось выплачивать двойное 3-х месячное выходное пособие, ссылаясь на трудности в стране. Пенсионеров увольняли из МИДа без разговора и учета жизненных обстоятельств. Десятки молодых дипломатов, побросав партбилеты, разбежались по частным компаниям.

Вот на такой невеселой ноте закончилась моя 30-летняя дипломатическая служба. Она приносила и радости, и гордость за Родину, и огорчения. Я благодарен этой службе за то, что она еще сильнее укрепила во мне искреннюю любовь к своей стране, помогла трепетно ценить свои истоки, отчий дом, все то, что дали мне ком-

сомол и советская власть. Я остался верен своей партии, друзьям, воспитал образованных, морально чистых, любящих свою родную землю, детей.

* * *

Бывая в Орле, всегда останавливаюсь напротив уютного особнячка на Октябрьской улице, где размещался обком комсомола. Вижу, что в домике хозяйничает в основном молодежь, уже другое поколение. Вряд ли они что-нибудь знают о комсомоле, о нашей полезной работе на благо Родины. А ведь мы, в самом деле, думали и поступали тогда так, как пелось в комсомольской песне: «Жила бы страна родная, и нету других забот».

Старовойтов Иван Петрович

Советник 1 класса в отставке

ВСПОМИНАЯ О ПРОЖИТОМ

Юбилей Комсомола для людей нашего поколения — это не только замечательный праздник, но и хороший повод вспомнить о героических и трудовых подвигах наших соотечественников.

В период Великой Отечественной войны наша семья оказалась на оккупированной фашистами территории Белоруссии. Разрасталось партизанское движение и мой брат-комсомолец вступил в ряды активных борцов против немецко-фашистских захватчиков. Это не прошло незамеченным. Наша семья была отправлена немцами в концентрационный лагерь в городе Орше «за причастность к партизанской семье». Режим лагеря был направлен на то, чтобы заключенные погибали как можно скорее. И в этом фашисты преуспели — в концлагере от голода, холода и болезней умерло более 19 тысяч человек.

Наша семья оказалась чудом выжившей. Заключенных лагеря освободили воины Красной Армии.

Свое поистине босоное детство вспоминаю с грустью. Четвертый класс в семилетней школе, где я учился, был выпускным. Помню, в школу приезжал фотограф, нас снимали для памятной фотографии. Я пришел в школу босиком, потому что никакой обуви у меня просто не было. Район, в котором мы жили, был полностью опустошен военными действиями. Здесь фронт стоял в течение девяти месяцев и отсюда потом начиналась известная военная операция «Багратион». Оставшиеся в живых люди жили в землянках и наскоро построенных времянках. Так что об обуви приходилось только мечтать.

Когда нас начали готовить к фотографированию, я стоял позади всех своих одноклассников. Учительница заметила мое смущение и отвела меня в первый ряд, тихо сказав: «Присядь на корточки, и все будет хорошо». Я часто беру в руки эту фотографию, долго рассматриваю ее, стараюсь увидеть на ней свои босые ноги.

Почти всех моих одноклассников, не говоря об учителях, уже нет на этом свете. Но всех я помню, особенно учителей, ведь именно благодаря им, благодаря знаниям, которые они передали нашему поколению, страна возродилась из пепла, были восстановлены промышленность, сельское хозяйство, разрушенные города и села.

После окончания университета в столице Белоруссии я был избран первым секретарем Минского горкома комсомола, а затем первым секретарем Минского обкома комсомола, в силу чего я стал и членом ЦК ВЛКСМ. Через определенное время меня избрали Председателем Студенческого Совета СССР — заместителем Председателя Комитета молодежных организаций СССР. Защищал кандидатскую диссертацию. После завершения

образования в Дипломатической Академии МИД СССР служил на ответственных должностях в центральном аппарате Министерства и его загранучреждениях — в Турции и Великобритании.

В течение семи лет работал в Секретариате Организации Объединенных Наций, сначала в качестве старшего сотрудника по социальным вопросам, а затем начальника канцелярии заместителя Генерального секретаря ООН.

Известно, что в Советском Союзе была создана четкая система подготовки и воспитания молодежи, неотъемлемой составляющей частью которой был Комитет молодежных организаций СССР. Он стал настоящей кузницей молодых кадров, воспитавшей сотни активных и талантливых политиков, дипломатов, общественных деятелей, представителей науки и культуры, составляющих славу и гордость нашей великой страны. Много было сделано для расширения и укрепления международных связей советской молодежи.

В рамках Комитета молодежных организаций успешно работал Студенческий Совет СССР, который координировал международные контакты советских студентов. Студенческий Совет имел постоянное представительство в Международном Союзе студентов в Праге.

Будучи Председателем Студенческого Совета СССР в тесном сотрудничестве с руководством ЦК ВЛКСМ и КМО СССР я стремился наращивать международные молодежные обмены, что способствовало появлению все большего числа искренних друзей нашей страны.

Высоко ценю период моей работы в комсомоле под руководством и в тесном сотрудничестве с Е. М. Тяжелниковым, Б. Н. Пастуховым, В. М. Мишиным, Л. И. Матвеевым, А. А. Лебедевым, Г. И. Янаевым.

И сегодня на склоне лет убежден, что многогранный опыт комсомола важно знать и творчески использовать в целях утверждения исторической правды, памяти и преемственности поколений, защиты прав молодежи, формирования активной гражданской позиции юношей и девушек.

Твалтвадзе Александр Григорьевич
Советник 1 класса в отставке

МОЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ

КОРОТКО О СЕБЕ

Я родился 11 августа 1936 г. в городе Сухуми. В школе был председателем пионерской дружины, а затем секретарем комсомольской организации. В студенческие годы активно участвовал в общественной жизни коллектива, в том числе и по линии комсомола. После окончания педагогического института отправился на работу в среднюю школу в селе Ачигвара в Абхазии. Там, наряду с учительской деятельностью, стал сотрудничать с республиканской прессой, публикуя материалы о сельской жизни, о проблемах и достижениях сельчан. Сотрудничество с прессой завершилось тем, что я переехал в Сухуми и возглавил молодежный отдел газеты «Советская Абхазия». Здесь меня заметил 1 секретарь Абхазского обкома партии Михаил Тимурович Бгажба, по инициативе которого меня взяли инструктором обкома комсомола, а через год избрали 1 секретарем

Сухумского горкома комсомола. На этой должности работа была настолько напряженной и увлекательной, что пять лет пролетели как один день.

В 1964 г. меня взяли в обком партии инструктором партийного отдела, а в 1965 г. я успешно сдал вступительные экзамены в Академию общественных наук при ЦК КПСС. В 1968 г. окончил Академию, защитив кандидатскую диссертацию по философии. В 1969 г. меня пригласили на работу в ЦК КП Грузии. В 1971 г. мне предложили перейти на дипломатическую работу. Я согласился. В 1973 г., по завершении учебы в ВДШ МИД СССР, был принят на работу в Отдел латиноамериканских стран министерства. В том же году был командирован в Республику Экваториальная Гвинея (РЭГ) 1 секретарем посольства. После РЭГ работал в Центральном аппарате МИД СССР, где принял участие в подготовке и публикации сборников дипломатических документов и материалов об отношениях нашей страны с рядом латиноамериканских стран. Затем были длительные командировки в Никарагуа и на Кубу. Должен отметить, что опыт комсомольской и партийной работы отлично помогал мне на дипломатической службе.

После выхода в отставку в 1999 году целых десять лет занимался в Совете ветеранов МИД России изданием сборников воспоминаний дипломатов.

РАБОТА В КОМСОМОЛЕ

Надо сразу сказать, что в Сухумском горкоме комсомола меня встретил многонациональный, дружный коллектив. Среди членов горкома и актива не существовало пресловутого национального вопроса.

С первых же дней работы в горкоме передо мной встала задача — определение приоритетов в работе. Я и мои товарищи по горкому пришли к выводу, что главным приоритетом на тот период являлось трудоустройство молодежи. И на то были веские причины. Надо представить себе, что это был за город — Сухуми — в те далекие 60-е годы прошлого века. Помимо того, что это был административный центр, он был еще и шумным курортным городом с большим количеством ресторанов, кафе и других подобных заведений. В летние месяцы город наводняли толпы отдыхающих и туристов, и среди них было немало женщин «с низкой социальной ответственностью». В ночное время суток то в одном месте, то в другом возникали пьяные разборки и драки, часто с тяжелыми последствиями. В эти неблагоприятные дела легко вовлекалась и местная молодежь, большая часть которой была безработной. Но была и другая молодежь — рабочая и студенческая, на которую опирался горком комсомола. Итак, сама жизнь подсказывала, какой выбрать приоритет. Трудоустройство молодежи оказалось сложной и многоплановой работой. Прежде всего, надо было наладить взаимопонимание горкома с дирекцией, партийной и комсомольской организациями предприятий и учреждений по вопросу трудоустройства молодых людей, часто не имевших никаких профессий. Было очень важно адаптировать ребят на рабочих местах, организовать шефство над ними со стороны опытных рабочих. Эта работа проводилась в тесном контакте с партийными органами города. Инициативу горкома поддержали и в ЦК комсомола Грузии.

Наряду с трудоустройством молодежи не менее актуальной была активизация борьбы с уличным

криминалом — бандитизмом, карманными ворами, распространителями наркотиков среди школьников. По нашей инициативе из студентов-спортсменов были сформированы оперативные группы, которые вместе с сотрудниками милиции выходили на дежурство, предупреждая возникновение криминальных ситуаций на улицах, площадях и в парках. Я и сам вместе с заместителем начальника городского отделения милиции Сергеем Гарегиновичем Казаряном очень часто на мотоцикле объезжал ночной город.

Помню, мы даже провели в горкоме комсомола встречу с молодыми карманниками. Наше предложение бросить воровство и пойти на работу с приличной зарплатой, обескуражило воров. За исключением одного парня все согласились начать новую жизнь, при этом приговаривая, «посмотрим, что из этого получится». Надо признать, не все выдержали испытание, но большинство прижилось на работе. Впоследствии ребята благодарили нас за нашу инициативу, но особенно благодарны были их родители.

Мы активно работали с ребятами подросткового возраста. Помогали пионервожатым в их непростой работе с детьми вместе с городским домом пионеров. В летние месяцы в городе открывались пионерские лагеря, над которыми шествовал горком комсомола.

Комсомольцы города живо откликались на все призывы времени, где были нужны их руки. Так, они приняли активное участие в строительстве жилого комплекса в шахтерском городе Чиатура, Сухумского стадиона, Сухумского телевизионного центра, курортного комплекса в Пицунде и других важных объектов республики.

При горкоме активно работала редакция сатирического журнала «Крокодил идет по городу». Это был ежемесячно обновляемый стенд, на котором размещались материалы о негативных сторонах городской жизни, публиковались критические материалы о плохой работе коммунальщиков, о нерадивых и нечистых на руку рестораторах.

Особое место в работе горкома комсомола занимали патриотическое и интернациональное воспитание. На это была направлена деятельность молодежных объединений — «Клуба "Диспут"» и «Клуба интересных встреч». В них обсуждались актуальные вопросы молодежного движения, звучала острая критика буржуазных идей, попыток церкви вовлечь молодежь в свое лоно. Многим запомнилась встреча с ветеранами войны, с живыми участниками героического восстания советских военнопленных в 1944 году на острове Тексель. Демонстрация этого фильма стала важным фактором патриотического воспитания.

Мы научились зарабатывать средства на нужды молодежного движения, организовывая платные концерты с участием учащихся местного музыкального училища и профессиональных эстрадных оркестров с туристических кораблей ГДР, регулярно заходивших в Сухумский порт. Были популярными платные футбольные матчи «Старички и молодые». Вырученные деньги чаще всего направлялись на строительство молодежного горнолыжного комплекса в Бакуриани и на другие стройки, над которыми шествовал комсомол.

Наш энтузиазм основывался на глубокой вере в скорое торжество коммунистических идеалов, как это обещал Р.С. Хрущёв. Хотя прогноз оказался неверным, дух 60-х

во мне не угас. Я верю в прекрасное коммунистическое будущее нашей страны, несмотря на то, что она все еще катится к капитализму и клерикализму со всеми негативными последствиями, присущими им. Если мир развивается по спирали, а наука свидетельствует именно об этом, у капитализма в нашей стране нет будущего. Мне уже далеко за 80, прожита большая жизнь, но время, отданное комсомолу, до сих пор волнует меня и придает силы.

* * *

Спустя годы, я приехал в Сухуми в отпуск. Однажды, автобус, в котором я находился, не доехав до остановки два квартала, неожиданно притормозил напротив моей улицы. Вдруг раздался голос водителя по радио:

— Александр Григорьевич, выходите на Вашей улице.

Я был огорошен. Выходя из автобуса, спросил водителя.

— Откуда Вы меня знаете?

Он ответил:

— Вы меня на работу устраивали.

Этот, в общем-то мало чем примечательный эпизод, врезался в память и вернул меня в мою комсомольскую юность, подтверждая ту истину, что все, что мы делали в комсомоле — делали правильно.

Ткач Николай Стефанович

Советник 1 класса в отставке

НАС ВОСПИТАЛ КОМСОМОЛ

Часто бывает так. Пришел молодой специалист после окончания ВУЗа в какое-то ведомство и закончил свой трудовой путь в этом же ведомственном учреждении, уйдя в положенное законом время на заслуженный отдых. По сути — это одна строчка в трудовой книжке, если, конечно, не считать карьерного роста и соответствующих на этот счет записей.

Совсем по-другому сложилась моя трудовая биография. После окончания Краснодарской средней школы и последующей учебы в Московском финансовом институте (ныне финансовый университет при Правительстве РФ), я вернулся на малую Родину и начал работать в Краснодарской краевой конторе Стройбанка СССР. Меня повышали по службе, я часто выступал в печати по вопросам экономики строительства, критиковал недостатки в организации и выполнении строительно-монтажных работ на многочисленных стройках Кубани. Был принят в ряды КПСС, активно занимался общественными делами. Видимо, поэтому был замечен и приглашен на работу

в Краснодарский горком партии. Когда об этом сообщили управляющему Стройбанком Емельяну Кирилловичу Мокроусову, тот заупрямился, объяснил, что у него, дескать, «есть на меня виды» направить на самостоятельную должность управляющим Сочинским или Новороссийским отделением банка. Однако его просьба оставить меня в банке не возымела должного понимания. В горкоме партии нужен был инструктор, курирующий городское строительство и коммунальное хозяйство. Секретарь горкома, которому звонил Е. К. Мокроусов, сказал: «В понедельник товарищ Ткач должен приступить к работе. А Вы, Емельян Кириллович, не знаю, где будете работать, если продолжите упорствовать». Вот такая была партийная линия.

В начале 60-х было решено омолодить, а значит, соответственно, обновить аппарат ЦК ВЛКСМ. Меня вызвали в Москву «на смотрины» и спустя короткое время последовало предложение на работу, которую я, скажу откровенно, выполнял не без удовольствия, сначала ответственным организатором, а затем заведующим сектором Северного Кавказа и Центрально-Черноземных областей в Отделе комсомольских организаций.

К сожалению, работа в комсомольских органах в силу возрастных особенностей самой молодежной организации, ограничена во времени. Как правило, четыре-пять, от силы шесть лет, и на смену старожилкам приходят новые молодые энергичные хлопцы и девочки, заменяя «стариков», которых с удовольствием приглашают на работу, подчас, на достаточно высокие должности, различные, прежде всего, силовые ведомства, идеологические структуры. Часть работников направлялась на учебу в Академию общественных наук,

внешней торговли, МВТ СССР, Высшую дипломатическую школу МИД СССР. Мне, с базовым финансовым образованием, сам Бог велел пойти поучиться в Академию внешней торговли. Так оно и случилось.

С нового учебного 1968-го года я приступил к учебе в Академии на факультете экономистов-международников. Это был весьма любопытный факультет. Достаточно сказать, что на нашем курсе средний возраст слушателей составлял аж 42 года. Здесь были специалисты самых разных областей народного хозяйства, некоторые имели ученые степени, лауреатские звания Совета Министров СССР.

Конечной целью учебы в Академии была прежде всего подготовка наших специалистов для работы в специализированных учреждениях системы ООН, да и в самой ООН. Для достижения этой задачи решением Политбюро ЦК КПСС и был создан при Академии внешней торговли наш спецфакультет. Как показала жизнь, факультет оправдал намерения его создателей. Сотни представителей нашей страны прошли соответствующие конкурсы и заняли рабочие места в самых различных международных организациях, потеснив, в определенном смысле, западных специалистов.

Обычно Организацию Объединенных Наций воспринимают как центр мировой политики, в котором дипломатические представители разных стран если и не решают окончательно, но, тем не менее, четко обозначают свои позиции по важнейшим вопросам повседневной международной жизни, войны и мира, и просто конфликтных ситуаций.

В то же время, наряду с политической составляющей, значительно большей по объему деятельности

ООН является, как известно, социально-экономическая сторона ее интересов. Напомню, в структуре ООН существует так называемый пятый комитет, который курирует административно-бюджетное направление. Наряду с этим, свыше двух десятков специализированных учреждений ООН занимаются изучением и подготовкой рекомендаций для стран по проблемам труда, науки, культуры, здравоохранения, туризма, гражданской авиации, морского судоходства, развития промышленности и сельского хозяйства, борьбы с голодом, миграцией населения, детства и материнства и многим другим. Их почти невозможно перечислить. Все эти аспекты мировой экономики входят в круг интересов и сферу деятельности Отдела международных организаций МИД СССР, в который я был направлен на стажировку перед длительной шестилетней командировкой в секретариат ООН в Нью-Йорке в качестве старшего сотрудника. Мои обязанности были связаны с административно-бюджетными вопросами, рациональным и экономным использованием средств, которые государства-члены вносят в ООН на постоянной основе по специальной шкале взносов.

Вспоминаются первые рабочие дни на 37-м этаже в известной стеклянной коробке на Ист-ривер. Буквально в первую неделю работы неожиданно в кабинет вошел Курт Вальдхайм, избранный вместо бирманца У Тана на пост Генерального секретаря ООН. Его сопровождал мой непосредственный начальник, американец Роберт Смит, который доложил Генсеку, что я русский и всего три дня назад приступил к работе. Вальдхайм доброжелательно пожал мне руку и сказал по-русски: «Хорошо, хорошо, работай». Как потом я узнал от коллег, Генсек

решил лично обойти свой аппарат и познакомиться со всеми сотрудниками. Не уверен, что это ему удалось, но нас он посетил, тем более, что его кабинет расположен был над нами, на последнем этаже. А русский язык у него, видимо, остался со времени нахождения в нашем послевоенном лагере для военнопленных.

После завершения международной чиновничьей службы я вернулся в МИД в отдел ОМЭО, который многие годы возглавлял блестящий, опытный дипломат Алексей Ефремович Нестеренко. За двадцать с лишним лет работы в МИДе, на моей памяти сменилось пять или шесть заведующих, да и сам отдел обрел новое название. Сейчас это Департамент экономических связей (ДЭС), не говоря уже о смене не менее двух поколений сотрудников. Тем не менее, наше, первое поколение, поддерживает традиции прошлых времен и периодически встречается в рамках ветеранской организации МИДа.

Нельзя обойти молчанием, говоря о традициях ОМЭО, тот любопытный факт, что отдел являлся кузницей кадров высшего звена для Министерства в целом. Начиная с Министра С. В. Лаврова, можно упомянуть заместителей Министра — А. И. Денисова, Э. Е. Обминского, В. А. Небензю, А. А. Панкина, А. Н. Бородавкина. Все они «выпускники ОМЭО-ДЭС». К этому можно добавить несколько послов Советского Союза, высшего уровня сотрудников ООН и ее специализированных учреждений, советских представителей при международных организациях. Все это наши традиции, предмет нашей гордости, нашей причастности к тому, что приходилось многие годы работать вместе.

Вспоминается, однако, не только «все хорошее». В истории МИДа бывали и «черные дни». Благо, они

были недолгие. Я имею в виду лихие 90-е, когда страна переживала горбачёвско-ельцинские перестройки. К руководству пришли люди новой псевдо-демократической волны, попросту говоря, проходимцы, временщики. Они поставили на первое место свои собственные интересы, заискивание перед «всемогущим» Западом. Что греха таить, многие дипломаты тогда покидали Министерство. Кто в силу имевшей место интриганской кампании, кто просто по собственному желанию на фоне творившейся несправедливости. Благо, дипломатические работники были востребованы во многих учреждениях, прежде всего государственных и правительственных. Как говорится, сия чаша не миновала и меня.

По запросу из Верховного Совета РСФСР я ушел в одно из его вновь созданных подразделений, которое замыкалось на вице-президенте России В. С. Руцком. Не прошло и нескольких месяцев, как наш шеф с известными «злополучными восьмью чемоданами компромата» потерял свои позиции и по сути потерпел политическое фиаско. Вслед за этим прекратили существование находившиеся под его опекой структурные подразделения. Они подвергались всяческим реформациям и, в большинстве своем, были попросту ликвидированы.

Хотя в приказе о моем уходе из МИДа значилось, что в случае необходимости я могу вернуться на прежнее место работы, я предпочел другое решение.

Мои однокашники по финансовому институту как раз на тот момент занимали ведущие должности в Банке России, который как и другие ведомства, не обошла «демократическая чехарда». На спасение государственной казны пришли известные финансисты — Геращенко В. В., банкир в третьем поколении, лекции его отца (кстати,

первого директора ОМЭО МИД СССР) мне доводилось слушать в студенческие годы; Куликов В. Н., истинный государственный контролер, который до прихода в Банк был заместителем Председателя Госкомитета народного контроля СССР; Вайлуков А. В. — непререкаемый «туру» в вопросах организации денежного обращения и оборота наличных денег.

Я не без удовольствия принял приглашение своих добрых отзывчивых друзей и последнее свое трудовое десятилетие связал с Банком России, довольно легко вписался в симпатичный пронципальный женский коллектив Департамента подготовки персонала. Руководил им Г. В. Шураев, удивительно душевный человек, серьезный, заботливый наставник, доверивший мне возглавить службу международного обучения. Тогда это было очень модно — осваивать новые для наших специалистов банковские технологии в условиях рыночной экономики. Практически все главные европейские Национальные банки участвовали в этом процессе.

Так, начав свой трудовой путь в Краснодарском краевом Стройбанке, я закончил его в Центральном Банке РФ.

Когда находишься на девятом десятке жизненного пути, когда позади долгие трудовые годы, полные успехов, а подчас, неудач, возникает тривиальный вопрос — какой этап своей разнообразной жизни я выделил бы в качестве лучшего, наиболее запоминающегося. Конечно, не задумываясь, я назвал бы годы комсомольской юности. И не только потому, что молодые годы самые яркие в жизни любого человека, а и потому, что именно в этот период человек становится гражданином, обретает самостоятельность, начинает ответственно оценивать свои действия и поступки.

Мне кажется, что комсомол можно сравнить со второй колыбелью. Первая колыбель материнская, когда ребенок еще только делает первые шаги. А вот вторая — это когда парень, или девушка уверенно входят в сознательную жизнь, становятся полноправными членами социума, окунаются в реальную действительность. И вот здесь главная роль принадлежит комсомолу, призванному воспитывать молодого человека, приобщать его к коллективизму, способствовать вращению в учебный или трудовой коллектив.

Для меня членство в ВЛКСМ началось нестандартно. Я стал комсомольцем на полгода раньше, чем этого требует Устав организации. В седьмом классе те, кому 14 лет, имеют право вступать в ряды Союза. А если день рождения выходит за рамки учебного года, как, например, у меня — в июле, то пришлось бы ждать начала следующего учебного года, так как школа уходит на каникулы. В классе появились первые три комсомольца. Они с гордостью носили комсомольские значки и показывали нам свои комсомольские билеты. Все остальные очень им завидовали и считали месяцы и недели до четырнадцатилетия. Я был в числе последних, но решил «ускорить» время. Пошел в райком комсомола, благо он находился недалеко от дома. Пришел к секретарю РК ВЛКСМ (тогда это было возможно, сегодня охрана на входе не пустила бы даже в коридор). Объяснил свою ситуацию, сообщил, что я выучил Устав, регулярно читаю газеты и слежу за политической жизнью страны. Попросил в порядке исключения рассмотреть вопрос о моем членстве в ВЛКСМ.

К моему удивлению, собеседник с пониманием воспринял мое страстное желание и обещал посоветоваться

с членами бюро. Вскоре в школу прибыл инструктор РК ВЛКСМ, ведающий вопросами деятельности школьных комсомольских организаций. Он меня нашел, дал для заполнения анкету, а через несколько дней я на бюро райкома был принят. В феврале — вместо сентября! Это был настоящий праздник. Моей радости, казалось, не было конца. Одноклассники на комсомольском собрании избрали меня комсоргом, а затем, через некоторое время — членом Комитета комсомола школы.

Таким образом, начав свою комсомольскую юность в Краснодаре, я через несколько лет, после окончания института в Москве, продолжил ее снова в Краснодаре, куда был направлен на работу в филиал Стройбанка СССР.

Комсомольская организация банка была малочисленная, всего-то 10 человек. Возможно, поэтому, я применил свою энергию в более высоких сферах. Был избран заместителем председателя ревизионной комиссии крайкома, затем — председателем ревизионной комиссии Первомайского райкома Краснодара и, наконец, внештатным секретарем и членом бюро Краснодарского горкома ВЛКСМ (в то время институт внештатных секретарей был в большой моде).

Первым секретарем горкома был Геннадий Гусев, приехавший на Кубань после окончания философского факультета МГУ. Он был истинный энтузиаст, любимец молодежи города. Пожалуй, не было дня, который он провел бы целиком в своем кабинете в горкоме. Основное время он уделял выступлениям на комсомольских собраниях, активных встречах в молодежных аудиториях предприятий,строек, ВУЗов, школ города. Будучи пламенным оратором, он знакомил молодежь с проблемами,

над которыми работает городской комсомольский штаб, отвечал на любые острые вопросы. При необходимости, тут же на собрании публично обращался к руководителям трудовых коллективов, призывая их поддерживать молодежные инициативы. Наша дружба с Геннадием продолжалась затем в ЦК ВЛКСМ, где нам одновременно довелось работать. К сожалению, он рано ушел из жизни. Однако, за короткую жизнь он сделал немало, оставил несколько великолепных книг, долго работал в ЦК КПСС, на ответственных должностях в государственных и правительственных учреждениях.

Моя увлеченность комсомольской работой в конечном итоге послужила решающим фактором постепенного отхода от банковской деятельности и переходу на профессиональную общественную работу после избрания секретарем Краснодарского промышленного крайкома ВЛКСМ.

Тогда впервые крайком комсомола возглавила женщина — Лариса Бадовская, молодая и очень симпатичная аспирантка Краснодарского политехнического института. В Северо-Кавказском регионе на сей счет существовали определенные традиции. И они были нарушены. Безусловно, новый состав секретариата крайкома таил в себе определенный риск. Но Александр Иванович Качанов, первый секретарь крайкома партии, с лихвой умудренный опытом партийного руководства, мне кажется, сознательно пошел на этот риск, согласовав его с ЦК ВЛКСМ. И действительно, как говорится, новая метла метет по-новому. Мы в своей работе не были связаны какими-то штампами. Все пришлось делать с «нуля», очертив круг проблем, которые были бы понятны и интересны для молодежи.

Первое, с чего начинался промышленный крайком — это, конечно, создание надежного молодежного актива, способного доносить новые идеи до широких молодежных масс. Молодежь должна почувствовать, что в новых перестроечных процессах ей отводится важное место, ее приобщают к хозяйскому подходу, экономии, бережливости, ответственному отношению к работе. Для этого нужна была хорошая деловая связь комсомольских комитетов с хозяйственными руководителями и, как результат, поддержка молодых энтузиастов, создание для них нормальной, творческой рабочей обстановки. Именно на этом фоне повсеместно начали появляться Советы молодых специалистов, комсомольско-молодежные конструкторские бюро, советы молодых ученых и другие.

Достойное место отводилось «Комсомольскому прожектору» — важному инструменту участия промышленных комсомольских комитетов в выявлении и устранении всех тех недостатков и производственных нарушений, которые попадали в поле зрения прожектористов. Проведенный, например, в Новороссийске первый слет отрядов «Комсомольского прожектора» Кубани показал достаточно высокую степень вовлеченности молодежи в хозяйственную жизнь, ее заинтересованную причастность к результатам труда рабочих, прежде всего, молодежных коллективов.

Высокую оценку у молодежи края получил созданный крайкомом лагерь труда и отдыха комсомольского актива. Лариса Бадовская, заручившись поддержкой Крайкома партии, посетила Председателя Краснодарского совнархоза Н. К. Байбакова, которого Н. С. Хрущёв «за непослушание» направил в кубанскую столицу, освободив от должности Председателя Госплана СССР.

Николай Константинович высоко оценил организованную Краснодарским горкомом ВЛКСМ серию субботников и воскресников по уборке территории цехов на пусковой новостройке союзного значения — Краснодарском хлопчато-бумажном комбинате. В субботниках бескорыстно юноши и девушки с песнями и молодежным задором проводили большую работу по ускорению сдачи в эксплуатацию важного хозяйственного объекта.

Лариса очаровала сталинского наркома, который поддержал ее инициативу по строительству на берегу Черного моря летнего лагеря труда и отдыха. Последовали соответствующие распоряжения об участии в учебной программе лагеря ряда руководителей предприятий, крупных ученых, ведущих отраслевых специалистов с лекциями и выступлениями перед молодежью.

Буквально через пару недель заработал палаточный лагерь, оборудованный спортплощадкой и всем необходимым, включая полевые кухни. Бюро райкома комсомола объявило конкурс на лучшее название лагеря. При подведении итогов конкурса лучшим названием было «СОКОЛ» — «Союз Одержимых Комсомольским Огоньком Ленинцев». Директорствовали в лагере по очереди ответственные работники крайкома. Первым директором был замечательный парень, инструктор орготдела Витя Кравченко, затем лагерь возглавлял Анатолий Мартовой, который после ухода из комсомола много лет заведовал кафедрой философии в одном из харьковских ВУЗов.

После окончания лагерных сборов слушатели получали специальный сертификат и включались в резерв на повышение по основной профессиональной или комсомольской работе. Достаточно сказать, что только за один сезон

работы лагеря в нем прошли обучение свыше пятисот комсомольско-молодежных активистов.

Вспоминая Краснодарский период комсомольской юности, хочется вспомнить и народную мудрость, когда о человеке говорят, что он «родился в рубашке», что ему в жизни шибко везет. Мне действительно здорово везло в том, что всегда меня окружали хорошие верные друзья. С некоторыми удалось пронести дружбу через всю жизнь. Об одном друге, Виталии Сыроватко, хотелось бы сказать особо.

Простой рабочий парень с одного из заводов возглавил первичную комсомольскую организацию, но проявил при этом себя так, что вскоре был избран первым секретарем горкома комсомола, став в девятнадцать лет руководителем одного из значимых на Кубани отрядов ВЛКСМ. Затем служба в армии в Краснодаре. И снова — руководство армейской комсомольской организацией воинской части — причем весьма успешное. Своеобразный самородок-общественник. Бюро крайкома комсомола незадолго до демобилизации Виталия обратилось с письмом к командующему Северо-Кавказским военным округом генералу Плиеву и Министру обороны маршалу Гречко с просьбой о досрочном окончании воинской службы и командировании В. Сыроватко в распоряжение краевого комитета ВЛКСМ.

Как ни странно, обращение получило положительную реакцию со стороны военачальников. Вскоре на очередном пленуме Виталий Сыроватко был избран вначале секретарем, а затем первым секретарем Краснодарского промышленного Крайкома комсомола. Лариса Бадовская вернулась к любимой научной работе в институт и много лет заведовала кафедрой химии. А жаль.

У нее были все данные для общественно-политического роста. Она могла бы стать общественным деятелем союзного уровня.

Активно, а лучше сказать — беззаветно работая первым секретарем Крайкома ВЛКСМ, Виталий снискал заслуженное уважение молодежи. Без преувеличения можно сказать, что его знали тысячи молодых людей и девчат, перед которыми он часто выступал с докладами и сообщениями.

Выработав возрастной молодежный ресурс, он перешел на партийную работу. Затем учеба в Академии общественных наук при ЦК КПСС, работа в аппарате ЦК КПСС с последующим командированием в Брянскую область, избрание секретарем обкома Партии и работа председателем Брянского областного Совета народных депутатов. Вершиной его служебного роста явилось избрание секретарем Президиума Верховного Совета РСФСР. Он не дрогнул, подписав в числе шести смельчаков-депутатов открытое письмо, осуждающее политическое вероломство Ельцина.

Жизненный путь Виталия Сыроватко убедительно показывает, что может дать комсомол молодому человеку, особенно если этот человек к тому же не обделен организаторским талантом.

Важным жизненным этапом для меня явилась работа в ЦК ВЛКСМ в Москве. Как уже упоминалось ранее, аппарат центрального штаба комсомола страны переживал время обновления. Прибыв в Москву на собеседование и пройдя все отделы, я в конце второго дня многочисленных встреч и бесед должен был встретиться с первым секретарем ЦК Сергеем Павловичем Павловым. Он принял меня уже далеко за полночь. После достаточно про-

должительной беседы пожелал успехов и сообщил, что в Краснодар придет соответствующее письмо о командировании на работу в Москву. Когда я покидал его кабинет, в приемной находились еще человек пять, которые ждали своей очереди.

Сначала мне показалось, что здесь кроется какое-то стремление показать «трудовое напряжение». Но, когда я позже окупился в суровую действительность, пришлось воочию убедиться в собственной неосведомленности.

В здании ЦК отсутствовало понятие окончания рабочего дня. Во многих кабинетах до поздней ночи кипела работа, здесь спорили, подчас до хрипоты, по проблемам молодежи. Творческие деловые споры нередко превращались в служебные записки, проекты документов для принятия на бюро ЦК для ориентировки в работе первичных комсомольских организаций.

Сегодня, во всяком случае до недавнего времени, в некоторых средствах массовой информации были попытки извратить и опорочить доброе имя комсомола, представить ЦК ВЛКСМ, прежде всего его аппарат, в виде чиновников, далеких от интересов молодежи. Исходя из собственного опыта, могу подтвердить подвижническую роль комсомола, его центрального штаба, областных организаций в воспитании подрастающего молодого поколения, мобилизации сил и энергии молодых на создание материальной базы страны, которая так бездумно была растрянжирена. А что до «отрыва от интересов молодежи», то здесь следовало бы напомнить о том, что до двухсот, а точнее не менее двухсот дней в календарном году ответственные работники аппарата проводили в служебных командировках в областях и нижестоящих первичных комсомольских

организациях, постоянно встречаясь с молодежью, интересуясь и изучая различные молодежные проблемы. Да, собственно, и сами эти работники в подавляющем большинстве представляли молодежь в рамках определенного Уставом ВЛКСМ возраста.

Вспоминается одна из служебных командировок в Ивановскую область. Вместе с тогдашним первым секретарем Обкома Адольфом Демидовым решили мы посетить одну из ведущих комсомольских организаций — Ивановский меланжевый комбинат — с целью ознакомления с опытом работы комсоргов в цехах предприятия — самых низовых ячеек в комсомольской структуре. Идем по цеху, подходим к рабочему месту одного из комсоргов. Симпатичная девушка отошла на короткое время от станков, за которыми она работала, чтобы побеседовать с неожиданно нагрянувшими комсомольскими «начальниками». Начинаем знакомиться. Я протягиваю руку, представляюсь — Ткач. Девушка сильно смутилась и, в свою очередь, подавая руку, бойко отвечает — прядильщица. В тот день еще несколько раз пришлось при знакомстве с девушками — комсоргами, преодолевать курьезы, связанные с моей «ткацкой» фамилией. В ответ на приветственное знакомство вместо имени и фамилии собеседниц приходилось слышать название их рабочих профессий — сновальщица, крутильщица и т. д.

Затрудняюсь сказать, от чего так происходит, но дружеские отношения между людьми, подчас совершенно разными по характеру, но объединенными общей идеей, общими помыслами и устремлениями, часто остаются на долгие годы. В этом контексте хотелось бы вспомнить первые дни работы в аппарате ЦК ВЛКСМ. В одной комнате на третьем этаже почти одновременно приступили

к работе три Николая и один Виктор. Кроме меня, Николаями были Елизаров и Ветров, а Виктором — Поляничко. Все мы прибыли в Москву из разных городов, имели разное образование, профессии и жизненный опыт. Но эти различия не помешали нам объединиться в единый, сплочённый микро-коллектив. Взаимно обогащая друг друга знаниями и опытом комсомольской работы, делаясь полезными с профессиональной точки зрения, случаями из практики, мы использовали редкие возможности общаться семьями, тем более, что у всех были малые дети примерно одинакового возраста. Так, казалось бы, комфортно работать и работать долгие годы. Но жизнь остановить невозможно. Время звало вперед.

Уехал в Челябинск Виктор Поляничко. Он был избран первым секретарем обкома комсомола. Откомандирован в Министерство внутренних дел Николай Ветров. Позже он защитил докторскую степень и до конца дней своих возглавлял кафедру в Академии МВД России. После ряда повышений в аппарате Николай Елизаров успешно окончил Дипломатическую академию МИД России, отработал в должности посла не менее чем в трети латиноамериканских стран. Мы по-прежнему продолжали дружить. Особое место, я бы сказал, особую память мы с Колей Елизаровым храним о Викторе Поляничко. После комсомола он прошел большой славный путь, находясь на самых трудных и ответственных участках общественно-политической жизни страны, отстаивая ее интересы в «горячих точках», добросовестно и честно выполняя миротворческую функцию от имени правительства России. 1 августа 1993 года при исполнении служебных обязанностей Виктор Петрович Поляничко, глава Временной администрации на территории Северо-Осетинской

ССР и Ингушской республики, героически погиб на боевом посту. С тех пор, вот уже четверть века на Новодевичьем кладбище к его могиле приносят цветы его бывшие сослуживцы, товарищи, друзья. Он всегда был любим людьми, поскольку сам был человеком большой души, чутким и внимательным. Сюда приходят бывшие секретари ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, Б. Н. Пастухов, Л. К. Балясная, А. Х. Везиров, С. Г. Арутюнян — все те, кто работал с Виктором, кто с ним дружил. Здесь можно также встретить коллег Виктора, кому довелось с ним работать в Челябинске, Оренбурге, Баку, Афганистане.

По времени работы в комсомоле Б. Н. Пастухову можно отвести особое место. Начиная с секретаря Московского горкома и до завершения комсомольской карьеры в должности первого секретаря ЦК ВЛКСМ, он проработал не менее полутора десятков лет. Старые кадровые комсомольские работники, те, кто начинали с Борисом Николаевичем, и помнят его еще по горкому, после ухода из комсомола разбрелись по разным городам и весям. Перешли на работу в разные сферы экономики, науки, культуры. Но когда они по старой дружбе встречались с главным комсомольцем страны, то всякий раз не упускали возможность сострить: «Не расстанусь с Пастуховым, буду вечно молодым».

Для нашего поколения комсомол был и останется началом большого жизненного пути. Нас воспитывали любить и гордиться нашим Отечеством, уважать старших, быть полезными своей стране, своему народу.

Прошли годы, выросло новое поколение людей, которые, безусловно, захотят узнать, что на самом деле представлял собой комсомол, в чем его заслуга. Истинную

правду молодежь, конечно, может узнать от тех, кто прошел комсомольскую школу, творил его историю.

Место и роль комсомола как феноменального общественного явления, сумевшего сплотить и объединить многомиллионную армию молодых людей, направить их энергию на построение гражданского общества, ждут своих беспристрастных исследователей.

Мы же сообща должны беречь чистую и светлую память о нашей комсомольской юности. Это наш гражданский долг.

Горскина Тамара Николаевна

Главный специалист-эксперт

в отставке

ВОТ ТАК ЭТО БЫЛО...

Во времена СССР все мальчики и девочки, достигшие 14 лет, вступали в комсомол, за редким исключением. Самое интересное в моей комсомольской юности началось, когда я в 1964 г. стала членом мидовской комсомольской организации и секретарем Комитета комсомола Курсов стенографии и машинописи (ныне Колледж МИД). Что запомнилось о тех годах? Это — поездки в подшефный совхоз им. А. Чехова на картошку, это — спортивные соревнования на мидовском стадионе, а «девочки с Курсов», конечно, как самые молодые, в первых рядах (до сих пор сохранилось фото, где я на старте в забеге, а Олег Пересыпкин, в те времена — член Комитета комсомола, дает «отмашку»), А еще была отличная самодеятельность с собственным оркестром и вечера с приглашением студентов МГИМО, МИФИ и Института военных переводчиков (наша директриса А. Латышева предпочитала военных, т.к. «у них дисциплина: строим вошли, строим сели, строим танцевали, и так же вышли, но главное — после себя

не оставляют по закуткам пустых бутылок»). Многие на этих вечерах знакомились и выходили замуж. Я, как комсомольский лидер, ездила на выездную учебу вместе с членами Комитета ВЛКСМ МИД тех лет — Фокиным, Мякотных, упомянутым уже Пересыпкиным, Плечко, Обертышевым, Журавлевым... Многих из них уже, увы, нет. Было очень интересно. Учебу я закончила с высшей квалификацией, и Кадры решили сразу отправить меня на заработку. Это было в 1966 г.

Распределили меня в Посольство СССР в Багдаде, это была моя первая из шести длительных заграничных командировок и самая сложная — и по объему работы, и по ее напряженности, и по военно-политической обстановке в стране, когда переворот за переворотом, война с Израилем, а еще — тяжелейший климат, жара под и за 40, песчаные бури. Был даже случай нападения ночью иракских военных на наш жилой дом, удивительно, как мы тогда остались живы. Все было, и это отдельная история. Но были и самодеятельность, в которой я, конечно, участвовала, и водные праздники в бассейне для малышей, которые комсомольцы проводили, и выезды на шашлыки, и влюбленности — ведь мы были молодые. Но для меня самым сложным, наверное, была разлука на три года с мамой, которая оставалась одна в Москве, была очень больна, а «мобильников» в 60-е годы не было, и письма приходили один раз в месяц с самолетом, и это был праздник. И все же главным была работа. Были дни, когда приходилось трудиться и по 12 и по 14 и более часов, проводя чуть ли не сутки в референтуре в тесноте и духоте. Вспоминаю классных дипломатов-арабистов, ставших впоследствии послами. Это Олег Пересыпкин, Николай Тихомиров, Олег Дерковский, Виктор Посу-

валюк, Владимир Водяхин и др. Опять же, некоторых из них уже нет...

Потом была работа в ЦА, и, конечно, комсомол был со мной, а я в комсомоле. В один прекрасный день в 1972 г. приглашают меня в Партком МИДа и предлагают перейти работать в Комитет комсомола освобожденным заместителем секретаря по оргработе, а по должности в Киевском райкоме — секретарем (там же я и зарплату получала многие годы). А до меня эту работу успешно выполняла Надежда Мозжухина, которой я очень благодарна и по сей день и за рекомендации, и за науку. К тому времени она закончила архивный институт и перешла на работу в ИДД, где многие годы возглавляла Архив внешней политики Министерства. Секретарем Парткома был в те годы В. Ф. Стукалин. С Парткомом комсомол работал в очень тесном контакте. Часто приходилось представлять на заседаниях Парткома характеристики комсомольцев на выезд в заграникомандировки и в этом качестве я должна была стать членом КПСС.

Многие годы комсомол шефствовал над детским домом им. Г. Чичерина. Мы собирали со всех посольств школьные принадлежности, книги, игрушки, обувь и вещи для детей (ведь это были годы сплошного дефицита). В ЦА проводили профессиональные конкурсы среди молодежи, активно работала лекторская группа, множество субботников было организовано на территориях детского сада, интерната, больницы, дома отдыха и пансионата, пионерского лагеря. Вообще пионерский лагерь им. Ю. Гагарина требует отдельного упоминания. Одно время вожатыми туда ездили студенты МГИМО, затем мы стали направлять молодых дипломатов-комсомольцев из ЦА. Это была очень непростая работа —

дети, и их было более 600 человек. Знаю из собственного опыта, т. к. по настоянию парткома пришлось и мне поработать старшей пионервожатой.

Среди подшефных у МИДа не один год был подмосковный совхоз им. Чехова. Ежегодно туда для помощи в уборке урожая направлялись группы студенток Технических курсов в сопровождении 3–4 молодых дипломатов. Часто мне приходилось ездить туда, чтобы проверить, как людей расселили, как кормят, какие условия работы и пр. Говорят — «любовь не картошка...», а в жизни в том числе «на картошке» зарождалась любовь и потом получались семьи. Например, уважаемый посол Александр Иванович Удальцов, как-то держа перед собой фотографию внучки, говорил: «Вот не отправила бы ты меня тогда на картошку, я бы свою Лену не встретил...». И это правда, встретились они с Леной в совхозе и позднее поженились и счастливо живут много лет, дай бог им здоровья. Другая семья моих друзей-комсомольцев Семен Дзахаев и Ирина тоже встретились и поженились после «картошки». Вот так. Не буду сейчас перечислять других ребят, главное то, что за нужным и полезным делом и о любви не забывали, ведь мы были молодыми.

С 1972 г. в комсомоле секретарями Комитета комсомола были по очереди Михаил Логвинов, Алексей Жуков (уже ушел от нас) и Сергей Лавров. С каждым из них, а они не были «освобожденными» и занимались прежде всего своей основной работой, я проработала по 3 года. Что касается последних лет, вспоминаю их с большим теплом и позитивом. Было очень весело. Все знают о чувстве юмора Сергея Лаврова, бог одарил его многими талантами: он пишет прекрасные стихи, здорово поет, особенно Высоцкого. На каждую выездную учебу

или вечер мы готовили капустники, которые «гремели» на всю Москву, и от желающих на них попасть не было отбоя. Естественно, мы же в них и играли, и я до сих пор помню наизусть стихотворные куски из этих капустников. К примеру: «Как жить, когда купить колготки могу я лишь в командировке?», или «С милым рай в шалаше, если милый атташе». В те годы некоторые пассажи наших капустников были даже «крамольными», а то и небезопасными для их авторов.

Со многими ребятами дружу по жизни до сих пор. Кого-то уже нет рядом. Но это были лучшие годы моей жизни, годы комсомольской юности. Надеюсь, что и меня, и эти комсомольские годы кто-то вспоминает с тем же теплом, что и я. Вот так.

Содержание

<i>ЛАВРОВ Сергей Викторович</i> СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ.....	5
<i>ТЯЖЕЛЬНИКОВ Евгений Михайлович</i> 75 ЛЕТ В КОМСОМОЛЬСКОМ СТРОЮ.....	6
ДИПЛОМАТЫ КОМСОМОЛЬСКОГО ПЛЕМЕНИ	28
<i>ДЗАСОХОВ Александр Сергеевич</i> «САМАЯ ВАЖНАЯ ЧАСТЬ МОЕЙ ЖИЗНИ»	32
<i>АРУТЮНЯН Сурен Гургенович</i> О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ	42
<i>ДУРДЫЕВ Тяхир Бяшимович</i> ОТ МАРОСЕЙКИ ДО СМОЛЕНКИ.....	53
<i>ЕЛИЗАРОВ Николай Михайлович</i> МОИ КОМСОМОЛЬСКИЕ ГОДЫ	64
<i>КАЗИМИРОВ Владимир Николаевич</i> КОМСОМОЛЬЦЫ И ВЕНГЕРСКИЕ СОБЫТИЯ 1956 ГОДА	74
<i>МИХАЙЛОВ Евгений Николаевич</i> ИЗ КОМСОМОЛИИ В ДИПЛОМАТИЮ — ЧЕРЕЗ АФГАНИСТАН.....	82
<i>ОБУХОВ Алексей Александрович</i> НЕЗАБЫВАЕМОЕ.....	88

<i>ПОТАПОВ Анатолий Викторович</i> КОМСОМОЛ ЧЕРЕМУШЕК	104
<i>СПИРИН Юрий Алексеевич</i> МАЛЕНЬКИЙ КОМСОМОЛЕЦ	110
<i>БРАГА Виталий Николаевич</i> КОМСОМОЛ В МОЕЙ СУДЬБЕ	127
<i>БЫЧКОВ Юрий Евгеньевич</i> «ЗА АКТИВНУЮ РАБОТУ В КОМСОМОЛЕ»	132
<i>ГРИЩЕНКО Александр Сергеевич</i> В ДИПЛОМАТЫ ИЗ КОМСОМОЛА	140
<i>ЛОГВИНОВ Михаил Аркадьевич</i> СЕРДЦЕМ НЕ СТАРЕТЬ... ..	149
<i>МАТВЕЕВ Леонид Иванович</i> ОГЛЯДЫВАСЬ НАЗАД	153
<i>СИЗЫХ Николай Гаврилович</i> МОИ 25 ЛЕТ В КОМСОМОЛЕ	163
<i>ГЛУШКОВ Михаил Иванович</i> МОЙ ТОВАРИЩ КОМСОМОЛ	169
<i>КОЛДОВСКИЙ Виталий Константинович</i> О ТОМ ВРЕМЕНИ С ЛЮБОВЬЮ	176
<i>ЧЕРНОВ Константин Михайлович</i> «ШКОЛА КОМСОМОЛА — ШКОЛА ЖИЗНИ»	183
<i>КУЗЬМИН Вячеслав Васильевич</i> КОМСОМОЛ — МОЯ ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА	206

<i>СТАРОВОЙТОВ Иван Петрович</i>	
ВСПОМИНАЯ О ПРОЖИТОМ.....	222
<i>ТВАЛТВАДЗЕ Александр Григорьевич</i>	
МОЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ.....	226
<i>ТКАЧ Николай Стефанович</i>	
НАС ВОСПИТАЛ КОМСОМОЛ	232
<i>ГОРСКАИНА Тамара Николаевна</i>	
ВОТ ТАК ЭТО БЫЛО.....	251

МОЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ

Воспоминания ветеранов дипслужбы

Том 28

В работе над сборником принимали участие:

В. И. Морозов, А. О. Семенов, Ю. А. Спирин,

А. Г. Чернов (главный редактор).

Координатор проекта И. П. Старовойтов,
помощник координатора А. Б. Устинова.

Редактор — *Евгений Степанов*

Компьютерная верстка, макет — *Ирина Ракитина*

Корректоры — *Ольга Ефимова, Фёдор Мальцев*

Бумага офсетная

Гарнитура Minion

Тираж 500 экз.

Сдано в набор 06.08.2018

Подписано в печать 01.09.2018

Издательство «Вест-Консалтинг»

109378, г. Москва, Есенинский бульвар,

д. 1/26, корп. 1, офис 34.

Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»

Белгородская обл., г. Старый Оскол

Комсомольский проспект, 73.